1.

В. А. Дыбо
26. II. 74 г.

Лекция 1

~~потом — балтийской и закончим курс построения балто-славянской акцентологической системы. Дальше, если кому-то это будет интересно, мы можем коснуться и проблемы индоевропейской акцентологии. В первую очередь, по-видимому, нужно будет заняться славянской акцентологией, но~~ Прежде чем перейти к рассмотрению материала славянской акцентологии, я хотел бы кратко описать балтийскую и славянскую системы таким образом, чтобы было ясно, хотя бы на уровне терминов, к какой системе мы придем в результате сравнительно-исторического анализа.

В последнее время очень часто встречается противопоставление классической и современной акцентологии. Это деление относительное. Дело в том, что и в рамках классической акцентологии были ~~совершенно~~ диаметрально противоположные решения и классическая акцентология не представляла какой-то стройной системы, а были целый ряд построений акцентологических, которые очень сильно различались. Например, если мы возьмем построения балтийской глагольной акцентуации у Торбьёрнссона, то там мы встретимся с диаметраль

2. но противоположной оценкой акцентных типов, 7
чем у Буги, Эндзелина или Булаховского. Те глаголы, которые Торбьёрнссон считает баритонированными, для Буги и Эндзелина были старые окситонированные, т.е. конечноударными. Аналогичную противоположность мы встретим в работах Ван-Вейка, с одной стороны, и Мейе, когда мы будем рассматривать классическое построение акцентной системы имени. В реконструкции того, что мы называем сейчас подвижная а. парадигма Ван Вейк исходил из баритонированного типа и объяснял возникновение подвижности как результат действия закона де Соссюра, в то время как Мейе указывал на значительный вклад старой индоевропейской подвижности в этой группе имен. Вообще для Ван Вейка было характерно почти полное игнорирование морфологической подвижности ударения, в то время как в „восточной школе", в „школе" Булаховского, Эндзелина и Буги, наличествовало понимание того факта, что очень многие славянские феномены восходят к старой морфологической подвижности еще балтославянского уровня.

Если же мы рассмотрим современные акцентологические теории, то мы увидим, что совершенно отличаются концепции Курыловича и Станга. Исходящая из станговской, но отличающаяся от нее рядом „радикальных", по Х. Стангу допущений наша концепция, которую выдвинули я и Иллич-Свитыч, она тоже в общем-то стоит несколько особняком.

3. Так что как будто бы на фоне этих фактов, кажется, особых отличий между классической и современной акцентологии нет. Но тем не менее имеются некоторые черты, которые отличают новый этап развития акцентологии. Это прежде всего то, что в современной акцентологии приобретает особое значение понятие акцентной парадигмы.

Что такое акцентная, или акцентуационная парадигма? Иллич-Свитыч в своей книге в примечании на стр. 4 определяет ее таким образом: "Термин акцентуационная парадигма (а. п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода „акцентуационную кривую" грамматической парадигмы".

~~Это кажется немного сложно, но это очень простая вещь.~~

Возьмем, например, три слова: ~~Вот есть слово~~ 1) рука́:

Род. руки́
Дат. руке́
Вин. ру́ку

[illegible] сравнение – ба́ба.

2) Род. ба́бы
Дат. ба́бе
Вин. ба́бу

3) жена́
жене́
жену́

Эти ~~Три~~ слова, собственно ничем не отличающиеся морфологически

одно от другого, имеют совершенно разные типы ударения

4. Т. е. в одних случаях в Им. п. совпадают жена и рука, в Род. тоже совпадают, в Вин. п. — не совпадают. Если мы, допустим, обозначим это какими-нибудь ~~шариками~~ кружочками и квадратиками, то получится вот такая схема:

Мы можем провести линию.
В двух случаях у нас получилась прямая; в этом случае — ломаная линия, отсюда и идет термин — кривая, движение акцента. Аналогично ~~и в двух~~ на обо[их] других случаях мы тоже переносим термин "кривая" — акцентуационная кривая.

Сравнительно-исторический и исторический анализ показывает, что в славянском собственно все слова любых лексико-грамматических категорий можно было разбить ~~[вот]~~ на три типа, ~~[каждой из всех лексико-грамматических категорий]~~. И в каждой ~~фонетически~~ можно найти или тип, чем-то близкий к типу рука или тип с накоренным ударением, или тип с наконечным ударением. Я не беру остальные формы, там получатся некоторые осложнения, связанные с историей современного русского языка.

Акцентные кривые ~~[всех грамматических категорий]~~, ~~[допустим]~~ i-основ, u-основ, имен ср. рода и т. д.

5. В различных падежах мы встречаем различные **I**
формы: в именах мужского рода, какой-нибудь воз
ударение ~~будет~~ иметь на корне, род. п. – на корне, а во
множ. ч. мы встречаем уже, творит. –
во́зы́, (др.-рус). Эти акц. кривые дополни-
тельно распределены в зависимости от типа основы,
в зависимости от того, к какой грамматич. категории
относится эта акцентная кривая. В глаголе и в
имени мы просто не найдем одинаковых форм.

Так как акцентные кривые дополнительно
распределены, то вообще говоря эти акцентные
парадигмы обозначаются одним значком, то в сущности
а. п. следует определять как класс акцентных кривых,
класс дополнительно распределенных, чем-то схожих,
имеющих элементарную схожесть между собой и находя-
щихся в одинаковых условиях функционирования.
Это я потом поясню.

Так вот, Сравнительно-историческое рассмотрение праславянского
языка показывает, что все слова этого языка, скажем так
– все непроизводные слова (каждое из этих слов) имели один из трех
акцентных типов, а. парадигм, которые примерно сейчас
после работ Станга обозначают латинскими буквами
а, в, с. При этом а – это тот тип, который мы
находим в слове баба, в – это тип, который мы
находим в слове жена́ и с – это подвижный акц. тип.

Понятие, с которым я сейчас познакомил вас, является
фактически основой современных акцентологических иссле-
дований. И этим большинство современных работ отличается
от работ 30-х – 40-х годов, когда в центре исследовани

6, славянской акцентологии лежало понятие слоговых I
акцентов, или интонаций.

Акцентная парадигма не является открытием последних работ, работы Станга — она появилась значительно раньше. Собственно сам термин был введен де Соссюром. Представление об этих акцентных типах, очень четкое, существует в работе Бранта "Начертание славянской акцентологии", но в дальнейшем исследователи просто как-то ушли от этого понятия, центр интересов сместился в сопоставление рефлексов различных интонаций слоговых и в сущности это понятие было потеряно, и представление о том, что акцентная система праславянского, как и акцентная система языков-потомков была именно <u>система</u>, очень строгая система взаимозависящих единиц, перестало существовать на поверхности этих исследований. Можно сказать, что классическая акцентология проходила под знаком слоговых интонаций.

Новое возвращение к акцентной парадигме имело очень большое значение для сравнительной акцентологии. Имело оно это значение прежде всего потому, что строгое исследование, очень тщательное показало, что в сущности слоговые интонации играли в общем подчиненную роль в славянском. Они в большинстве случаев могут быть предсказаны акцентной парадигмой, если мы знаем акцентную парадигму, то мы можем точно сказать, что напр. в слове <u>рука́</u> — циркумфлексе на <u>у́</u>, в слове <u>ба́ба</u> был акут, а <u>жена</u>, допустим,
в [illegible] новый акут [illegible]

7. В сущности если мы нарисуем, напишем реконструкцию праслав. а. п., то увидим, что для каждой формы и для каждой а. п. мы совершенно механически можем приписать ту или иную интонацию. Это имело то значение, что оказалось, что до сих пор игнорировавшиеся показания акцентуированных памятников, которых в славянских языках очень много и которые начинают, с 13–14 веков, могут быть использованы в историческ. акцентологии. Они игнорировались главным образом потому, что там интонация не указывалась, а указывалось только место ударения. Поэтому исследователи, которым было интересно в основном изучать праславянские интонации и их рефлексы, проходили мимо этих памятников, строили всю систему на основании сравнения современных славянских языков, соврем. диалектов, а фактически — на основании сравнения <u>двух</u> языковых систем — современной русской и современной сербской, штокавской системы. Очень в небольшом количестве привлекались материалы чакавских говоров, потому что они до сих пор все-таки остаются недостаточно хорошо описанными, очень осторожно привлекались показания словенского языка, а все остальные слав. языки просто изучались на основании реконструированной уже системы и объяснялись на основании реконструированной [illegible]. Вот на таком недостаточном количестве фактов система. Так, в сущности болгарское ударение Булаховским было не изучено, а было просто <u>объяснено</u>, т. е. те или иные феномены болгарского языка объяснялись, выводились из

8, этой реконструированной системы. Так же выводились рефлексы западно-славянских долгот или рефлексы долгот в польском языке. В то же время лежала совершенно не изученная куча материала и в тех случаях, когда этот материал, ~~допустим~~ например, древнерусский и привлекался, то все, что отличалось от того, что ожидали получить в результате этой реконструкции, просто не объяснялось или объяснялось как влияние: для русского часто говорили о болгарских влияниях, о церковно-слав. влияниях, болгарских акцентах в памятниках и т.д., не говоря уже о ю-славянских системах, к которым и не приступили.

Возвращусь опять к понятию акцентной парадигмы. Что получается в результате всех изысканий?

В праславянском восстанавливается три акцентных парадигмы. Эти типы, которые я показал, можно определить в общем виде следующим образом.

Акцентная парадигма c — это парадигма, которая складывалась из двух типов поведения акцента: в одних формах слова ударение падало на окончание, причем первичным по-видимому был конец слова: √ (корень) o (тем. гласный) v́ (окончание).

По-видимому, первый тип словоформ — это ударение на окончании. Второй тип, который входил в это, — это √́ (корень) + o (тема) — это начальное ударение. Статус этих форм не очень ясен. Это те формы, в кот. восстанавливается циркумфлекс, циркумфлексная интонация. Об интонациях — потом. Но любопытно то, что эти словоформы, как

удерживалось в начале только в абсолютной позиции: # $\acute{V}$ + О между какими-то паузами. В тех случаях, когда впереди стояла проклитика: ро́ V + О, ударение падало на это ро. В тех случаях, когда здесь стояла энклитика: ро V + О žé, ударение падало на эту энклитику. Такие формы я называю энклиноменами.
Надо сказать, что теория славянских энклиноменов возникла уже давно. Впервые предположение об индоевропейских энклиноменах в таких формах было выдвинуто Поливановым в статье о токийском ударении, японском ударении. В дальнейшем оно было развито Романом Якобсоном, но он не использовал, конечно, никакого дополнительного материала и, несмотря на очень слабое историческое обоснование, он получил совершенно правильный с моей точки зрения вывод, но этот вывод скорее догадка, совершенно гениальная догадка и в общем ~~результат~~ интуиции, чем результат строго научного доказательства. ~~Вот догадка~~ Вот загадка — почему возникают такие правильные решения при совершенно недостаточном материале — это одна из любопытных загадок науки.

Вторая акц. парадигма выступала в славянском как акцентный тип, у которого ударение в основном было на окончании, только на окончании. В тех случаях, когда ударение появлялось на корне, на основе, — то это результат оттяжки его с редуцированных или в других, не совсем ясных позициях. Я сказал — на окончании. Это, может быть, не совсем верно.
Фактически, если присмотреться внимательно, то во всех

10. этих словах ударение стоит на тематическом гласном. I
Только в том случае, когда окончание и тематический гласный совпадают, сливаются, мы можем приписать его окончанию. А в тех случаях, когда это окончание и тематич. гласный дает редуцированный, то повидимому ударение очень рано было перенесено на предшествующий слог

$\sqrt{} - \acute{o} - v$

$\acute{\sqrt{}} - ъ$

и вот здесь-то и выступает та интонация, которая в славянском называется новый акут. Причем если этот слог был долгий – то это был новый акут долгот., а если он был краткий, то это – новый акут краткост.
Это а. п. в.

А. п. а. Для непроизводных слов эта а. п. – с постоянным ударением на корне. При этом это ударение всегда выступает как акут:

$\acute{\sqrt{}} + o$

Оно никогда не меняется, т. е. не передвигается на другие части слова.

Эти а. п. не зависят от каких-то особенностей слова. Они традиционны, они собственно могут каждому слову (приписаны быть). Если мы восстановим праславянский словарь, словарный фонд, то мы должны каждое слово помечать – парадигма а, парадигма в, парадигма с.
Вот традиционность акцентных типов я называю первым принципом парадигматического акцента.
Но есть и вторая особенность праславянской и балтославянской

11. Это второй принцип парадигматического акцента. I

Если мы рассмотрим всю систему производных, то окажется, что в той мере, в какой мы можем надежно ее реконструировать, все производные, те, которые мы можем реконструировать и рассмотреть, выбирали акцентный тип в зависимости от акцентного типа, а. п. производящих. При этом в производных акцентный тип может быть и не тождествен акцентному типу производящих, т.е. какой-нибудь суф. -ьnikъ не имел подвижного типа, т.е. не имел а. п. С, но его акцентовка, акцентовка слов с этим суффиксом в точности выбиралась в зависимости от акцентовки производящего.

Сейчас можно продемонстрировать это на ряде слов.

Вот вам слово *dъlgъ* 'долг'. Это а. п. С.

Т.е. в Им. п. здесь реконструируется циркумфлекс, т.е. это форма энклиноменная. С каким-нибудь союзом *i*:

ударение переносилось на этот союз *i*: *i dъlgъ*. Род. п. будет *ot dъlga* — ударение переносилось на начало. Если мы прибавим сюда какую-нибудь энклитику, например, *во*, то ударение в памятниках фиксируется на *во*: *dъlgъ vò*. Какой-н. Твор. п. мн. (в ед. — все формы энклиноменные) — *dъlgý* с конечным ударением, т.е. это подвижная а. п., а. п. с.

Что же получится, когда мы образуем от этого слова производное с суффиксом *-ьnikъ*. Мы получаем: должник, должника́:

dъlžьnikъ.

Gen. *dъlžьniká* и т.д.

[illegible]

12. Здесь будет dъlžьnikъ с новым акутом долгот, I
Gen. dъlžьnika — и т.д.

А если мы выберем другое производящее — производящее от а. п. а, то здесь будет акцентный тип с ударением на корне, причем с акутом, накоренным акутом: рыбник от рыба.

Мы можем взять слово а. п. в. Здесь более сложный случай. Допустим, grěхъ, греха́, греху́, грехом и т.д., т.е. слово с ударением на окончании. Я восстанавливаю здесь новый акут долгот: рефлексы по языкам будут все подтверждать новый акут.

grě́šьnikъ.

От а. п. в. мы получим тип с накоренным ударением, новоакутированным, т.е. с т. зр. сравнительной акцентологии это тип с ударением, перетянутым с этого ера.

Иначе говоря, при акутовом типе -ьnikъ до оттяжки с ера было так: √-ьnikъ; от второго типа до оттяжки с ера было ударение здесь: √-ь́nikъ, и от типа с — √-ьnikъ́.

Вот так распределялись эти акцентные типы — в зависимости от акцентной парадигмы производящего.

Это так называемый второй класс суффиксов. Первый класс суффиксов — это те суффиксы, в которых акцентный тип [ ] повторяет полностью акцентную парадигму производящих.

13. Возьмем пример прилагательного на -ѧнъ (-ѣнъ). I

Какой-н. тип слова а.п. С – хотя бы земля: zemjá, zẽmjo с краткостью, на́ землю, землю же, допустим, с перетяжкой ударения, т.е. форма энклиномена.

В совр. русском мы имеем земляной, не земля́ной, не зе́мляной, а земляно́й. В др.-рус. памятниках здесь будет так:

в кратких формах зе́млѧнъ,
землѧна́ – ж. род
зе́млѧно

Все эти формы не засвидетельствованы, но засвидетельствованы подобные, например, де́ревѧнъ, деревѧна́, ме́денъ и т.д.

Какое-н. слово возьмите ко́жа – вторичный баритонированный тип, т.е. тип акцентный п. а, будет: ко́жанъ, ко́жаня, ко́жано. Может быть, вторичный тип кого-н. не удовлетворит, можно взять пример от слова медь, которое относилось к парадигме а, т.е. было неподвижное; было ме́дянъ, ме́дяня, ме́дяно.

Или возьмем стекло́: стеклѧ́нъ, стеклѧ́на, стеклѧ́но, т.е. ударение всегда на суффиксе (тип в).

Т. образом, существовало два класса суффиксов, которые из них можно задать списком. При одних суффиксах мы получаем вот такую картину взаимодействия акцентов, при других суффиксах – предшествующую картину, т.е. ~~одни суф~~ при одних суффиксальных образованиях имелась подвижная а.п., и они образовывались

14. от имен а.п. ⓒ, т.е опять-таки от подвижных имен, при других суффиксах а.п. с не было, а имелся или конечноударный тип, или, если суффикс акутированный, то насуффиксальный тип.
В последнем случае просто типы от а.п. ⓑ и от а.п. ⓒ совпадали, но это совпадение — результат вторичной нейтрализации.

И вот такая в сущности система проходит по всему именному словообразованию в той степени, в какой мы можем реконструировать. Но дело в том, что в сущности тот же самый тип выбора а.п.-и и в глагольном словообразовании мы наблюдаем, т.е. если мы возьмем хотя бы глаголы на -i, производные от имен, то мы обнаружим тот же самый характер взаимодействия. В глаголах на i от имен подвижного а. типа образовывался глагол подвижного а. типа:

го́родъ → городи́тъ, городи́шь, го́рожу

1 лицо (gõrdjǫ) — энклиномен, следовательно при приставке ударение переходит на приставку: по́горожу, ра́згорож… и т.д., а 2 и 3 лицо будет с конечным ударением

2 л. gordìšь
3 л. gordìtь
и т.д.

Какой-нибудь суд - суда́ мы обнаруживаем другой тип? : суд - суда́ — парадигма ⓑ поэтому и глагол здесь парадигмы ⓑ

sǫdjǫ́

15. повидимому, с какого-то долгого ē. Как и почему он оттягивался мы еще посмотрим потом, я сейчас просто даю общую тему, общую характеристику, и не буду затрагивать все эти моменты,

Для акцентной парадигмы (a) я, пожалуй, не подберу сейчас примера, но поверьте мне на слово, что при акц. парадигме (a) будет акут на корне:
са́ло — са́лить
1. л. v̋ʒǫ и т.д. и при полной акцентовке типа ста́влю, ста́вишь и т.д.,

Причем, саму глагольную систему, мы можем рассматривать как какую-то словообразовательную систему, т.е. мы возьмем praesens как производящий, акц. пар.-му praesens'а и будем рассматривать все остальные категории формы как производные от нее. И окажется, что акц. типы таких производных, т.е. причастий, аориста, системы инфинитив-супин, все эти формы будут точно подчиняться правилу выбора акцента, т.е. их акцентовка будет соответствовать акцентовке praesens'а, соответствовать, но не повторять ее.

Итак, в той степени, в какой мы можем реконструировать акц. систему в имени и в глаголе, мы получаем систему, построенную на двух принципах и на трех акцентных характеристиках, т.е. трех а.п.-ах, т.е. вся система регулируется основным правилом, что в непроизводных именах и глаголах акц. тип каждого слова дается списком — он задан, он

16. приписан, он традиционен, его мы просто установить почти не можем. Ну, в некоторых случаях мы можем говорить о каких-то ограничениях, но это уже традиционные ограничения, вообще, он приписан. В то же время вся система акцентовки производных строится в зависимости от производящего типа и акц. типа производного.

Такая акц. система, когда она вырисовалась в результате исследований, казалась в общем-то уникальной системой. Она характерна для славянского, она характерна в большей части для балтийского, литовского, особенно в его ранних стадиях. И даже точнее можно сказать, что в большей своей части ей соответствует акцентовка Даукши, (XVI в), но для других и-евр языков она в общем-то не характерна. Какие-то остаточные явления наблюдаются в древнеиндийском (архаизмы в ведийском); Вакернагелем было найдено несколько примеров в греческом (по Гомеру), какие-то остаточные явления, но в общем-то это не очень характерно. И в других языках она тоже не очень прослеживалась. Собственно исследование их акцентных систем находится сейчас на таком уровне, что они просто не изучены.

(2) Можно думать, что что-то подобное — в японском. В последнее время мне, правда, удалось обнаружить совсем рядом акц. систему абхазского, акцентовка которого строилась ~~вот~~ по такому принципу, на основании таких же ~~вот~~ принципов.

Думаю, что в дальнейшем исследование акцен-

17. систем различных языков значительно увеличит количество типологически давимых систем.

По-видимому, то, что я привел, в общем-то ясно показывает, во-первых, важность такой реконструкции. Это нечто совершенно другое, чем предполагалось исследователями и-евр акцентов в прежние времена. Дело в том, что очень сложно решить вопрос о том, как могли возникнуть такие системы. Дело в том, что возникновение акц. систем, вот таких морфологизированных акц. систем, чаще всего сводится к каким-то сегментным единицам. Вообще все просодические системы, по-видимому возникали из в результате редукции каких-то сегментных систем, каких-то сегментных единиц. Это очень хорошо прослеживается и выводится в тех случаях, когда мы имеем дело с чем-то более простым, Тоны в германских языках возникли в результате перераспределения слогового состава двусложных, односложных слов.

Вот тайские тоны, по-видимому, несмотря на то, что эта гипотеза не полностью доказана, может быть, во всяком случае не с той степенью аргументированности, с которой хотелось бы, возникли в результате исчезновения определенных конечных звуков, т. е. смычка давал один тон, Х — другой, и т. д. По-видимому, так же возникали тибето-бирманские тоны ~~[illegible]~~ ~~системы~~ и китайские тоны, сино-тибетские и тибето-бир...

18, мянские тональные системы. То есть какая-то сегментная единица отпадает, и редуцируется, — давая тональную компенсацию на слог. Так же, как в одних языках мы имеем компенсаторное удлинение, в других языках мы имеем компенсаторное тонообразование.

Или есть другой путь возникновения. В сущности тот же, но несколько другой вариант возникновения тональных систем — это в случае, когда тот или иной регистр связывается со звонкостью — глухостью инициали: при глухом слово произносится в более высоком регистре, а при звонком — в низком регистре. Потом эти звонкие и глухие нейтрализуются и мы получаем фонологический тон. Вот приблизительно такая схема тоже возможна при возникновении ~~тональных~~ систем, фонологизированных супрасегментных систем.

Когда мы обнаруживаем разноместное ударение, то в большинстве случаев, в тех случаях, когда мы можем проследить его — это результат нейтрализации каких-то количественных отношений, т. е. мы имеем первоначально ударение фиксированное в зависимости от морового состава слова, потом ~~это~~ эти различия в моровом составе ликвидируются, а ударение остается на том самом месте, на котором оно существовало еще в ту эпоху, когда существовали различия долготные.

Есть похожий способ возникновения разноместного фонологизированного ударения — это когда в языке существуют тоже два типа гласных, один тип — редуцированные гласные, неустойчивые гласные, а другой тип —

19. – устойчивые гласные, и ударение выбирает которую **I**

в этом случае, фиксированное на определенном слоге ударение делает поправку на характер гласного — если при этом стоит рядом редуцированный и устойчивый гласный, то ударение переходит на устойчивый. В дальнейшем развитии языка разница между этими двумя типами звуков стирается и мы получаем морфонологизированное ударение, при помощи которого различаются слова, словоформы. Таким способом возникли, по-видимому, различные акц. системы в волжско-коми-пермских языках, т.е. в коми-пермяцком, марийском и мордовском мокшанском, как будто бы.

Но если мы рассмотрим такую систему, то она никак не может быть объяснена при помощи вот таких вот описанных мною типов. С самого начала эта система страшно похожа на тональную систему. Так же, как в тональных языках каждому корню приписывается тот или иной тон и он совершенно независим от фонетического характера этого корня, так и здесь мы фактически, когда мы имеем дело с непроизводными словами, обнаруживаем, что слово состоит из корня, ген. гласного и окончания — мы фактически корню приписываем, в этом непроизводном слове мы фактически корню можем приписать данную акц. парадигму. Если мы затем будем строить от этого корня производные, то этот акц. тип будет потом определять акц. тип следующего производного в зависимости, правда, от суффикса. Вот такая вот приписанная [illegible]

дции очень напоминает то, что наблюдается в тональных языках. В существе иных способов как будто бы не может быть введено. Можно построить, ~~конечно~~, какую-то модель возникновения вот такой подвижной акцентовки. Я когда-то еще приводил примеры из языка тубу. Это центральносахарский язык, ближайший родственник которого — язык канури, имеющий обычную тональную систему, а в тубу уже как будто бы рождается музык. акцентовка. Там наблюдается следующее любопытное явление. Все корневые морфемы делятся по своим тонам на два тона (речь идет о глагольных корневых тонах): это или морфемы высокого тона или морфемы низкого тона. И вот там наблюдается такая вещь:

если корень √̀ низкого тона, следующий за ним суффикс получает контрастный высокий тон: √̀ – √́ , т.е. иначе — кривая получается ...
Если же этот корень высокого тона √́, то тот же суффикс уже имеет низкий тон: √́ – √̀, т.е. как будто бы мы имеем дело с первым этапом возникновения музыкального разноместного ударения.

Но может быть и другой путь, конечно, при помощи кот. мы можем представить, как возникает вот такая принципиально обособленная система, кот. мы имеем в праславянском и балтийском.

Несколько иной путь я попытался изложить в свое время на Кузнецовских чтениях. Я думаю, что сейчас я о нем говорить не буду, а мы уже тогда, когда подойдем к балтослав. системе, то снова вот

21 тимся и возможности ~~Вд~~ самой реконструкции. (См. "Кузнец. кремля" 1973) I

5.III

Лекция 2

II

[illegible]

В прошлый раз мы просто рассмотрели систему, с которой мы столкнемся, в общем виде, а сейчас мы просто перейдем к реконструкции праславянской системы а.п., начиная с непроизводного имени, затем рассмотрим систему порождения акцентных типов у производных имен, затем перейдем к глаголу, и таким образом рассмотрим все в целом.

Я уже говорил, что успехи исторического исследования акц. систем в славянских языках позволяют построить систему акц. парадигм, не обращаясь к понятиям праслав. интонаций, слоговых акцентов. Иначе говоря, мы можем сразу построить все, представить себе все наши знания о месте акцента, совершенно не рассматривая слоговые акценты, и потом просто в системе акц. парадигм найти точки, в которых проявляются те или иные акценты. Но может быть вот такой слишком строгий подход может быть избыточен, излишен, потому что слушатель видя сразу в реконструкции указание на праславянский акцент, привыкает просто запоминать, где, в каких позициях находятся какие интонационные типы ударения. Поэтому мы сразу будем пользоваться обозначениями праславянских акцентов.

В праславянском реконструируют: акут ″; циркумфлекс ⁀ - это то самое начальное ударение слова-энклиномена, но на долгом слоге; в тех случаях, когда слог будет краткий я буду пользоваться таким значком ′ ″ - обычное краткое ударение, или циркумфлекс

2) краткости; новый акут долготы ´ и новый акут краткости `.

В тех случаях, когда нам неважно, какое ударение, или чаще всего – когда мы <u>не знаем</u>, какой тип ударения, я буду ставить просто вертикальную черточку.

Напомню, что для обозначения слоговых акцентов современных славянских языков употребляются следующие обозначения:

⌒ долгое нисходящее в сербском и словенском

" краткое нисходящее

´ долгое восходящее

и ` краткое восходящее.

В словенском значок ` обозначает краткое ударение, которое может быть только конечным, а это – долгое восходящее:

^ ´ ← долгое восх.

долгое нисходящее ↗ (к ^) ` ← краткое

Теперь, в для систем хорватских диалектов употребляется следующая система значков (я имею в виду чакавский и посавский):

⌒ ´ ← долгое восходящее, но имеет иное значение: это ударение в чакавском обычно появляется на том месте, где мы реконструируем новый акут.

"

Для посавского и в работах по ~~с~~ всем хорватским диалектам вместо ´ употребляется ~.

3) В примерах из памятников (сербского, болг. и др-рус) будут встречаться следующие значки: II

´ акут, или оксия

` гравис, или вария

⌒ камора

Оксия в основном употребляется в середине слова. Вария употребляется, как правило, в конце слова. Камора употребляется самым различным образом. Они обозначают просто ударение и не имеют других значений. Они заимствованы из византийского, из греческого и различные писцовые школы пытались придавать им разные значения. Иногда это даже семантическое значение или такая несколько странная система, в которой варию может быть и в середине слова, но в том случае, если слова, на которых она стоит, имеют значение унижения, уничижения, уменьшения и т.д.

Имеется и более сложная система. Особенность вот этой каморы заключается в том, что она, как правило, появляется в прикрытом слоге. В неприкрытом слоге писцы избегают ставить камору, т.к. спиритус в это время очень часто появляется вот в таком виде (в неприкрытых слогах употребляются спиритусы) и легко смешиваются, но надо сказать, что знак спиритуса и оксия уже в 15 веке в ряде писцовых школ просто сливаются в единый знак и помещается. или ⌒' → ~ или ∫ или ∪ (перевернутая камора, кот. равняется, следовательно, сочетанию двух значков. [Спиритус имел то значение, что обозначал неприкрытый слог. Для писцов, кроме того, это имело и более глубокое значение: все буквы были женскими и мужскими,

согласные были мужскими, а гласные – женскими. Поскольку женщине нехорошо появляться без мужчины, без головного убора, ее нужно прикрыть.

В ряде древнерусских, точнее среднерусских памятников появляется система, в которой камора выступает в для обозначения закрытости подударного о̂ в словах типа во̂ля, ко̂жа и т.д. Эти памятники были изучены в свое время Васильевым. Это следует отметить.

Наконец, в наших сравнениях были привлечены материалы из работ Юрия Крижанича, который дал очень хитрую систему обозначений и количеств, о которой часто говорят, что там выражаются и интонации, слоговые тоны. Фактически для такого утверждения нет оснований, потому что собственно различия слоговых интонаций в его обозначениях не выражены. Он обозначает акутом ´ краткое ударение, краткий ударный слог, ^ – долгий уд. слог, ¯ – безударную, которая в его диалекте всегда предударная, долготу и, кроме того, он употребляет гравис ` который в его объяснениях, в объяснениях человека, хорошо знающего классическую филологию того времени, в сущности означает безударность. Что представляет собой этот (⁺/) значок, не совсем ясно. С одной стороны, он ставит его всегда на конце и всегда на месте акута, т.е. одни и те же слова могут быть обозначены как с акутовым ударением, так и с таким (⁺/). Причем по текстам кажется, что это появляется в конце фраз, причем не вопросительной. Значит ли, что в его диалекте уже какая-то передвижка ударения, и слова появляются равноударные что-ли — это не очень ясно. В "Грамматике" сумо-

5) ствует следующий прием (у него) обозначения; акутом ́ он обозначает односложные слова, кот. в двусложных и многосложных формах не меняют места ударения, ударение остается на корне, а грависом он обозначает слова в односложной форме, которые в двусложной или многосложной форме ~~имеют~~ (в других падежах) переносят ударение на окончание.

Ну вот, собственно, почти по-видимому все о знаках и обозначениях ударения. Кроме того, как известно, существует система обозначения долгих, которая в чешском обозначается акутом ́. Это с тем, чтоб не возникало путаницы.

Акцентная парадигма (a)

ā - основы

	Sg.		Pl.	
Nom.	* lȉpa		Nom.	* lȉpy
Gen.	* lȉpy̅ (я бы реконструировал здесь долготу.)		Gen.	* lȉpъ
Dat.	* lȉpě		Dat.	* lȉpamъ
Acc.	* lȉpǫ		Acc.	* lȉpy
Instr.	* lȉpojǫ		Instr.	* lȉpami
Loc.	* lȉpě		Loc.	* lȉpaxъ
Voc.	* lȉpo			

(Я реконструирую праславянский того периода, когда акутовые окончания сократились.) Здесь есть основания для реконструкции долготы – это сербохорватские диалекты)

Dualis
Nom-Acc lȉpě
Gen-Loc lȉpū (ū долгое)
Dat-Instr. lȉpama

(Здесь мы встречаемся с одним непредусмотренным казусом; я поставлю такой значок ~ и он будет обозначать у нас новый циркумфлекс.
Можно было бы предложить и вот такую дикую реконструкцию: долгий ъ. Новый циркумфлекс появляется всегда перед долгим: * lȉpъ̅.
В тех формах, где сохраняется долгота в праславянском, не происходит перехо-ние акута в новый циркумфлекс. Там где →

она исчезает, как правило, появляется новой циркумфлекс.
Это очень условная реконструкция, просто для того, чтобы показать, что здесь что-то не так, есть что-то странное.

Здесь мы имеем кроме того странное происхождение ъ — из долгого).

ŏ-основы masculinum

Sg		Pl		Du.	
N	*ră̋kъ	N	ră̋ci	N-A	ră̋ka
G.	*ră̋ka	G	ră̋kъ // ră̋kъ̄	G-Loc	ră̋kū
D.	*ră̋ku	D.	ră̋komъ	Dat.-Instr.	ră̋koma
A.	*ră̋kъ (-a)	A.	ră̋ky		
Instr.	*ră̋komь	Instr.	ră̋kȳ		
Loc.	*ră̋cě̆	Loc.	ră̋cēxъ		
Voc.	*ră̋če				

Пока мы будем заниматься а.п. ⓐ, все будет довольно неинтересно.
Мы потом подробно рассмотрим все эти долготные рефлексы, а пока придется принимать это на веру.

ŏ-основы среднего рода

Sg		Pl		Du.	
N	dě̋lo	N	dě̋lā	N-A	dě̋lě̆
G	dě̋la	G	dě̋lъ / dě̋lъ̄	G-L	dě̋lū
D	dě̋lu	D	dě̋lomъ	D-Instr.	dě̋loma
A	dě̋lo	A	dě̋lā		
I	dě̋lomь	I	dě̋lȳ		
L	dě̋lě̆	L	dě̋lēxъ		

Для ŭ-основ мне не известно ни одного слова а.п. ⓐ, поэтому мы пропустим их.

7) ĭ - основы

Sg N	nitь	Pl N	niti	Du N-A	niti
G	niti	G	nitьjь	G-L	nitьjū
D	niti	D	nitьmъ	D-I	nitьma
A	nitь	A	niti		
I	nitьję	I	nitьmi		
L	niti	L	nitьxъ		

Здесь 2 слова из непроизводных довольно хорошо показывают остатки а. п. (a). Это нить и мышь.

Как видите, характерная черта этой а. п. для всех ее акцентных кривых — неподвижное ударение на корневом слоге — для непроизводных, ну, а для производных — ~~это~~ ударение может быть и на корне, и на суффиксе. Но мы рассматриваем непроизводные имена, причем акц. кривые здесь совершенно не различаются. Ударение неподвижное. В большинстве случаев — это акут. Единств. исключение, вернее два исключения — мы их коснемся после сравнения, после доказательства этой реконструкции. Сейчас можно только указать, что к ним относятся для основ на ā тип во́ля, ко́жа (не акут, а особое ударение), но́ша, доля, т. е. йотированные основы с постоянным → (См. на обороте)

	Русский	С-х (шток.)		Чакавск.	Словенск.	
Sg N	ли́па, коро́ва	ли̏па	кра̏ва	krȁva	kráva	lípa
G	ли́пы, коро́вы	ли̏пе̄ (1)	кра̏ве̄	krȁvē	kráve	lípe
D	ли́пе, коро́ве	ли̏пи	кра̏ви	krȁvi	lípi	krávi
A	ли́пу, коро́ву	ли̏пу	кра̏ву	krȁvu	lípo	krávo
I	ли́пою, коро́вою	ли̏по̄м	кра̏во̄м	krȁvūn	lípo (2)	krȃvo
L	о ли́пе, о коро́ве	ли̏пи	кра̏ви	krȁvi	lípi	krávi
Pl N	ли́пы, коро́вы	ли̏пе	кра̏ве	krȁve	lípe	kráve
G	лип, коро́в	ли̏па̄ (3)	кра̏ва̄	krȃv	lȋp	krȃv
D	ли́пам, коро́вам	(ли̏пама) [форма не используется]	(кра̏вама)	krȁvān (4)	lípam	krávam
A	ли́пы, (коро́в)	ли̏пе	кра̏ве	krȁve	lípe	kráve
I	ли́пами, коро́вами	(ли̏пама,	кра̏вама)	krȁvami	lípami	krávami
L	о ли́пах, коро́вах	(ли̏пама, (5)	кра̏вама)	krȁvah	lípah	krávah

→ кончалась долгим неясным и ударение было – новоакут (по ретракции). И к неподвижному типу относятся также многочисленные слова с приставками. Большинство из них – это ŏ-основы с приставками: типа <u>закон, закона</u>, <u>поход-похода</u>, <u>завод-завода</u>, и т.д., но с ними вопрос еще более сложен, пожалуй, чем с типом <u>во́ля</u>. Вполне возможно, что они все вторичны, т.е. происхождение этого типа относится уже к позднеславянскому периоду, а может быть, он возник в отдельных славянских языках. [Там может быть и краткостный неясный. Скорее всего здесь восстанавливается новый акут краткости].

Посмотрим, как это отражается в современных славянских языках.

<u>ā-основы</u>.

Здесь мы ограничимся [русским], штокавским сербохорватским и чакавским и словенским.

8)

II

① Обращаю внимание на долготу род. падежа [ед. ч.]. Обычно пытались со времен Валявца пытались объяснить ее всякими обходными средствами, путем допущения здесь какого-нибудь влияния формы прилагательного. Но по-видимому особых оснований здесь нет, и мы вынуждены принять, что это окончание род. падежа йотированных основ, которое распространилось здесь вместо у, содержит в себе старую не сохранившуюся праславянскую долготу.

② Вот что получается перед этим удлинением в словенском: долгое нисходящее, т. е. мы наблюдаем тот же самый рефлекс нового циркумфлекса за счет ликвидации вот этой вот долготы. По-видимому во всяком случае, как только мы будем находить здесь или здесь долготу, а здесь рефлекс акута в штокавском и чакавском, то в словенском мы будем находить вот такое перерождение интонаций. Потом мы встретимся с еще очень многими случаями такого свойства.

③ Долгое нисходящее. При этом и сохраняется долгота.

④ Должен здесь предупредить, что эта долгота — чисто чакавская. Она появляется в закрытых плавными сонорными слогах, при выпадении ера, всегда. Это специфический процесс.

⑤ Форма Dat-Instr-Loc по происхождению из Dat-Instr двойственного числа.

9)

Здесь мы в основном увидели рефлексы по трем или четырем языкам для основ на -ā. Но эти рефлексы собственно не являются исключительными, потому что я уже сказал, что существует вторичный тип — оттянутый. Рассмотрим его. Тип вóля. * vȍlja.

Русск. вóля, (новый акут краткости) диал. вȍля, др-рус. вȍлѧ
В старорусских текстах, исследованных Васильевым, это слово пишется с камо́рой. Такая форма приводится Васильевым на стр. 62

Сербско-хорв. (штоки.) вȍља, краткое нисходящее, но не переходящее на предлог, т. е. ударение переходит на предлог но уже в виде восходящего. Напр., в вин. пед. нá вољу ударение переносится на предлог, но уже как восходящее. Это просто штокавская ретракция, а не перенос с формы энклиноме[на]

Чакавское vȍļa

Словенское vǫ̂lja. Закрытое о. В тех случаях, когда на нем уже было ударение типа нового акута. В тех случаях, когда это вторичный перенос ударения, то этой закрытости нет. Так что здесь по этому закрытому характеру о мы видим, что этот знак является рефлексом нового акута.

В словинском, кашубском — vùȯlå
(какое-то закрытое о.)

Кружочек над а — это рефлекс долгого а. Как раз в словин. основе, где сохранены такие рефлексы, осталось немного.

10) Древнепольское wolå (так же будет в малопольских диалектах).

В чешском сохраняется vůle

Можно привести еще несколько примеров.

скорее всего из
* koža (< kòzjā)

Рус. кожа, диал. кôжа, в др-рус (среднерус. 16-17в)
— кȍжею

Сербохорв. штокавское кȍжа

Словенское kǫ̑ža

Чешское kůže

* vònja (запах) Пример интересный тем, что он имеет др-рус соответствия.

др-рус. вóнѧ, повидимому, и еще один есть рефлекс, ~~но~~ Но это не единственное отражение, об этом я потом скажу.

сербское вȍња. И имеется у Караджича другое — вòња, т.е. как будто перенесенное с конца.

словенск. vǫ́nja

др-польск. woniå

чешск. vůně (то же в словацком) но там очень нерегулярные рефлексы.

Может быть, еще полезно с долгим гласным дать пример.

* gȍrdjā 'загородка, строит. материал, плотина'

Русск. горóжа

Серб. гра̏ђа (долгое нисход).

Словен. grája

Польское диал. малопольское grōzå
↑
то же самое
[illegible]

11) Может быть, полезно тоже привести сторожа. II

* storžja
Русск. сторо́жа, сербохорв. штокав. стра̑жа,
чак. stráža
др-польск. stróža

Можно привести еще целый ряд примеров. К ним относятся такие слова, как ноша, воля, ловля, тяжа (с-х тежа), суша, пища, купля, кормля, стеля (постеля), ну, и даже русск. роща, чаща. Можно довольно много набрать таких слов. Здесь бывают и долгие, и краткие, причем эти долгие могут относиться и к словам а. п. ⓒ, т. е. иметь то, что мы называем циркумфлексом, и в этом случае они дают рефлекс нового акута, трудное обстоит дело ... В тех [словах] которые я перечислил, — везде рефлекс нового акута. Ну, например, если мы возьмем слово туча, то здесь рефлексы будут иного рода. Они, правда, очень сильно разовьются под влиянием ... и здесь мы ожидаем рефлекс нового циркумфлекса, потому что здесь акут в самом корне, ср. tankus литовское — балто-слав. акут. И этот акут здесь перерождается в новоциркумфлексную интонацию, и это действительно видно ~~по ряду~~ по рефлексам ряда языков, напр., по польскому рефлексу, где будет не ǫ, а ǭ: tęcza.

Теперь — как возник этот неподвижный тип?
На прошлом занятии мы говорили, что новый акут — это результат оттяжки ударения с ~~предшествующего~~ последующего слога.

12) Вот этот тип всегда был и остается до сих пор весьма сложным для объяснения. Дело в том, что Ван Вейк в свое время пытался объяснить новый акут путем просто переразложения слога из баритонированного типа: т.е. vol/ja → vó/l'a, это было какое-то кратосное ударение. Но это объяснение никак не согласуется со всеми современными представлениями о системе акцентных парадигм. Станг выдвинул другое предположение. Он считал, что тип volja возник из типа volьja с ударением на ь, и сужение его приводило к долгому конечному, которую мы наблюдаем в лехитском, и перебрасыванию ударения на предшествующий слог: → vòlja. [Действительно, когда ъ или ь ослаблялся, то ударение переходило на предшествующий слог].

Здесь возникает другой вопрос. Ведь такой тип словообразования в общем-то был. И в этом типе, действительно, произошел переброс ударения на предшествующий слог, но еръ-то остался. Потом он стягивался в отдельных славянских языках, но на глазах истории их. А этот тип мы встречаем всегда ранним, без всякого еря. Так что проблема в общем-то довольно сложная. Сложность заключается еще и в другом: дело в том, что если мы немножко расширим материал и отойдем от тех непосредственных прецедентов литературных языков и четырех-пяти диалектов, то окажется, что этот тип не такой уж компактный. Из слов, которые я приводил, мы уже встречали в сербском слово во̏ња (с восход. уд.). Дело в том, и в Чудовском Новом Завете в др-рус языке мы встречаем и ВО̏ННО - вин. п. и винит. же — ВОНЮ

(13) И имен. п. ВОНА 117[1] (употреблено дважды). II

Больше того, дублетно употребляется и слово во́ла,
т.е. и ВО́ЛА, и ВОЛА̀, причем ВОЛА̀ даже чаще.
Очень замечательно сюда же отнести и рефлексы третьего
слова в Чудовском Н. З. Это СТРАЖА̀ — Им., хотя он
употребляется в церк-слав. огласовке, но ударение в
таких случаях может быть исконным. Acc. — СТРАЖЮ́ (дважды)
и СТРАЖЮ̀ с варией употреблен 4 раза. И Loc.
о̀ стражѝ 1 раз. (точка — знак стирается).
Вот. В то же время так не встречены рефлексы [illegible],
с конечным ударением у слов нужа, надежа, тяжа,
межу, тучя, буря (но тучя, буря — это акут скорее всего),
пища и т.д. Как же объяснить это? Как выйти из
положения — почему здесь такие разные рефлексы? Они
встречаются и в других памятниках письменности. Они
отмечены и в монографии Колесова, и в монографии
Смиренко по украинскому ударению. Думаю, что
нужно исходить, так же как Станг исходит, из
этой долготы конечной; но Станг не связывает ~~во~~ непо-
средственно возникновение этого типа с долготой.
Он считает это результатом одного и того же процесса —
сужения ера и окончания. Я думаю, что уже тогда, когда
возникла эта долгота (не важно, каким способом она
возникла), после возникновения этой долготы произошел
или происходил процесс возникновения данного акц.
типа. И возник он скорее всего под действием того
фактора, который я называю законом Крижанича.
С этим законом мы будем встречаться дальше при
рассмотрении акц. парадигм. Пока я только скажу, что

II

14) по-видимому, уже на ~~ранней~~ поздней стадии праславянского или на ранней стадии развития всех славянских языков существовал закон, по которому какое-то ударение, какое неясно, которое стояло на долготном слоге, переходило на предшествующий слог, если он был долгим: — ´ > ´ —. Непонятно, какой тип ударения тут был. Вот по-видимому устранение вот этой ситуации привело по крайней мере к возникновению большинства слов с долгим гласным предшествующим этого акцентного типа. Эту странную ситуацию может в какой-то степени объяснить закон Кршанича, ~~я не хочу когда~~ а потом выравнивание. Я не хочу здесь настаивать, что это решение [ибо есть слова с цитатами], но это определенный морфологический тип, и после того, как возникла такая ситуация, этот тип каким-то образом распространялся. Поэтому все краткосложные слова очень сильно колеблются (ср. во́лъ, волъ́), а долгосложные как-то более сохраняются. Но на этом объяснении я не настаиваю, я только указываю на возможность такого объяснения. [Долгота конечного а — вероятно, результат очень раннего сжатия. Важно лишь, что здесь конечная долгота].

Третья лекция

12 марта

Нужно сделать уточнение к тому, о чем говорилось в прошлый раз. Я говорил, что тип vȍlja может быть объяснен несколькими способами. Среди них можно назвать следующие: (1) предположение Ван-Вейка, что баритонированный тип со слогоразделом после l при метатонии изменял слогораздел (vól/ja > vȍ/l'a), и появлялся новый акут. Это предположение, по-видимому, должно быть отвергнуто с точки зрения современных представлений о славянских акцентных парадигмах. (2) другое предположение в том же роде предложено Вайяном. Он обратил внимание на то, что большое количество слов этого типа являются производными от глаголов акцентной парадигмы b и (т.о.) сохраняют акцентовку этих глаголов. Но дело в том, что здесь насчитываются и такие слова, как sȗšja, которые связаны с прилагательными и никак не могут быть сопоставлены с глаголами. Затем (3) два предположения, которые сделал Станг. Об одном я говорил: баритонированный тип мог терять ударение, с b перенося на o, а затем происходило сужение — vòlja > vȍlja > > vȍl'ā. Но дело в том, что типы с переносом ударения с b сохраняются несуженными, поэтому сам Станг с сомнением рассматривает этот пример. Второе объяснение Станга, о котором я не упомянул (сознательно), — это объяснение по закону Станга. Это объяснение строится на законе Станга, до Станга этот закон существовал, но только в концепции Станга он приобрел очень важное значение. Это очень изящное объяснение. Сам закон Станга

объясняет очень многие явления внутри системы праславянской акцентовки, <u>но</u> до тех пор, пока мы ограничиваемся непроизводной областью — непроизводных имен и непроизводных глаголов. Вот для этой группы слов объяснение Станга строится на следующем предположении:

? → *vȍlьja > volјâ*. Этот циркумфлекс никак нельзя путать с циркумфлексом в формах enclinomena. Это просто какой-то тип нисходящего долгого ударения, который возник на праславянском уровне. И вот Станг выдвигает предположение о следующем процессе. любой внутренний циркумфлекс такого типа в какой-то период переходил с конечного циркумфлектированного или с внутреннего циркумфлектированного слога на предшествующий, при этом давал новый акут: *vȍlja*. Эта закономерность имеет большое значение для объяснения системы акцентных парадигм в глаголе. Предполагается, что *nosîšь* переходило в *nòsišь*. Для этой группы основ данное объяснение наталкивается на наличие в славянских языках и древнерусских памятниках вариантов с конечной акцентовкой, а у краткостных имен, т.е. я приводил уже *воля́ – волю́*, *воня́ – воню́*, *доля́* и даже *пещá*. Наличие этих вариантов как будто может свидетельствовать о том, что в данной группе основ действовало несколько иное правило: ударение переносилось лишь в том случае если предшествующий слог был <u>долгим</u>. Это объяснение я называю <u>законом Крижанича</u>, поскольку текст Крижанича сохранил

CV̄Cjâ

сам Крижанич заметил её в своё время и назвал "<u>меной завлаков</u>". Эта закономерность такого рода, что очень многие явления в глагольной системе могут быть объяснены из данного процесса, процессом переноса ударения с долгого слога, по-видимому, циркумфлектированного, с каким-то нисходящим ударением на предшествующий слог <u>долгий</u>, хотя в некоторых случаях полного объяснения получить не удается. В дальнейшем мы будем сталкиваться с возможностями применения закона Станга и закона Крижанича в акцентной парадигме <u>b</u> и затем в акцентной парадигме <u>b</u> глаголов.

Мы рассмотрели соответствия акцентной парадигмы <u>a</u> по основным языкам: русский, сербохорватский, словенский, чакавский. Но кроме того следовало бы привести еще 2 группы фактов: <u>древнерусские</u> факты, которые сохранили эту акцентную парадигму в том же виде, и <u>среднеболгарские</u> (совр. болг. не дает возможности проследить движение акцентных типов именной парадигмы, среднеболг. тексты сохраняли еще склонение и акцентные типы). Для парадигмы <u>a</u> материал довольно простой, привычный, но следовало бы заметить основные примеры. Нужно учитывать, что в текстах мы, конечно, не имеем <u>полной</u> парадигмы, поэтому приходится брать несколько слов.

<u>Чудовский Новый Завет</u>, <u>XIV</u> в.

И. вѣ́ра кни́га пти́ца си́ла сла́ва±

Д. вѣ́рѣ птúцы сúлѣ сла́вѣ
(по) мѣ́рѣ ≠

В. вѣ́роу рúзоу сúлоу сла́воу
мѣ́роу

Т. вѣ́рою рúзою сúлою сла́вою
мѣ́рою

М. вѣ́рѣ рúзѣ сúлѣ сла́вѣ [· spiritus]

Множ. число

И. кнúгы птúца рúзы сúлы

Р. птúць

Д. рúзамъ сúламъ

В. кнúгы птúца ра́ны рúзы ры́бы сúлы

Т. мѣ́рами ра́нами рúзами

М. в кнíга̂ о сúлах

Среднеболгарские тексты

Тут наблюдается 2 группы текстов.

Тырновская группа

И. сúла сла́ва

Р. вѣ́ры мѣ́ры рúзы ры́бы сúлы сла́вы

Д. рúзѣ сúлѣ сла́вѣ

В. вѣ́рѫ кнúгѫ ра́нѫ рúзѫ сúлѫ сла́вѫ

Т. сúлоѫ сла́воѫ вѣ́роѫ

М. въ вѣ́рѣ въ сúлѣ въ сла́вѣ

Зв. сúло

Множ. число

И. кни́ги пти́цѧ ри́зы си́лы

Р. рыбь си́ль (вариант: си́лъ)

Д. пти́цамъ ри́замъ ры́бамъ си́ламъ

В. мѣ́ры на птицѧ ра́ны ри́зы силы

Т. кни́гами си́лами

М. въ кни́гаⷯ ри́захь си́лахь

Киприановская группа

В сущности ничем, кроме орфографии, не отличается акцентовка в группе текстов, приписываемых митрополиту Киприану.

И. вѣ́ра пти́ца ри́за си́ла сла́ва

Р. птї́цѧ си́лы сла́вы (ы – ерове характерно).

Д. си́лѣ сла́вѣ

В. ри́зѫ си́лѫ сла́вѫ

Т. ри́зоѧ си́лоѧ сла́воѧ

М. въ ри́зѣ въ си́лѣ въ сла́вѣ

Множ. число

И. пти́цѧ ра́ны си́лы

Р. пти́цъ ра́нъ ри́зъ си́лъ

Д. ра́намъ си́ламъ

В. си́лы

Т. ра́нами ри́зами

М. ѡ ра́нахъ въ ри́захъ въ си́лахъ въ сла́вахъ

М. ри́бах

Зв. форма : ри́би

Чтобы завершить обзор рефлексов акцентной парадигмы a̰ в слав. языках, рассмотрим рефлексы в <u>словинском</u> (кашубский словинский диалект):

И. ча̃вă (очень сложная фонетическая транскрипция Лоренца)

Р. ча̃вä

Д. ча̃вjä

В. ча̃вą

Т. ча̃воų̯ (̯ = знак неслоговости)

М. ча̃вjä

<u>Множ. число</u>

И. ча̃вä

Р. чё́в (это рефлекс долготы, но это не связано со старыми количественными отношениями, это результат того, что выпадает ъ и слог закрывается звонким).

и вариант, вторичный:

ча̃воų̯

Д. ча̃воų̯м

В.=И. ча̃вä

Т. ча̃вамï (без смягчения, свидетельствует о влиянии Т. п. множ. числа <u>мужск.</u> рода) = на у̲

есть и вариант еще большего влияния:

ча̃вï

Это взаимовлияние окончаний (по-видимому) имело большое значение и в южнославянской области, где долгота этого окончания

[illegible]

Ю. Крижанич в своем грамматическом сочинении дает следующую акцентную систему (чакавско-кайкавс диалект XVII в.):

И. ри́ба (этот знак обозначает краткостное ударение)

Р. ри́би — (при этом указ., что хорваты и все задунайцы "произносят на е", так что для его диалекта эту форму можно реконструировать *чи̂бе). Дело в том, что Крижанич писал грамматику общеславянскую, поэтому он пытался давать те формы, которые он считал необходимыми для того литературного языка, который он предлагал в качестве общего всех славян языка. Поэтому в морфологической части он берет часто окончания русские, а ставит ударение своего диалекта. Поэтому такие формы не должны смущать).

Д. ри́бѣ

В. ри́бу

Т. ри́боју — (при этом он отмечает, что по-хорватски идет на ом, приводя другое слово: дра̂по и еще отмечает, что сокращенно произносят на у. Так что можно реконструировать *чи̂бу̃, так как конечных заударных долгот у Крижанича нет, то и должно быть краткое. Он не приводит примеры на акцентную парадигму а, только в и с, там долгота наблюдается)!

М. ри́бѣ — (отмечает, что по-хорватски на и, при этом в другом месте грамматики есть̃ след. прим. при ри́би)

Зв. форма ри́бо

Множ. число

И. ри́би

Р. ри̂б (это просто долгое ударение, характер его нам неясен. Так обозначаются и те ударения, где наблюдаются рефлексы долгого акута, нового, так и где циркумфлекс, и новый циркумфлекс. В данном случае это рефлекс нового циркумфлекса)

Д. ри́бамъ

В. ри́би

М. ча̄вӑх

Двойственного не будем пока рассматривать.

Перейдем к рассмотрению сравнений в о-основах мужск. рода.

Русский	Сербохорв. штокавск.	XVII в Чак.-Кайк. (Крижанич)	сев.-чакавск. (Нови)	словенск.
И. ра́к	ра̏к	бра́т	čа̏s	ча̀к (краткое)
Р. ра́ка	ра̏ка	бра́та	čа̏sa	ча́ка (долгое во
Д. ра́ку	ра̏ку	бра́ту	čа̏su	ча́ку
В. ра́ка	ра̏ка	бра́та	čа̏s	ча́ка
Т. ра́ком	ра̏ком	бра́том	čа̏sōm	ча́ком
М. о ра́ке	о ра̏ку (вторичная форма, из и-основ)	бра́тѣ	čа̏si	ча̂ки (Вторичная форма, с рефлексом нового циркумфлекса; это М. п. окончание и-основ имело повидимому долготу; в рез-те акут > новый циркумфлекс ~)

Во множ. числе мы встретимся с такого рода рефлексами уже в неперестроенных формах.

Множ. число

И. ра́ки	ра̏ци	бра́ти	čа̏si	ча́ki
Р. ра́ков (из и-основ)	ра̂ка̄ (новый циркумфлекс, ожидаемый)	братов (перестроенное окончание)	čа̂s	ча̂kov (перестроенная форма, но имеет рефлекс н. ц.)
Д. ра́кам (из а-основ)	ра̏цима	бра́том	čа̏sōm (с удлинением, характерным для закрывания слога сонантом; это удлинение вторично.)	ча́ком
В. ра́ки	ра̏ке	бра́ти	čа̏si	ча́ke
Т. ра́ками	ра̏цима	бра́тми (новая ф., и-осн.)	čа̏si	ча̂ki

Вот смотрите: čäsih — здесь отражается эта долгота.

П. М. Николаева: Она дала рефлекс в виде перемены ударения?

В. А. Дыбо: Да, перемена ударения. Вот в данном случае (čäsi) мы не имеем в чакавском рефлекса долготы, в открытом слоге там, как правило, не отражается. Но мы можем найти ряд других диалектов, где сохраняется это и долгое.

П. М. Николаева: То-есть получается: слово — как бы константно, если в одном месте убавилось, в другом прибавилось?

В. А. Дыбо: Ну да. Переброс дифференциального признака. Тут был акут — долгота, долгота исчезает, получается циркумфлекс.

П. М. Николаева: Выходит, циркумфлекс дольше акута?

В. А. Дыбо. Может быть. А может, это позднее просто происходит.

1/ ①

Четвертая лекция. 19 марта.

Старые тексты показывают эту систему тоже очень хорошо сохранившейся. Запишем примеры из древнерусского и болгарского. Наиболее распространенные слова — это: ветр, дым, хлеб, язык, ад, брат, край, недуг. Тут нужно учитывать только один момент: не все эти слова имеют одну и ту же акцентную парадигму, и в древнерусском и в южнославянских. Напр., часъ в древнерусск. склоняется по парадигме в — в Чуд. Нов. Завете засвидетельствовано:

Р. часа̀
Д. часоу̀
М. о часѣ̀

В раю — может быть и рай имело такую же парадигму. Дело в том, что в дальнейшем в памятниках русских и часъ и рай ведут себя по-разному, и, по-видимому в разных диалектах, относятся то к акцентной парадигме а, то к акцентной парадигме в. В этом отношении любопытно, что в слове часъ а. парадигма в встречается и в южнославянских языках. Ну, например, насколько я помню, на Хваре, в южночак. диалекте, тоже парадигма в, но краткостная парадигма, то-есть явно вторичная.

Ну вот, примеры парадигмы а в Чудовск. Новом Завете.

И. вѣ́тръ ды́мъ хлѣ́бъ ıазы́къ
Р. а́да бра́та вѣ́тра ды́ма кра́на хлѣ́ба ıазы́ка
Д. бра́тоу вѣ́тру ıазы́коу
В. бра́та хлѣ́босъ — форма очень характерная, т. к. получается не хлѣбо́съ, а хлѣ́босъ. А в других акцентных парадигмах, напр., с будет: миро́съ, родо́съ.

Т. ıазы́комъ

М. а́дѣ о бра́тѣ по хлѣбѣ в ꙗ҆зы́цѣ
(после)

Зв. форма бра́те

Множ. число

И. хлѣби ꙗ҆зы́ци
Р. вѣтръ ꙗ҆зы́къ
Д. бра́томъ вѣтромъ ꙗ҆зыкомъ
В. неду́ги хлѣбы ꙗ҆зы́ки (и: -кы)
Т. со хлѣбы. ꙗ҆зы́кы (и: -ки) с наро́ды о҆бро́ки
Зв. форма = И. : ꙗ҆зы́ци
ы — исключительно еровое в русской письменности до XV в.
М. въ ꙗ҆зы́цѣхъ

Тырновская группа (Среднеболг. извод XIII – XIV вв)

И. и҆ а҆́дъ (я даю с союзом и, потому что это важно. В это время ещё в парадигме с в Им. п. переход ударения на conj и: и҆ мир, и҆ землю...)
хлѣбь
а҆зы́къ

На конце в зависимости от орфографической традиции регулярно пишется то ъ, то ь. А иногда — нерегулярно, в данном случае — нерегулярно.

Р. а҆́да же (я даю с частицей: это окружение влияет потом)
бра́та ѿ кра́ꙗ недꙋ́га ра́ꙗ хлѣба

Д. бра́тꙋ вѣтроу къ пла́чю ча́сꙋ а҆зы́кꙋ

В. въ а҆́дъ бра́та недꙋ́гь пла́чь хлѣбь въ ча́съ а҆зы́кь

Т. съ бра́томь вѣтромь недꙋ́гоⷨ и҆ плачемь а҆зы́комъ

М. въ а̂дѣ в ра́и и по хлѣ́бѣ ча́сѣ

Зв. а̂де

Множ. число

И. хлѣ́би ѧ̂зы́ци

Р. хлѣ́бъ

Д. недѧ́гоⷨ ѧ̂зыкѡ́ⷨ

В. и̂ хлѣ́бы ча́сы ѧ̂зы́кы

Т. ѧ̂зы́кы

М. хлѣ́бѣ× въ ѧ̂зы́цѣ×

[В это время в южнослав. области господствует ЬІ, и только в киприановск. группе ЪІ. Но это может быть объяснено тем, что эти тексты были написаны для русских или даже в России. Это область, которая ныне обычно не изучается. То, что киприановские тексты пишутся с ЪІ — это, как правило, не отмечается] С другой стороны, масса других вещей, относящихся к орфографии, а не к графике, упускается тоже из виду палеографией. А текстологией тоже не замечается].

Киприановские тексты (по преданию, написаны рукой митрополита Киприана)

Есть предание, что Лествицу он привез, а Псалтырь писал здесь

И. бра́ⷮ ды́мъ и̂но́къ пла́чь часъ а̂зы́къ

Р. ѿ а́да бра́та ды́ма и̂но́ка пла́ча и̂з ра́ѧ ѿ ча́са ѿ а̂зы́ка

Д. а̂дꙋ бра́тꙋ ды́мꙋ и̂но́кꙋ пла́чю ча́сꙋ а̂зы́кꙋ

В. въ а̂дъ бра́та ды́мъ и̂ и̂но́ка пла́чь въ ра́и хлѣ́бъ ча́съ въ а̂зы́къ

(на стр. 4 → Т.)

Т. недѹ́гомъ плачемь ѧ҆зыкомъ

Зв. бра́те ѿ ино́че

(Обращаю внимание на это написание. В парадигме а это ѡ не получает на себя ударение; ср. ѿ роде (в Чудовск.), парадигма с).

Множ. число

И. и҆но́ци ѧ҆зы́ци

Р. ѿ и҆но́къ ѿ ѧ҆зы́къ

Д. и҆но́кѡмъ ѧ҆зы́кѡмъ

В. ча́сы на ѧ҆зы́кы

Т. не засвидетельствован от этих слов

М. въ и҆но́цѣхъ недѹ́зѣхъ не о ѧ҆зы́цѣхъ

Зв. ѿ и҆но́ци

Ту же парадигму мы можем проследить и в

Словинском: (транскрипция Лоренца)
~ означает короткое ударение

Ed. И. brãt

Р. brãtă

Д. brãtu

В. brãtă

Т. brãtą

Мн. Им. ~~ва~~ bràcá, вариант : bràtà

И есть вариант bràcȁ с а-огубленным.
Последний вариант – это 'братья' (сужение)

Род. bràtôu̯, ср. xlȍop и вариант с -róu̯

Дат. brȁtôu̯m

Вин. brȁtôu̯~~x~~

Тв. brȁtì ← наиб. старая форма с долготным рефлексом y (а краткий рефлекс – ä)

brȁtmì ← тоже долготный рефлекс, под влиянием, конечно, первого варианта.

brȁtamì

Три варианта творит. п.

М. bràcéx и brȁtȁx

Перейдем к основам среднего рода а. п. (a).

В русском многие из этих основ перешли в подвижный тип, ср. дéло – делá, лéто – летá и т.д.

	Русск.	Серб. штокав.	Крижанич	чакав.	словенский
Ед. Им.	чáдо дéло	мȅсто	Ли́то	rȁlo	lẹ́tọ (1)
Род.	чáда дéла	мȅста	Ли́та	rȁlo (a?)	lẹ́ta
Дат.	чáду дéлу	мȅсту	Ли́ту	rȁlu	lẹ́tu
Вин. = Им.					
Тв.	чáдом дéлом	мȅстом	Ли́том	rȁlōm (2)	lẹ́tom
М.	о чáде о дéле	мȅсту (вторичное)	Ли́тѣ (3)	rȁli	lẹ́ti

---

(1) с восходящим долгим

(2) с долготой – это, как мы уже говорили, – вторичная

Мн.

Им.	ча̀да (4) (дела́) - вторично	мѐста	Ли́та	čȁla	lẹ̄ta (5)
Род.	ча̏д де́л	мѐста̄	Лӣм (6)	čȁl (7)	lệt (7)
Дат.	ча̀дам (8) (дела́м)	(мѐстима)	Ли́том (9)	čȁlom (10)	lẹ̄tom (11)
Вин.	= Им.				lẹ̄ta
Тв.	ча̀дами (дела́ми)	(мѐстима)	Ли́тми (12)	čȁli (13)	lẹ̄ti (14)
М.	о ча̀дах (о дела́х)	(мѐстима)	Ли́тѣх	čȁlih	lẹ̄tih

---

(12) Тоже отсутствует ударение, но засвидетельствовано другими текстами. Ср. пѣто — пѣтми, бѐрдо - бѐрдми

(13) В Novi сохранилась старая форма с рефлексом акутовой ин

(14) С новым циркумфлексом; тоже старая форма творит. падежа — должна быть первоначальна, поскольку здесь долгота. Долгота фиксируется другими диалектами. Так что здесь она нормальн

---

(4) В памятниках засвидетельствовано и как es-основа: дело–деле Но чу́до — чу́деса. Чу́до как раз — одна из немногих es-основ, которая показывает а. п. (а), причем и в др.-русском, и в болг., и в древнесербских памятниках: чу́деса, чу́десах и т.д.

(5) Здесь в словенском мы встречаемся с новым циркумфлекс Это должно отражать долготу конечного а. Вот вопрос, насколько эта долгота и вообще форма первична — это один из сложнейших вопросов акцентологии и, по-видимому, решение его возможно только в результате очень трудоемкой работы по изучению диалектов и стар памятников.

(6) С долготным ударением.

(7) Тоже с рефлексом нового циркумфлекса.

(8) Обе формы вторичны, но ударение вторично в ф. дела́м.

(9) В парадигме, приводимой Крижаничем, в этой форме отсутствует ударе ние, но оно фиксируется другими текстами.

(10) Старая форма сохранилась (Novi - сев-чак).

Возникает вопрос, как же объясняется рефлекс нового циркумфлекса в Им. и Вин. падежах в словенском (lę̃ta)? Ну, то что дательный здесь вторичный, это вполне понятно – если все падежи имеют рефлекс нового циркумф, то дательный вполне может поддаться этому влиянию, тем более, что нужно отличать его от творительного. А вот это вопрос более сложный. Станг считает, что это тоже вторичное распределение, вторичное распространение нового циркумфлекса. Он приводит форму из кайкавского диалекта ______, описанного Рожичем. Нужно сказать, что кайкавские диалекты в большей своей части ~~представляют~~ составляют в сущности акцентологическую часть словенской языковой [зоны], и лишь то, что я называю, вслед за Ившичем, кайкавско-чакавским типом, к которому я отношу и Крижанича, эта часть диалектной области резко отличается именно отсутствием рефлекса нового циркумфлекса в основных позициях. Тот диалект, который приводит Рожич, это скорее все-таки словенский диалект, диалект словенского типа, хотя он довольно сильно перестроен: там масса оттяжек различного рода и очень трудно разобраться в его акцентологических особенностях. Так вот там есть такая парадигма:

Ед. Им. šȉlo (с кратностным ударением, т. е. того удлинения, которое дает в словенском
Род. šȉla долгое восходящее ударение, там не происходит)

Мн. Им. šȉla (с кратностным уд).
Род. šȋl (с рефлексом нового циркумфл)
Дат. šȉlam

То есть вот это как будто та искомая протосистема. Принимая вот это за начальную систему, мы должны предполагать, что здесь a было сокращенное (в Им. мн.), здесь был ер (Род мн.), здесь -ат из -от (под влиянием женского рода) - в Дат. мн. А здесь - положение перед конечными долготными рефлексами (где ĭ). Это все было бы очень приятно. Вообще проблема конечных долгот - одна из сложнейших проблем; все считают всегда, что они сократились. Но фактически мы имеем во многих случаях рефлексы долгот в конечном положении. Если мы примем, что в праславянском были какие-то долготы в конце слов и если мы постараемся их реконструировать, то в общем-то, отметая некоторые ~~при мн~~ вторичные вещи, например, долготу на y ті в Тв. мн., на которые явно влиял твор. п. муж рода, и ср. рода, то мы обнаружим какое-то ядро этих долгот. ~~но~~ Если мы будем сравнивать их с балтийскими, то окажется, что эти долготы - на месте старых циркумфлектированных долгот, которые были ударными в подвижной а.п. Т.е. те долготы, которые в подвижной а.п. не были ударными, они не сохранились, даже в том случае, если они были циркумфлектированными. Отсюда вывод, что ~~исчезновение~~ сокращение долгот произошло еще до возникновения а.п. (в). И затем эти сохранившиеся в подвижной а.п. долготы распространились.

Этот вывод был сделан...

Возьмите -у Род. падежа, которому соответствует лит. -os. Оно было ударным в подвижной а.п.

IV и в славянском оно сохранилось в типе рукя́, рукы́ ③
и т.д. Тип женя́ в этом случае в это время по-видимому имел вот такое ударение: žẽna.
Так как -os, давшее -y, попадало в ударную позицию в парадигме ©, то оно сохраняется несократившимся. А, допустим, -ǫ в Вин. п., которое во всех парадигмах было безударным, сокращается.
И вот рефлекс вот этой долготы (-y) сохраняется в -ē в сербском (в йотированных основах), а ǫ дает и-кратное, поскольку оно уже сократилось.
~~Тип žena~~ Важным является то, что когда мы выделим какое-то количество окончаний, имеющих долготы, то они окажутся как раз теми, которые как в праславянском, так и в балтийском были ударными в подвижной а.п.
Этот вывод и это наблюдение было сделано Илличем-Свитычем в период работы его над монографией, но он не вошел в монографию и обсуждался просто нами, он нигде не опубликован. Впрочем я уже писал об этом. Так вот в этом случае, принимая эти особенности, конечно, долгота вот этого a все-таки является непонятной (a в N pl.) и мне лично очень симпатично объяснение Станга, которое опирается
? на диалект Пригорья. Тогда получается a краткое, обычное сокращенное, а новый циркумфлекс возникает перед ером, перед ȳ долгим Тв. падежа и перед -ēх тоже долгим. ~~Мы говорим~~ ~~сказали, что~~ ~~о сокращении~~ ~~циркумфлексированных долгот, а акути~~

IV

Мы сказали, что циркумфлектированные долготы не сокращались, а акутированные долготы сократились так же как и в балтийском: ведь в слове рука́ мы не имеем в -а Им. падежа рефлексов долготы — это акутированное окончание. Т. е. следует предполагать для праславянского картину, близкую к литовскому: конечные акутированные долготы всегда сокращаются, но имеется одна поправка — кроме того, сокращаются и безударные циркумфлектированные долготы. В отличие от литовского, в праславянском можно предполагать ситуацию, при которой безударные циркумфлектированные долготы в конце слова сократились.

[Никто не опроверг того блестящего анализа просодических отношений, который был дан де Соссюром, и можно сколько угодно рассуждать на тему лабентивных интонаций, но сама логика сравнения ... назовите их как хотите — сверхдолготы, полудолготы, назовите интонацией. Дать фонетическую интерпретацию — это дело не сравнительника вообще-то, а, говоря, типологиста. [Типологи] должны определить, какие ~~системы~~ изменения наиболее характерны, какие системы более встречаемы и на этом основании давать интерпретацию. Дальше сравнительный метод ничего не дает. Можно говорить о различении ... Принимайте акут и циркумфлекс как способ обозначения каких-то единиц сравнения.]

IV Все-таки нужно признать, что принцип безударности <u>a</u> многое не объясняет. Дело в том, что все-таки это <u>a</u> выступает как долгое во многих диалектах, и даже если оно вторично, если сюда долгота была внесена каким-то аналогичным путем, тем не менее ~~[illegible]~~ в основе классической словенской парадигмы могла лежать и другая парадигма: lëtā. Долгота -ā засвидетельствована в посавском: sëlā, krīlā. И тогда, когда оно появляется под ударением, оно несет долгое ударение. Ившић дает dvā̃ (он так обозначает новый акут), kolā̃, pletenā̃, kolesā̃. Так представлена долгота в этом падеже в посавском. ~~В Нові~~

[Я писал в докладе (о законе Васильева-Долобко) о том, что скорее всего настоящий славянский циркумфлекс, ~~перех~~ старый циркумфлекс, который сохранился в неподвижных а.п., переходил <u>не</u> в циркумфлекс славянский, а в восходящую интонацию типа нового акута. Сравнение славянского циркумфлекса с балтийским циркумфлексом <u>некорректно</u>. Почему? Потому что в балтийском он существует и в подвижной, и в неподвижной а.п. И также в подвижной и неподвижной а.п-ах существует акутовая интонация. Славянский циркумфлекс — лишь признак баритонированных форм подвижной а.п. В тех случаях, когда в славянском представлены старые акутированные подвижные парадигмы с акутированным корневым гласным, этот акут переходит в циркумфлекс (это правило Мейе). Что касается ино—

IV

национных противопоставлений в парадигме неподвижной, то в большинстве случаев там они перешли в противопоставления акцентуационные, т.к. ~~без~~ акутированная осталась баритонированной, а циркумфлектированная стала окситонированной. И лишь в определенных позициях, допустим, в позиции Род. п. подвижной а.п. ж.р. ед. числа – это конечноударная а.п., сохранилась и долгота, и интонация, но здесь как раз интонация восходящая в славянском, т.е. литовскому циркумфлексу, исконно тоже восходящей интонации, соответствует славянская восходящая интонация типа нового акута.]

В чакавском Novi конечные безударные долготы сократились, но в подвижной а.п., которая засвидетельствована в таком не изменившемся виде от -en- и -es-основ, мы имеем nebesá (вот он новый акут), vrimená (это вторичная подвижность), imené, ramené и т.д. Долгота этого окончания сохранилась в словацком. Там она распределена по словацкому балансу долгот, т.е. конечные долготы там сохраняются только в том случае, если коренной слог краткий. Поэтому там сохраняется эта долгота или в бывшей а.п. (a): mestá и pecá

Вот видите, долготные окончания выходят за пределы южнославянской области. Они фиксируются и западнославянскими языками, правда сменными.

Очень трудно судить о том, откуда здесь долгота.

IV Дело в том, что ā ср. рода должна иметь как монофтонг акутированную долготу, а тут возникает вопрос вообще обо всей истории этих форм в и-европ. языках. Это явно образования первоначально женского рода. Санскрит дает рефлекс краткости. Так что это вопрос сложный.

Лекция 5. 5 26. III. 74.

Мы прошлый раз остановились на долготных окончаниях в славянском и, мне кажется, не совсем уяснили этот вопрос. Поэтому я хочу возвратиться немножко к нему в связи с тем, что мы раньше времени столкнулись с этим, и привести это в порядок. Существует общая точка зрения, что все конечные долгие гласные в праславянском сократились. Но непосредственное сравнение славянских языков приводит к значительно более сложному выводу. Оказывается, что при сравнении целый ряд окончаний следует считать долготными. Давайте выпишем все односложные, бо́льшую часть во всяком случае односложных окончаний и посмотрим, что у нас получается.

-а Им. п. ж рода (из старого ā долгого)
-у/ę, ě Асс. ж. рода на -а
-і Лот. м рода, основы на -ŏ
? -у Асс, м. рода (.. [illegible] вариантами).
-а Им-вин дв. ч. м рода
-ě N-A дв. ч. ж. рода
-ě Дат. п. ж рода ā-основ
-ę Вин. п. ж рода
-а Ген. м и ср рода ŏ-основ
-и Дат. п. м и ср рода
-ě Лок. м рода и ср. рода.

Эти все окончания дают рефлексы краткостные

2) которые дают долготы:

$\bar{ǫ}$ (*$\bar{y}$) Род. п. ж рода основ на -ā
Неизвестно, имеем ли мы право предполагать, что y здесь было долготное.

$\bar{u}$ Лок. м рода ед. ч. и-основ

$\bar{y}$ Тв. п. мн числа м и ср рода о-основ

$\bar{u}$ Gen-Loc du

Эти вот долготные окончания ($\bar{ę}$) проходят как $\bar{e}$ долгое в сербском языке и в хорватской области, ~~($\bar{e}$)~~. Локатив и-основ хорошо засвидетельствован в лехитской области (по памятникам). $\bar{y}$ засвидетельствовано в хорватской области, в словенском, у Крижанича и в лехитской области – в словинцском. И $\bar{u}$ dualis по ~~н~~ памятникам, то есть у Крижанича по некоторым косвенным, правда, моментам и сербскохорватские щтокавские, ну возьмите форму но̀гӯ, ру̀кӯ. Перенос – это явление вторичное, о чем свидетельствуют факты текстов, даже сербских текстов, а вот это состояние более первичное ~~до~~ с новоштокавской ретракцией и долготой. Такое вот состояние ~~было~~ получается.

Сам процесс неравномерного сокращения конечных долгих ~~обычный~~ – это явление, в индоевропейских языках происходящее очень часто. И аналогичное славянскому состояние мы имеем в литовском, где циркумфлектированные конечные долготы сохранились как циркумфлектированные, а акутированные сократились в конечном положении и дали краткости. Аналогичный процесс,

3) вероятно, происходил в германских языках. Но в данном случае у нас не наблюдается такого распределения.
Если мы рассмотрим эти окончания с т. зр. балто-славянского акута или циркумфлекса, то у нас окажется, что вот этот вот долгий – это акут, акутированное окончание, этот долгий – это циркумфлекс и эти окончания были (будут) циркумфлектированными. Такой результат сразу же вызвал в славянской акцентологии значительные трудности, потому что ясного и четкого распределения долготных и краткостных, сокративших окончаний не получилось. Когда существуют такие трудности, то возникает тенденция объяснять
те факты, которые по количеству значительно меньшее место занимают, как процессы внутриславянские.
И такие , объяснения существуют, т. е. вот эту вот форму из местоименных основ – получила хождение теория (происхождение сербского генитива как результат стяжения в местоименных, в местоим. формах – ξ). То окончание, которое мы рассматривали прошлый раз, – это долгое а в ср. роде – наиболее характерные рефлексы словацкие рассматриваются с т. зрения словацкого количественного баланса гласных, соответственно аналогия, идущая тоже в рамках этого баланса (работа Торбьернссона), а остальные окончания (ā, ӯ, ū), как плохо зафиксированные раньше, они просто не рассматривались особо. Но сейчас вопрос о них снова поднимается, поскольку материал памятников значи-
тельно подготовил реконструкцию всех этих окончаний

4) ний как долготных. Обычно это все трактуется таким образом. Как известно, в славянском конечные долготы сократились, хотя говорить о том, что это все (совершенно) известно и ясно мы не можем, а поэтому все факты появления конечных долгот объявляются вторичными в праславянском, праславянскими явлениями или вторичными явлениями на почве отдельных славянских языков.

Я на прошлой лекции предложил другое объяснение то объяснение, которое было предложено в общем виде Илличем-Свитычем, когда он работал над своей книгой.

Дело в том, что если исходить из той теории, что акцентная парадигма (в) возникла вторично, то до возникновения этой парадигмы в славянском существовало лишь два типа: тип с неподвижным ударением, акутированным или циркумфлектированным на корне, и краткостный. Т. е. тип же́на не существовал как конечноударенный тип, а был тип же́на с постоянным ударением на корне. Тогда кроме этого неподвижного типа существовал еще тип с подвижным ударением, в котором одни формы имели ударение на окончании, другие формы имели ударение на начале слова и никогда в данных формах, в данных падежах ударение на окончании не стояло. Это тип рука́. Тогда окажется, что существует целый ряд окончаний, которые никогда в праславянском в этот период не несли

5) которые имели ударение в а.п. ⓒ: тип *рука́* и
т.д. Так вот сравнение окончаний по этому при-
знаку, разбиение окончаний по этому признаку
приводит к выводу что вот эти все окончания ~~т~~
это те окончания, которые
(долгие) — несли на себе ударение в подвижной а.п.
Что касается вот этих окончаний (акутированных),
то здесь по крайней мере вот это окончание
несло на себе ударение в подвижной а.п., а
вот эти были безударными (ĭ, ǫ, а, и, ě) тоже ~~только~~.
Кроме этого можно найти, допустим, местный падеж,
который тоже был акутированный женского рода
и тоже является сокращенным, т.е. он относится
к этой же группе. Все вот эти циркумфлексиро-
ванные окончания — это те окончания, которые все
же, будучи циркумфлексированными, были всегда безудар-
ными в а.п. ⓒ. Вот такое разбиение позволяет
построить гипотезу, по которой в праславянском сокра-
щению подвергались окончания все акутированные, неза-
висимо от того, были ли они ударные или были
безударные, и [те] все циркумфлексированные, которые были
безударными в подвижной а.п., следовательно были
всегда безударными. Те же окончания, которые несли
ударение в подвижной а.п., сохраняли в подвижной
а.п. долготу, которая по-видимому распространилась
и на другие акцентные парадигмы.

Вот такая гипотеза, с которой я хотел вас позна-
комить более подробно.

6) Что касается сербского генитива ж. рода по долготе, то, чтоб было ясно, я напишу схему, кот. приводит Торбьернсон, как традиционно представляется распространение этого долготного окончания, вторичное распространение, т. е. это традиционная т. зр.

Праславянское	sily (с краткостью)	dušę	местоим. onoję ję/ję
Сербский I период	sili	duše	ono(je)
II период	sile ← (действует аналогия)	duše	onoe (выпадение j)
III период	sile	duše	onē (*←onō) (стяжение, которое (?) применяется по аналогии, т. е. возникает onē вместо *onō под влиянием стянувшейся формы (n)jē
IV период (современный) (староштокавский)	sȉlē	dúšē (появляется долгота под влиянием местоименных форм).	← ȍnē, (n)jē

Вот видите, такое объяснение требует целого ряда предположений, целого ряда этапов. Ну, если это может быть доказано, то только на основании каких-то сербских текстов, сербских фактов. [Пока таких фактов нет. Я думаю, что объяснение и не будет дано, но это еще ни о чем не говорит].

7) Относительно словацкого ā долгого в ср. роде, о котором мы говорили прошлый раз, то здесь интересно было бы исследовать положение в западно-словацких диалектах, которое до сих пор не исследовано. Насколько известно, там отсутствует баланс – в моравских говорах, а в то же время в моравских говорах существует, засвидетельдствовано Бартошем долготное окончание ā, как оно распределено – это остается пока загадкой, потому что материал не очень значительный до сих пор.

А теперь вернемся к нашим основам ср. рода а. п. ⓐ. В прошлый раз мы не закончили запись материала по древним текстам.

А. п. ⓐ очень хорошо сохраняется в древнерусском, в 14 веке, в Чудовском Новом завете. Привожу примеры.

Ед. Им. дѣ́ло жа́ло зе́рно колѣ́но лѣ́то мѣ́сто ста́до ча́до

Род. дѣ́ла колѣ́на лѣ́та ма́сла мѣ́ста оу́тра

Дат. дѣ́лоу зе́рноу лѣ́тоу мѣ́стоу ста́доу оу́троу ча́доу

Вин. дѣ́ло лѣ́то на мѣ́сто на ра́ло ста́до

Тв. зерца́ломь (только многосложная форма)

М. дѣ́лѣ лѣ́тѣ на мѣ́стѣ о ста́дѣ

Мн. Им. дѣ́ла мѣ́ста ча́да свѣти́ла (многосложное)

Род. ѿ дѣ́лъ ми

Дат. по дѣ́ломъ и лѣ́томъ и ча́домъ*

Вин. дѣ́ла (здесь другое написание) жа́ла жи́та лѣ́та на мѣ́ста

при

8)

на ча́да колѣ́на

Тв. дѣ́лы по́уты с ча́ды

М. на ча́дѣ^{x} лѣ́тѣ^{x}

Зв. ча́да (ничем не отличается от Им-Вин).

В отношении к древнерусскому среднеболгарские тексты дают систему в определенном смысле более продвинутую по распадению, в направлении к распадению. Мы потом, когда будем разбирать а. п. (в) и подвижную а. п. увидим, что для того, чтобы во́зникло конечное ударение в Им. и Вин мн. на а в среднеболгарском и болгарском, были довольно веские основания, потому что там получилось такое распределение: во-первых, подвижная парадигма имела ударное а и, во-вторых, два варианта а. п. (в) — село́, кот. в среднеболгарском было уже се́ло, и какое-нибудь число́, которое тоже стало чи́сло, во мн. числе распались на 2 варианта: мн. было села́, а этот долготный тип было чи́сла. Вот по-видимому под влиянием этого акцентного типа парадигмы (в) подвижной акцентной парадигмы и тип а подвергся влиянию. Мы уже находим наряду с мн ча́да в 14 в. - уже чада́, хранилá даже, по местáм, селѣ́х (?), о ча́дѣхъ

Мы сейчас просто обратимся к обзору материала. Что здесь можно видеть?

9)

Тырновская группа текстов (13–14 века).

Ед. Им. жѧ́ла (есть и с о обычным) лѣ́та масло мѣ́сто (есть тоже с о обычным) стадо

чѧ́до

Род. дѣ́ла лѣ́та ѿ мѣ́ста стада за оутра

В болгарском тексте, переписанном русским писцом Евпраксии Олимпийской (текст восходит к 14 в.)

?

встретилась не совсем ~~обычная~~ понятная форма — маслá, причем в генитиве ед. ч. явно; совершенно непонятно — скорее всего описка.

Дат. дѣ́лоу зрьноу лѣ́тоу стадоу оутроу

Вин. дѣ́ло зрьно лѣ́то ~~с~~ масло мѣ́сто (так!)

на рало рамо стадо оутро чѧ́до

Тв. дѣ́лом зрьномъ

М. дѣ́лѣ на мѣ́стѣ въ оутрѣ (лежачий спиритус)

Мн. Им. колѣ́на чѧ́да (вариянт: чѧда̑)

Род. дѣ́ль

Дат. по мѣ́стам (встретилось 2 раза) в одном и том же тексте, никак не может быть признано ошибкой. Других форм дат. п. нет, но этот пример очень характерный.

Вин. дѣ́ла (рамена) по основам на -н

Но в то же время в подвижный тип переходят и многосложные — вот есть форма хранилá.

Тв. и дѣ́лы жѧ́лы

М. мѣ́стѣ^{x} (есть другой вариянт: мѣ́стѣх);

из не введенных форм можно дать — въ нѣдрѣх и въ нѣдрѣ^{x}

Вок. [характерно скорее для противопоставления подвижному типу]

ѿ чѧда [когда подвижный тип, то здесь появляет

10) в подвижном типе, в а.п. ⓐ и в некоторых формах женского рода а.п. ⓑ – ѿ оформляется таким образом, а сама форма остается без ударения].

Другая группа текстов – это тексты, приписываемые Киприану.

Ед. Им. дѣ́ло, ма́сло, из многосложных – прави́ло (с т. зр. словообразовательной акцентовки это – вторично).

свѣти́ло

Род. ѿ жа́ла ма́сла свѣти́ла

Дат. ни ма́слꙋ и прави́лꙋ свѣти́лꙋ

Вин. жа́ло ма́сло въ мѣ́сто свѣти́ло

Тв. дѣ́ломъ прави́ломъ свѣти́ломъ

М. въ на́дрѣ (только одна форма вот в таком написании, ; 'в недре')

Мн. Им. только многосложные формы: желѣ́за свѣти́ла

Род. лѣ́т мѣ́стъ ѿ точи́лъ

[характерно распространение на и ударения, в отличи от форм, приводимых Х. Кодовым. Они использованы в работе Станг с целью показать, что в болгарском как будто бы наблюдается перенос при новом циркумфлексе на предшествующий слог, так же, как и в штокавском, в сербском в северо-чакавской и кайкавско-чакавской областей, но об этом мы будем говорить на следующей лекции.] У Станг как раз приводятся формы женск рода: го́динъ, но я думаю, что они не очень доказательны, так как вообще переносы, бо ретракция болгарская очень распространена и для

11)

того, чтобы что-то ~~показать вообще~~ утверждать уверенно, необходимо показать, что в данном тексте, в данном диалекте этот перенос охватывал только род. п. Но мы об этом переносе будем говорить потом подробно, сам что я только обращаю внимание на то, что в моих текстах таких переносов не встретилось. А когда они есть, они могут быть трактованы как переносы вообще.]

Дат. по дѣ́ломъ лѣто[и] и свѣти́ломъ

Вин. жи́та въ нѣ́дра свѣти́ла

Тв. только многосложные основы встретились: правилы

М. обычны такие варианты: дѣ́лѣх мѣстѣхъ

о точи́лѣхъ, но в то же время влияние подвижного типа ощущается и в этих текстах: наряду с дѣ́лѣх есть дѣлѣ́х [отражает ли эта форма дѣлѣ́хъ или это ударение в самой форме дѣлѣ́х — неясно], о̂ чадѣ́х. Этот тип в среднеболгарском оказывается более разрушен, чем в древнерусском в тот же приблизительно период.

Ну, и неподвижный акцентный тип очень хорошо сохранился в словинском из западнославянских языков.

Ед. N.	lẫto	Мн. N	lẫtã
G.	lẫtã	G	lẫt
D.	lẫtu	D	lẫtóum
Acc. = N		Acc = N	
I	lẫtą	I	lẫtï — наиболее архаическая форма (рефлекс долготного ȳ) и новая, возникшая по аналогии, форма — lẫtami (тоже долготный рефлекс: отсутствие озвончения гово-
Loc.	lȉ̯ecä		

12)

Loc. lîecéx – это наиболее архаическая форма, собственно точно соответствующая праславянской

И есть вариант: lātăx.

Вот собственно рефлекс этого акцентного типа в западнославянском языке, сохранившем подвижный тип ударения.

i-основы

Когда речь идет о i-основах, то обнаруживается, что во всяком случае большая группа непроизводных основ этого типа в современных славянских языках перешла в другие типы, в основном – в подвижные типы. Но а.п. (a) сохранилась довольно хорошо в производных именах: болéзнь, болéзни и т.д. Сам состав этой а.п. для непроизводных i-основ является проблемой, т.е. мы должны реконструировать само распределение, так как многие из этих слов, например, слова типа мышь, которые раньше относились к неподвижному акцентному типу: еще в Домострое мы находим род.п. мн.ч. мы́шей; это же слово встречается в заголовке древнерусского перевода "Борьба мышей и лягушек"; и в форме Instr. pl мы можем обнаружить в Уложении мы́шми. Довольно хорошо сохранился неподвижный тип в словах, в i-основах, которые употребляются только во мн. числе: перси, гусли и еще в неск. словах, и кроме того – в слове нить. Это слово мы и возьмем

13) как образец, как представителя (а, п. (а)) i-основ в современном русском языке.

	русск.	штокавские	чакавское	словенский
Ед. ~~Им.~~ Им.	нить	нӥт ми̏ш (там переход в м. род, поэтому мы ограничимся только Им. п.)	(*nȋt). (эта форма зафиксирована во множеств.)	nȋt (такая форма с кр. уд. сохранилась только в Им-вин.) mìš (тоже с кратким) (но есть вариант, возникший по аналогии, с долгим ударением mîš) В словенском в конце есть и долгое и краткое ударение. ~~Долгое~~ В нормальных условиях, долгое восходящее ударение — это рефлекс нового акута. Так как новое ударение не запрещено, то естественно морфологическим путем оно переносится и в Им. п. — в тех случаях, когда форма довольно одинокая среди других форм.
Род.	нити	(нӥта, ми̏ша)	—	(nîti) — с нисходящим долгим ударением — форма аналогична, а нормально сохраняется: míši. Вполне возможно, что Род. п. i-основ был тоже долготный, но это не совсем ясно.
Дат.	нити			(nîti) míši Если в род. все-таки был долгий, то, возможно, здесь обоюдное выравнивание противоположное выравниванию

14)

Вин. нить — nĩt mĩš

Тв. нитью — nĩtjo – рефлекс нового циркумфл.

mĩšjo – тоже рефлекс нового циркумфл.

Падение еря приводит к удлинению, повидимому, и эта долгота, как и долгота стяженная, воздействует на предшествующий акут.

Мест. нити — (nĩti) mı́ši – с рефлексом акута

Аналогия идет дальше.

Все это слово, за исключ. Вин., – результат аналогии.

Мн. Им. нити — нити, мыши — nĩti — (nĩti) Явно вторично — mı́ši нормальное отражение

Род. нитей — (нита мыша) – перестроенные формы — nĩt тоже перестроенная форма — nĩti – нормальная рефлексация, новый цирк. — mĩši Эта форма показывает, что здесь вполне нормально возникает ~~[illegible]~~ новый циркум. Тут получается стяжение окончания ьјь → ĩ, которое дает ĭ дальше первоначально. и дает акутовую интонацию, кот. переходит в новый циркумфлекс в результате возникновения вторичной долготы.

Дат. (нитям) – перестроенная форма — nĩtim, mĩšim Обе формы – результат аналогии.

Вин. = Им.

Тв. (ни́тями) — перестроенная форма

nĩtmi   mîšmi

~~Нормально~~

Такую рефлексацию я считаю нормальной фонетически — для словенского, так как те кайкавские диалекты, которые сохранили конечное ударение, и диалект Кришанича (подв. а. п.) фиксируют это i, на кот. падает ударение, — как долгое. Долготность здесь по-видимому все-таки вторична. Факторы, при которых она возникла, — это вообще довольно сложно: здесь и влияние у, и, возможно, рез. падение еря. Есть целый ряд примеров, кот. показывают, что при падении ера возникала это какая-то заместительная долгота <u>следующего</u> слога, что вообще-то довольно странно.

~~Мест. нитях~~

Мест. ни́тех

nîtih   mîših

То же, вероятно, следует предполагать фонетическую рефлексацию, но возникшую уже на словенской почве.

2.IV.74. 6 лекция (1.

Продолжим ~~наших~~ расширение i-основ. Как я сказал, в этой группе основ исторический процесс привел к массе разрушений, к переходу в другие типы, как морфологические, так и акцентологические типы. Поэтому вообще состав а. п. @ от i-основ требует того, чтобы его реконструировать просто. К этой группе относятся: nītь, mŷšь, čáṡь, dȍlnь, (ладонь) mȅdь; вероятно, vȅtvь, хотя первоначально, может быть, относилось к другому типу основ; sȅnь, а также три слова, которые употребляются только во множ. числе: pьȑsi, gǫ̑sli < *gǫdsli (отглагольное образование от гудеть), jȅsli (< jēd-sli). Кроме того, ряд слов с явными суффиксами – это слова žīznь, kázнь, (многосложные bolȅznь, bojáznь, bа̏snь (от глагола bajati), pȇsnь, pečȅtь, pečȅlь 'печаль'. Может быть и mŷslь сюда же примыкало, хотя рефлексы его не очень ясны. Вот, пожалуй, все непроизводные и первопроизводные слова, которые можно отнести почти без сомнений к этой а. п. История их сложилась по-разному, в большинстве случаев, большая часть – просто перешли в другой тип, ну, напр. сȇн в сербохорватском будет м рода, jȃsla в словенском перешло в ср. род с соответствующим рефлексом нового акута, в то время как сербохорватский сохраняет ја̏сли, ја̏сле. Слова, которые употребляются только во мн.

VI числе, сохраняются лучше: с-х гу̏сле, слов. gôslî; (2

рус. диал. доло́нь с характерным рефлексом, с-х dlȁn (с акутом), в словенском перешел в подвижный тип: dlȃn.

Перейдем к памятникам.

В др-рус к этому типу относилось также слово <u>скорбь</u>, которое, по-видимому, первоначально относилось к а.п. (b). В др-рус период а.п. (b) очень сильно редуцировалась для i-основ, и часть из этих слов, которые можно отнести к а.п. (b) перешла в неподвижную а.п., т.е. парадигму (a). Первоначальный характер устанавливается только в результате сравнения с южно-славянскими фактами. Т.к. это слово очень хорошо представлено, мы будем вводить его в этот материал для Чудовского Нового Завета. [В совр. рус. яз. это слово – скорее подвижного акцентного типа. Для современного русского вообще трудно говорить об акц. парадигмах, потому что существует много акцентных типов, получилось распадение старых, компактных акц. типов на целый ряд различных. Они хорошо описаны в статье и в книге Зализняка.]

<u>Чудовский Н.З. (14 век)</u>.

ед. И. боя́знь жи́знь ско́рбь ра́дость

Р. ні мѣ́ди(1) ско́рби жи́зни печа́ли печа́ти

Д. мѣ́ди ско́рби пѣ́сни рыси

В. на ка́знь ра́ть

Инстр. боя́знью ра́достью

Местн.(2) в ско́рби в жизни сѣ́ні на купѣ́ли въ ра́дости (3)

VI

3.

Мн. И. вѣ́тви гоу́сли ско́рби боꙗзни ꙗ́сли ра́ти

Р. ѿ печа́лий

Д. ба́снемъ, и҆ мы́слемъ (4) напа́стемъ (5)

В. гоу́сли на пе́рси печа́ти на ба́сни ско́рби ꙗ́кори (6) ~~(заимств.)~~

ра́ти напа́сти пѣ́сни

Тв. ско́рбьми ꙗ́корьми пре[д] степе́ньми

М. въ вѣ́твеˣ о пе́рсеˣ в ꙗ́слеˣ в скрыжа́леˣ

на степе́неˣ

Аналогично ведут себя эти основы и в среднеболгарских текстах.

Тырновская группа текстов (13-14 вв.)

Ед. И. и҆ жи́знь мы́сль ни сѣ́нь

Р. и҆ жи́зни не без[s] ка́зни и҆ печа́ли

Д. не отмечен в акцент~~уир~~ов. текстах не отмечен (или не замечен)

В. въ жи́знь мы́сль печа́ль (1) пѣ́снь сѣ́нь

Тв. печа́лїѫ

М. въ дла́ни жи́зни въ мы́сли пѣ́сни

---

(3) В подвижном акц. типе все эти формы будут ударяться на окончании. Если бы скорбь относилось к подвижному типу, было бы в скорби́ и какое-нибудь крѣпость - крѣпости́.

(4) Это слово представлено довольно хорошо, но мы его еще сюда не вводили.

(5) Это слово производное, но так как мало примеров, то мы его берем.

(6) Любопытно, что идет также по этому типу заимствованное ꙗ́корь.

VI

Мн. И. сѣни (2)

Р. болѣзней напастей пѣсней ня́слей (3)

Д. болѣзнемь

В. мысли пѣсни (скрижали) (4) сѣни

Тв. вѣтьвми казньми

М. печалехъ въ ня́слехъ на скрижале[x] (4)

Другая группа текстов — <u>Киприяновские тексты</u> — показывают в общем совершенно аналогичную систему и отличаются только орфографически.

Ед. И. боазнь жизнь мысль печаль же пѣснь сѣнъ

Р. и боазни жизни бес печали пѣсни ѿ рати

Д. [не отмечен]

В. вѣтьвь (корысть — ко́ристь) (5) печаль печа[т] пѣснь и рать (6)

Тв. печалїа съ пѣснїа

М. въ печали въ пѣсни на рати

---

(2) В этих текстах редко встречается гравис, а в текстах Киприяна гравис ставится регулярно на словах обозначающих унижение, понижение, уменьшение, уничижение.
(?) Т.е. какой-нибудь МРОВЕ будет всегда так записано МРО̀ВЕ[+] какие-то глубокие идеи. Или, допустим, ПАДЕТЬ будет так: ПА̀ДЕТЪ. Это уже идет из греческих текстов.

(3) И вот есть один случай акцентовки слова <u>мысль</u> кот. или свидетельствует о переходе в подвижный тип, или может быть, говорит о том, что здесь была первоначально а.п. (В). Если это, конечно, не опечатка, потому что это не в рукописи, а в печатном издании текста: <u>мысли́</u>

(4) Снова какая-то оттяжка ударения. Ср. в локативе тоже — <u>скрижале(х)</u>.

(5) Есть оба варианта.

(6) без переноса ударения. Вообще, в этих же текстах может и отсутствовать перенос. Там [illegible]

различные писцовые школы, которые по-разному
акцентовали. Ведь можно текст акцентовать, отвлекшись
от всего предложения, и акцентовать только данные формы:
ставить данную форму в данном падеже и ставить ударение
словарное. Есть тексты, в которых явно нет ни одного переноса
в то время, как они все-таки очень ранние. Причем той же
самой орфографической школы, такой же манеры письма.
Явно должны быть переносы и в то же время они
отсутствуют. Просто писец избегал. У Киприана же вообще
избегал акцентовать тексты – это очень редко акцентованные па-
мятники. ~~Он во~~ Все тексты с 13 в. по начало 15 в. акцентованы в общем-
то не сплошь, редко встречается сплошь акцентованный текст. Акцентуры

VI

Мн. И. и̑ гѫ̑сли рáти

Р. печáлей пѣ́сней

Д. и̑ болѣ́знемъ рáтемъ

В. и̑ болѣ́зни мы́сли прѡ́си рáти

Тв. не отмечен

М. въ гѫ́слехъ (и въ гѫ̑слехъ)

въ пѣ́сне^х рáтехъ

Тут выбраны определенные слова, которые по реконструкции относятся к а.п. (а). Все они имеют определенную акцентную кривую, т.е. значки, которые стоят там (понижение голоса, повышение, усиление голоса или вообще просто стоит значок) [Я думаю, что писцу важно было в текстах, которые читались, подчеркнуть, может быть, логическое ударение. Логическое ударение совпадает с ударением слога. Такие моменты возможны. При псалмодическом пении, чтении библейских текстов получается нечто похожее, т.е. какая-то система, которая как-то налаживается.. Ну вот, допустим, я недавно как раз присутствовал при <u>хорошем</u> чтении Библии, и меня несколько поразило то, что повышение голоса, часто без усиления, совпадает с теми в общем словами, которые как правило акцентованы в тексте Чудовского Н.З. Я думаю, что лингвисты в какой-то степени делают ошибку, не изучая традицию псалмодического чтения церковных книг, которая в общем-то в скором времени может исчезнуть, и тогда мы потеряем многие данные, важные для разгадки системы ударения.]

VI У Крижанича тоже встречаются случаи сохранения этой а. п., например, есть форма Тв. п. от слова nitь: nítmi (в "Политике"); ну, вот, по-видимому, basnь так и акцентуется: Дат. падеж básni. Колеблется акцентовка слова медь, которое дается у него то mjéd, то MÄd (~~…~~ с долготой), то есть в соответствии, видимо, с действительным состоянием этой а. п. в его диалекте. В "Грамм. иск." приводится Им. п. слова нить как НИ́Т, то есть это слово сохраняет полностью акцентную парадигму, ту, которую и следовало ожидать.

Для лехитской группы, в словинском, характерно очень хорошее сохранение этой акцентной парадигмы, если даже не расширение несколько состава основ, которые в нее входят. Вот сейчас мы запишем, как мышь склоняется в словинском.

Sg. N. mãš	Pl N. mãšä
G. mãšä (рефлекс краткости)	G. mãši
D. mãši	D. mãšim (это более архаич. форма; вторично: mãšåm)
A = N	A = N
I mãšǫu̯	I mãšmi, вторично: mãšami (по a-основам)
L = D	L mãšax

Вот, видите, совершенно неподвижный тип. Какие же слова склоняются по этому типу там? — dlóun 'ладонь', mãslä 'мысли' (чаще pl), kĩcä 'нити' (тоже чаще всего во мн.), pjȅčä 'перси' (мн.).

Вот собственно и все из того, что мы можем считать

IV Кроме того, есть несколько слов, которые кажутся странными и они сохраняют (старый) акцентный тип лучше, чем другие славянские языки. А может быть, это вторичные имена: gãc 'гать', кот. во всех славянских языках дает рефлексы подвижного типа (с-х gãt). Но вполне возможно, что это (и) какой-то другой тип. Кроме того, в этом неподвижном типе совпала и а.п. (b), поэтому здесь трудно предполагать, что вот это слово будет акцентной парадигмы (b), потому что краткость показывает, краткостный рефлекс. Ну, и некоторые слова явно вторичные (перешли). Любопытно, что в тип (b) словинский показывает также рефлекс от слова ость (ost), который Свитыч в свое время тоже реконструировал как тип (b), но он не привлек словинского материала.

Вот мы рассмотрели несколько основ. Ну, в данном случае мы почти (ничего) не можем заметить разницы в акцентных кривых, потому что акцентные кривые здесь тождественны. А дальше у нас, конечно, будут сильно варьироваться акц. кривые по типам основ и по языкам. И там как раз возникают трудности. Если здесь особых трудностей в реконструкции ~~ак~~ самого движения акцента не наблюдается, то там почти каждая форма требует внимательного рассмотрения и возникает масса трудностей при установлении того, каково же было первичное ударение этой формы. Но сами акцентные кривые — а. п. (b) и а. п. (c) реконструируются с большим трудом и в некоторых формах весьма и весьма гипотетично, хотя реконструкция самой

акцентной парадигмы, общего акц. типа или класса, зо-ли, акц. типов не представляет в общем-то никаких особых затруднений. Но прежде чем перейти к этим следующим акц. парадигмам, мы должны рассмотреть одно явление штокавского диалекта, которое потом нам будет страшно мешать в реконструкции акц. типов, особенно акц. типа (b). Это вот какое явление.

Мы уже видели, что в род. п. мн. числа в штокавском появляется новый циркумфлекс. Это единственная форма, в которой новый циркумфлекс совершенно закономерно возникает и в штокавском, а не только в сло-
(?) венской и в кайкавской области. Так вот когда он находится в односложной основе, то это все (его наличие) не вызывает никаких проблем особых. Но как только мы обращаемся к формам двусложным, то здесь наблюдается в штокавском любопытное явление — это передвижка ударения с новоциркумфлектированного слога на предшествующий слог. Характерным является то, что эта передвижка происходит только в том случае, если предшествующий слог — краткий. Эта краткость предшествующего слога может быть и первичной, праславянской, а может быть и результат сокращения. Но важно то, что при долготном слоге — вторичном или каким-то образом сохранившимся, а особенно при долготных приставках (это очень часто бывает) — такой передвижки нет. Вот я приведу примеры по трем акцентным типам.

VI

восходящей краткостью, т.е. с перенесенным ударением из (< копри́ва), а Род. мн. будет: ко̏прӣва̄ (на ӣ должен быть новый циркумфлекс — ударение передвинулось). Или Им. мн. ве̏риге (можно сравнивать с русским по типу ударения), а Род. мн. будет ве̏рӣга̄ (Над ӣ появился новый циркумфлекс, как он появился — бог его знает, но впереди был слог с кратким, и ударение передвинулось на предшествующий слог. Причем это ударение не тождественно обычному краткому ударению, потому что здесь если стоит предлог, то ударение не передвигается на предлог.). То же самое происходит, и если этот слог не первичный, а вторично сокращенный: Им. мн. ма̏слина — Род. мн. ма̏слӣна̄. Это в а-основах.

То же самое явление в о-основах. Можно привести примеры: Им. је̏зик — Р. мн. је̏зӣка (обращаю внимание, что эта вот краткость явно позднейшая). То же самое: Им. п. у̏нук — Род. мн. у̏нӯка. Это с вторичными краткостями. Теперь с первичными: Им. ед. бра̏х — Р. мн. бра̄ха, (Ср. това̏р — то̀ва̄ра̄.) [В Им. ед. ударение вторичное, это новоштокавское ударение. Все ударения, помеченные одним значком ` ´, — это новые. Для того, чтобы установить первичное ударение, нужно просто подставить русское слово или передвинуть его на один слог: язы́к, вну́к и т.д. Это же ударение (в Р. мн.) — первичное, это ударение — не новоштокавское, это староштокавское ударение, это не перенесенное ударение в результате штокавской ретракции. Современное сербское (штокавское) ударение мы можем

VI совершенно механически в тех словах, когда это совпадает с русским, вывести из русского путем просто передвижки его на предшествующий слог и постановки там в зависимости от долгота предшествующего слога или значка краткости (̏), при долгом (́)].

Теперь средний род:

ко̏лено < *колё̋но (акут) ~ G pl кӧле̄на̄

ко̏рито < *koŕýto ~ G pl кӧрӣта

(мн) го̏веда < *govę̋da ~ G pl гӧве̄да̄

(мн) вла̏кала < *vlakȁla ~ G pl вла̏кала̄
(тип волокущий)

В последнем примере — вторичное сокращение.
[В а. п. ©, когда мы имеем рука́ — ру́ку (русск.), мы можем поставить предлог и в этом случае будет ударение на́ руку. (Ну, здесь я взял не кратностный корень, а можно то же самое показать на слове нога) Вот этот перенос существует и в сербском. Это очень старый перенос, он зафиксирован в древнерусских памятниках очень хорошо, в сербских — в старых грамматиках, которые описывают диалект Дубровника, этот перенос очень во многих позициях происходит — и на союз переносится, и т.д. Так вот в этом случае в сербском будет опять вот такое ударение: ру́ка — на̏ руку (ру̏ку)
— на̏ ногу (но̏гу)

Если это не акут, а циркумфлекс, если это формы

VI

(мы эти формы будем рассматривать специально), происходит вот этот перенос на предлоги, на союзы, на отрицание. Кроме этих переносов, которые праславянские, в штокавском есть какие-то другие переносы, но тоже очень ранние, которые я называю староштокавскими. К ним и относится перенос с нового циркумфлекса на предшествующий краткостный слог. Это еще староштокавский перенос, до новоштокавской ретракции ударения. А вот новоштокавская ретракция - это та, которая переместила механически все акценты на слог вперед, к началу слова, и в результате этого возникли восходящие акценты или даже двуслоговые, которые просто при сравнительном исследовании ...]

Для этого переноса в Род. мн. важно то, что он запрещен, он не происходит при предшествующей долготе: Им. бра́ница 'фрукт' < *вра̄пи̑са (с долготой) ~ В.ед. бра́нѝцӯ.

Здесь появляется следующая долгота, отмечающая место нового циркумфлекса, но ударение ́ - не перетянутое, т.е. оно перетянутое вторично, эта форма происходит, по-видимому, из вра̄пи̑са, где ̑ мы обозначаем новый циркумфлекс. Переноса не произошло, это просто механическая новоштокавская ретракция, переброска ударения. Эта машина в общем работает ~~так же~~ как будто совершенно без каких бы то ни было исключений и можно брать любые

ва́рница — G pl ва̏рнūцā
ко́кица — G pl ко́кūцā
(с вторичной долготой)

Или для основ мужского рода:

[Распространение долготы в таких образованиях — вообще как будто вещь вторичная в штокавском. Тем не менее характерен сам запрет переноса].

Им. жу́њак 'дягленок' ~ Род. мн. жу̏њāкā.
(Здесь явно распространение самого производящего).

При долготной препозиции:

за́вет — G pl за́вēтā
пре́лаз — G pl пре́лāзā 'переправа, брод'
су́срет — G pl су́срēтā

[Собственно] вот это распределение кажется очень показательным и по-видимому оно проходит во многих областях сербского словообразования и формообразования. И кажется, оно не относится непосредственно только к долготным акутированным корням, старым акутированным, хотя возникло оно по-видимому первоначально именно вот в этом типе, в типе с новым циркумфлексом. Дело в том, что такого же типа распределение мы наблюдаем, допустим, в род. падеже на -ov̄-, где ему подчиняется уже группа основ а. п. (b). Мы имеем в штокавском vȍlōvā, но délōvā.

Важен также и момент географического распределе-

VI

каких-то нисходящих долготных ударений внутри слова, возникший в какой-то, довольно поздний по-видимому, период штокавского, охватывает всю штокавскую область, посавский диалект и южночакавскую область, т.е. мы на о. Хваре обнаруживаем такие же формы, правда, там ударение колеблется: допустим, в слове besȉda род. мн. будет bȅsid, (штокавской ретракции не произошло), но имеется вариант и besȋd; divȉca – dȉvic, но есть и вариант divȋc. Ну и так далее. Можно не приводить всех примеров. Этот процесс захватил очень сильно систему этих диалектов, а вот старая система сохраняется в северочакавском (в Novi) – там никакого передвижения не наблюдается.

Что происходило с приставками, с приставочными образованиями. Я сейчас хотел тоже об этом сказать, чтоб потом уже не возвращаться, то есть возвращаться уже только к изучению словообразования. Во-первых, я хотел обратить внимание на то, что этот процесс вовсе не одинок типологически для сербохорватской диалектной области, потому что по-видимому многочисленные и самые разнообразные системы ударения кайкавские, в том числе и не только новокайкавские, но и старокайкавские системы, как показало описание бедненского диалекта, возникали в результате переноса с внутренних слогов, ставших новоциркумфлексированными. Но там этот перенос не был све-

VI

зан с наличием-отсутствием предшествующей долготы или краткости, с различием предшествующих слогов. Предварительный анализ этих явлений необходим нам прежде всего для того, чтобы в дальнейшем, когда мы перейдем к а.п. (В), мы могли увидеть, насколько шаткие были основания у Станга, когда он строил свой закон (Станга), опираясь в основном на показания акцентных кривых акц.п. (В).
Дело в том, что этот тип, который предполагает Станг: pòpě̃хъ (с бывшего циркумфлектированного), этот перенос, фактически в полном виде появляется и для краткостных, и для долготных появляется лишь в посавском диалекте – диалекте, в котором засвидетельствован как перенос на краткостной слог, так и тот перенос, который я называю законом Крижанича – перенос на долготный слог. Как только мы переходим этот район и движемся дальше в кайкавско-чакавскую область, район диалекта Крижанича и, по-видимому, многочисленных словенских диалектов, которые не совсем, правда, ясны, – там мы не встречаем вот этого переноса (на краткостный слог), там существует другой перенос – перенос на долготный предшествующий слог нового долгого конечного, то есть там нет pòpě̃хъ. У Крижанича будет popêch, но, допустим, dêlich. Вот такое распределение. И это распределение следует реконструировать, по-видимому для диалекта Novi. Там все это довольно сильно смешалось, но именно для него придется

VI мательно рассматривать при рассмотрении
а. п. (в). А теперь я хочу обратить внимание только на этот момент.

Я думаю, что этот тип переноса, который для Род. мн. характерен, и породил то сильное различие, которое наблюдается между штокавскими приставочными отглагольными именами и приставочными именами других славянских языков. Я думаю, что первоначальное распределение – следующее:

шток. ~~до~~ dȍsada – рус. доса́да
ȍbrana — оборо́на
ȍgrada — огоро́да (диал.)
словен. ogrȃda (с новым цирк.)
ȍdluka — рус. отлу́ка
слов. odlǫ̑ka
ȍdmjena — рус. отме́на
словен. odmẽna
pȍzlata — рус. позоло́та
слов. pozlȃta

Это случаи с краткостной приставкой.

А при долготных приставках, сохраняющих долготу приставках, такого переноса не происходит. Я только подчеркиваю, что эту группу фактов я считаю первичной. Но в современном языке очень сильно все изменилось и там может происходить перенос, но в этом случае приставка долготная переходит в краткостный тип, получает краткостное ударение:

шт. návada — рус. нава́да, слов. navȃda
(перенесенное вторично)

náuka — рус. наўка
názeba — словен. nazę̄ba.
prijèvara — слов. prevāra
rázlika — рус. разлика
слов. razlīka
zábava — рус. забава
слов. zabāva
zápara — рус. запара, слов. zapāra

VI 9. IV. 74. 7 лекция (1)

Перейдем к а. п. (в).

Реконструкция самой а. п. в общем-то не представляет больших затруднений, но когда мы переходим к акцентным кривым этой а. п., то здесь ~~решения~~ возможны несколько решений, и мнение здесь не сходится у различных исследователей. Надо сказать, что часто даже в русле единой концепции можно предложить только какие-то альтернативы.

А. п. (в) по-видимому возникла из неподвижной а. п. баритонированной посредством переноса ударения с краткостного или циркумфлектированного балтославянского слога на следующий слог. Можно предполагать, что какое-нибудь žená первоначально было с ударением на корне: žéna, а затем происходит процесс, который я называю законом Иллича-Свитыча; Эбелинг и представители его школы называют законом Дыбо. Этот закон был обоснован посредством внешнего сравнения с балтийским и другими индоевропейскими Илличем-Свитычем, поэтому, хотя предположение о его существовании было выдвинуто мной несколько раньше, он все-таки должен, по моему мнению, называться его именем, поскольку законы такого рода должны, по-моему, называться именем того исследователя, который доказал строго его существование, а не того, кто выдвинул предположение о ~~его~~ наличии этого процесса. Сам характер этого процесса не очень ясен.

VII

Вполне возможно, что это продолжение того процесса, который был, мы наблюдаем, в литовском — это изменение интонации циркумфлекса в восходящую интонацию, а потом дальнейший переброс ударения на следующий слог: $\grave{-}\,-\to-\,\acute{-}$.

Возможно, что это какое-то продолжение — или типологические, или процессов типа языкового союза, которые происходит в языковом союзе, процесса, по которому циркумфлексная интонация, которая была нисходящей первоначально, переходит в восходящую, а затем перебрасывается на следующий слог. То, что такой процесс происходил, мог во всяком случае происходить в славянском, — этому не противоречит наличие славянского циркумфлекса, так как славянский циркумфлекс засвидетельствован лишь в формах подвижной а.п., а именно — в формах энклиномена, и в сущности сравнение его с балтийским циркумфлексом не является корректным. Дело в том, что балтийский циркумфлекс не связан непосредственно с формами энклиномена, с баритонированными формами подвижной а.п. Он наблюдается как в подвижной, так и в неподвижной а.п. Славянский циркумфлекс, напротив, оказывается не связанным со старым балтийским циркумфлексом, потому что он наблюдается в формах энклиномена, допустим в форме *zi̍tǫ*, в баритонированной форме подвижной а.п. как основ, которые восходят к циркумфлексированным

VII старым акутированным основам, ну, например, *gôlvà*, где мы наблюдаем в славянском циркумфлекс, в то время, как в литовском соответствии здесь наблюдается акут. Это известное правило Мейе, ~~пох~~ по которому все имена подвижного типа со старым балтославянским акутом получают в славянском циркумфлекс. Это правило часто рассматривалось как результат аналогии подвижного акутированного типа типу циркумфлексированному подвижному. Но если мы внимательно рассмотрим всю массу славянских имен с циркумфлексом, то мы обнаружим, что такое количество имен, в которых мы должны реконструировать акут, исходя из теории происхождения балтославянских интонаций, предложенной де Соссюром, то окажется, что в общем-то такая аналогия <u>очень</u> странная, потому что огромное количество имен (не меньше сотни), где мы должны будем реконструировать или долгий монофтонг, или старый дифтонг с шва-индогерманикум, или ларингалом, кто хочет говорить в этих терминах, в славянском относятся к подвижной парадигме и имеют циркумфлекс. Поэтому я бы предложил считать, что в славянском в подвижной а.п. вообще в баритонированных формах исчезало и исчезло полностью противопоставление между балтославянским циркумфлексом и акутом, а та славянская интонация, которая называется славянским циркумфлексом, является в сущности неким фонетическим аналогом безударности данной словоформы. Которая (интонация) появле-

ется лишь в ~~формах~~ случаях постановки этой формы в сильную позицию, т.е. в позицию между двумя паузами, и когда словоформа совпадает полностью с тактовой группой в праславянской фразовой системе. В тех случаях, когда тактовая группа более широкого вида получается, то циркумфлексового ударения здесь просто не существует, а происходит перенос ударения на предлог или же на энклитику:

zĭmǫ – (собственное ударение), но

ná zimǫ или zimǫ žé.

Это свойство подвижной а.п. переноса ударения или на предлог, или на энклитику является, по-видимому, очень древним свойством. Оно отражается в целом ряде явлений балтийского праязыка, собственно – в литовском, правда, в значительно редуцированном объеме, и, может быть, является индоевропейским явлением. Во всяком случае каждый шаг в исследовании индоевропейского ударения приводит нас к выводу, ~~что~~ или ~~во всяком случае~~, если не приводит к решающим выводам, то накапливает факты, подтверждающие вот такую характеристику данных форм. А если это явление очень старое, то циркумфлекс, который возник здесь, – это явление, совершенно не связанное с балтийским циркумфлексом, с литовским циркумфлексом. Что касается самого славянского циркумфлекса, то он естественным образом не мог сохраниться вот в таких формах (žena), потому что ударение в этих случаях переходило на следующий

VII (5)

циркумфлекса, устойчивые, сохранившиеся на том месте, где они были в балтославянском, — это формы конечные, формы окончаний, допустим, родит. падежа. Но как раз в родительном падеже в южнославянских языках мы обнаруживаем на данном месте не [~~восходящую~~ нисходящую] интонацию типа славянского циркумфлекса, а восходящую интонацию — новый акут. Отсюда напрашивается вывод, что и в конечных позициях происходило перерождение славянской нисходящей интонации в восходящую (–ẽ | ~ → ´), но перебрасываться здесь ей на следующий слог было просто невозможно, потому что это позиция конечная, и следы балтославянского циркумфлекса здесь сохранились в виде восходящей интонации новоакутированного типа. Но эта теория (в таком виде она кажется очень простой и ясной), она как раз приводит к очень многим затруднениям в характеристике характера ударений конечного и второго [от конца] слога в а.п. (в). Если мы возьмем, допустим, род. падеж с нашей реконструкцией долготы.

~~–ẽ | ` → ´~~ žený,

то в данной форме мы все-таки не в состоянии с какой-то степенью надежности судить о характере ударения. Если ударение в типе bitý мы можем восстановить как восходящее, то вывод о восходящем характере этого ударения не может механически быть перенесен на а.п. (в), потому что в данном случае мы имеем [имеем по характеру восх. уд.]

(?) по происхождению

перенесенное ударение на следующий слог. Поэтому уже на данной стадии реконструкции, зная место ударения,

мы все-таки не можем характеризовать его характер, хотя даже то, что факты южнославянских языков и предлагают нам в этом типе вот такую реконструкцию, но это явление может быть вторичным, под влиянием

(?) вот этих вот (io-ов.) основ. Потому что вообще-то говоря, вполне возможно при таком переносе, что данная форма получала не восходящее ударение, а какой-то тип нисходящего ударения. Дальше, когда мы будем анализировать некоторые другие формы, мы встретимся с такими рефлексами, которые нам будто бы косвенным образом подтверждают мысль о том, что ударение, перенесенное такого типа (перенесенное с первичного ≠ слога, несшего на себе или краткостное или циркумфлексированное ударение), имеет (или имело) существенно иной характер, чем ударение в этой, в подвижной а.п. Такие случаи, как будто бы подтверждающие это, обнаруживаются в удлиненных формах краткостных окончаний, например, в бедлянском говоре если на окончании -ŏ́V подвижной а.п. (Род. мн.) мы имеем рефлекс нового акута, то в формах от а.п. (в) мы имеем здесь нисходящее ударение (ȍV). Может быть, этим объясняется словенский тип на -ọ̏ta, который не может восходить к перенесенному ударению. Но эти два факта все-таки остаются не очень ясными, потому что здесь может аналогия форм с новым циркумфлексом.

Поэтому при реконструкции я во всех таких случаях интонации не ясна, или я думаю, что неясны, я буду ставить просто вертикальный штрих |.

VII Я предлагаю следующую реконструкцию.

Имена ж. рода на -а.

Ед.		Мн.		Дв.	
И.	žená	И.	žený	И-В	ženě́
Р.	žený	Р.	žènъ ②	Род-М	ženú
Д.	ženě́	Д.	ženámъ	Д-Тв	ženáma
В.	ženǫ́	В.	žený		
Тв.	ženьjǫ	Тв.	ženámi		
М.	ženě́	М.	o ženáхъ		
Зв.	žèno ①				

① Вокатив вопреки закону переноса ударения имеет ударение на корне. Так показывают все славянские языки и памятники. Надо сказать, что вполне возможно, эта форма была формой энклиномена. Во всяком случае в среднеболгарских памятниках, когда зв. форма снабжена ѿ, то она оформляется вот таким способом ѿ ___, т.е. ѿ стоит с ударением, а форма сама не акцентована.

② Здесь по-видимому все-таки новый акут краткости, результат обратного передвижения с ера.

о-основы м. рода

Ед.		Мн.		Дв.	
И.	dvòrъ (новый акут краткости)	И.	dvorí	И.-В.	dvora
Р.	dvorá	Р.	dvòrъ	Р-М.	dvorú
Д.	dvorú	Д.	dvorómъ	Д-Тв.	* dvoróma (нет хорошего материала для реконструкции этой формы)
В.	dvòrъ	В.	dvorý		
Тв.	dvorómь	Тв.	dvorý (с ȳ долгим)		
М.	dvorě́	М.	dvorě́хъ (ять долгий)		

Нет надежных свидетельств о [illegible]

VII

о-основы среднего рода.

Ед.	Мн.	Дв.
И. seló	И. selā̆ (?) (1)	И-В selě
Р. selá	Р. sèlъ (новый акут)	Р-М selú
Д. selú	Д. selómъ	Д-Тв selóma
В. seló	В. selā̆ (с той же альтернативой)	
Тв. selómь	Тв. selý (с ӯ долгим)	
М. selě́	М. selě́хъ (с ять долгим)	

(1) Мы не знаем, что здесь реконструировать — а долгое или краткое. Есть основание и для той и для другой реконструкции.

Для i-основ хорошо зафиксированный, хороший материал имеется только для акцентной характеристики слова путь и слова двери, но двери — всегда во мн. числе. Потому я выбираю путь и предлагаю следующую реконструкцию:

Ед.	Мн.	Дв.
И. pǫ̑tь (новый акут долгот)	И. (pǫtíje) dvьrí (2)	
Р. pǫtí (не ясен характер — краткость или долг.)	Р. pǫtьjь	И-В pǫtí
Д. pǫtí	Д. potьmъ (3)	Р-М pǫtьjū
В. pǫ̑tь	В. pǫtí	Д-Тв pǫ́tьma
Тв. pǫtьmь (1)	Тв. pǫ́tьmi (с новым акутом)	
М. pǫtí	М. pǫtьхъ (4)	

(1) Здесь над ь, видимо сохранилось ударение, ибо ь был в сильной позиции. В то же время женский род в Тв. был по-видимому (можно предположить, но нет почти никаких материалов) *dvьrьjǫ — здесь уже в слабой позиции, мог отходить и

VII

(2) Такая форма в памятниках отсутствует.

(3) Сохраняется ударение на эре.

(4) Форма местного падежа по теории должна быть такой pǫ́tьxъ, но то, что есть в памятниках, отклоняется от этого положения и дает — Возможность предполагать такую реконструкцию pǫtь́xъ. Вообщем это не совсем понятно, потому что это все-таки сильная позиция. Но, может быть, и есть какие-то основания.

Хуже всего обстоит дело с реконструкцией u-основ а. п. (в). Но и здесь можно ~~предположить~~ предложить более или менее убедительное построение акц. кривой. Возьмем vòlъ.

Ед. И. vòlъ (с новым акутом)	Мн. И. volóve	Дв. И.-В. - volý
Р. volū́ (u-долгое)	Р. volóvъ	Р-М volóvū
Д. volóvi	Д. volъ́mъ	Д-Тв. vòlъma
В. vòlъ	В. volý	
Тв. volъ́mь	Тв. vòlъmi	
М. volū́ (1)	М. * volъ́xъ (2)	

(1) Здесь мы почти точно знаем, что это и было долгим.

(2) Меньше всего зафиксированная форма. Можно предполагать, что vовъ́xъ, с этой. Но может быть и как pǫtь: * vòlъxъ.

Вот собственно предлагаемая реконструкция какого-то состояния, но я не уверен, что все формы, которые я предлагаю относятся к одному и тому же хрон. срезу.

Дело в том, что с самого начала здесь наблюдается целый

ряд расхождений в реконструкции акцентных кривых.

Во-первых, в парадигме <u>а-основ.</u> очень тяжелой проблемой является возникновение современного русского ударения этих основ: жена́, жены́, жене́, жену́, женой, о жене, но множественное жёны, жён, жёнам, жёнами, о жёнах. Это распадение на две полупарадигмы данной парадигмы является в общем-то до сих пор нерешенной проблемой русской исторической акцентологии. Уже в Чудовском Новом Завете, т.е. наиболее древнем памятнике, мы наблюдаем по крайней мере одну форму вот такого перехода, правда, лишь один пример: <u>слу́ги</u>. Пример о́вци, имеющийся там, он является в общем-то инородным для текста этого памятника, так как встречается в пословице, включенной в текст самого памятника или писцом, или переводчиком, и явно ритмического характера: <u>не аки волъци а аки овци</u>. Собственно, из народного языка этот пример включен, но это не свидетельствует о широком распространении этого типа в этом слове уже потому, что скорее всего это слово относилось не к а.п. (b), а к а.п. (c), подвижной, где такое ударение было нормальным. Правда, это слово в самом тексте памятника идет строго по парадигме (b), но это явление уже вторичное. Так что это скорее пример а.п. (c), а пример <u>слу́ги</u> все-таки говорит о том, что уже в данный период возникает тенденция, которая приводит к современному состоянию. То, что современное состояние вторично — это не вызывает больших сомнений. Но — из какого прасостояния оно развилось? И здесь предлагается альтернатива нашей реконструкции, по

которой первичным общеславянским, праславянским состоянием для данной группы основ — состояние некой <u>полуподвижной</u> парадигмой, которая во мн. числе будет не жени́ – жена́, а žény, žénъ, ženámъ, žény, ženámi, ženáхъ. Такая реконструкция в последнее время была предложена и развита в работе Скляренко. Он исследовал украинские памятники 16 - 17 вв и ~~по~~ показал вот такой характер акц. парадигмы этого времени. Он считает, что та реконструкция, которая предложена мною перед этим, — с полностью конечным ударением, является результатом некоторого мнимого сопоположения двух групп фактов, развившихся в результате разных условий. Это, во-первых, сербское ударение, где обобщение конечного ударения в форме Им-Вин мн.(?) связано с отсутствием противоположения родительному падежу ед. числа, потому что в Род. возникло долготное окончание и собственно эти формы (форма žéne Им. мн. и форма ženḗ Род. ед. в праштокавском) — собственно это противопоставление было уже избыточным, так как форма Род. п. отличалась от Им-мн-Вин уже долготой окончания, и противопоставление ударения здесь было не нужно, а аналогия всех остальных форм приводила к тому, что форма И-В подчинилась остальным основам. В сербском это противоположение было ликвидировано в результате избыточности самого противопоставления и давления остальных основ, а в древнерусском данное ударение является по-видимому чисто искусственным что ли, церковнославянским по происхождению не

VII имевшим основания в живом языке. Тут-то возникает вопрос — что же такое церковнославянское ударение? Оно не является болгарским, древнеболгарским, потому что, как мы увидим, ударение в памятниках того же периода среднеболгарских совсем иное. А свою реконструкцию он строит на основании памятников украинских и сопоставляет их с известной русской тенденцией, которая возникает в этот период и проявляется довольно хорошо в памятниках 16-17 вв, когда такие формы проникают довольно интенсивно в русский язык. И, наконец, он указывает на ударение мн. числа этих основ в болгарском языке. Надо сказать, что среднеболгарские памятники в общем-то поддерживают ссылку на болгарский язык. Среднеболгарское ударение этих форм значительно ближе к современному болгарскому (русск.), чем древнерусское — к современному русскому.

Эта альтернатива все-таки имеет один серьезный недостаток — это то, что ударение Им-Вин падежа все-таки не понятно с т. зр. общей теории*. И непонятен характер инновации в данном случае. По-видимому, она должна быть типа нового акута, потому что никакого переноса на предлоги в памятниках в этих не наблюдается, во всяком случае он крайне редок. А тогда мы должны предполагать какую-то раннеславянскую ретракцию ударения, условия которой остаются все-таки неясными. Но полностью отказываться от возможности рассмотрения такой реконструкции, я думаю, не следует, потому что

VII

того рода отступления, т.е. встречаются тексты, в которых Род. ед. в этой группе основ тоже получает ударение на конце: žéпу. Так что возможности каких-то типов очень ранней ретракции мы должны учитывать.

Теперь о второй, более сложной группе проблем, связанной с реконструкцией в а. п. имен на -о.

В свое время Стангом была предложена несколько иная реконструкция этих имен. Для основ на -о м. рода отличие, которое предполагал Станг, наблюдалось бы лишь в Местном п. мн. числа. Он предполагает не dvoŕěxъ, а dvȍrěxъ. Это предположение строится на основании выдвинутого им закона (закон Станга). Закон этот заключается в том, что ударение с внутренних и конечных (по-видимому) долгих циркумфлексированных слогов переносилось на предшествующий слог, при этом на предшествующем слоге возникала новоакутовая интонация: dvȍrěxъ < *dvorȇxъ. Это предположение строится на том основании, что в памятниках ~~16 века~~, 16-17 вв. древнерусских, наблюдается варьирование форм: дворѣ́хъ и дво́рѣхъ, холмѣ́хъ и хо́лмѣхъ и т.д. Причем это варьирование чисто лексическое. Это вещь не очень изученная и непонятно, с чем его соотнести — фонетическое это явление или это явление - влияние каких-то болгарских текстов. Это первая группа фактов, на которые опирается Станг. Вторая группа фактов - это диалект Novi, северо-чакавский диалект, где тоже наблюдается это ударение: dvȍrih.

VII Станг, однако, не учитывает того факта, что там, (14)
в этом диалекте такое ударение — тоже лишь вариант
и так же часто встречается и другое ударение dvor'h
с новым акутом. Причем, как мы потом подробно
рассмотрим это ударение, можно видеть, что здесь
действовала очень сильно аналогия. Вот собственно
эти факты и можно было бы привлечь с бо́льшим
основанием факты посавского диалекта, где ~~эт~~ такие
формы регулярны — это все факты, которые приво-
дятся Стангом для реконструкции этой акцентной
кривой. Надо сказать, что эта теория в таком виде
выглядит менее обоснованной, чем если ее рассматривать
с т. зр. всей концепции Станга. Дело в том, что если
в этих основах данный закон кажется несколько привешен-
ным, то при реконструкции системы ударения глагола
он оказывается все же необходимым, во всяком случае
альтернативы ему (я) для непроизводных основ глагола дать
не могу; в производных же действует совсем другое
правило. ~~Зат~~ Между законом Станга и законом Крижа-
нича получается какой-то принцип дополнительности; иногда
удобно (~~пользуются~~) пользоваться тем, а иногда — другим законом.
Может быть, этот принцип дополнительности действовал
и в самом языке.

Если принимать действие закона Станга, то,
может быть, следует изменить реконструкцию данной
акцентной кривой и в других формах. Так, например,
Instrum. dvorȳ. Мы знаем, что здесь долгота. Если

VII

на этой долготе был циркумфлекс, то мы вынуждены (15)
будем тогда ~~ряд~~ реконструировать первоначальное, т.е. общеславянское состояние в Тв. мн. так: <u>dvòrȳ</u>. Аналогично в генитиве дв. числа: <u>dvorū̂</u> > <u>dvòrū</u>. Естественно, что тогда нужно будет перестроить и реконструкцию генитива ед. ч. a-основ: <u>žèny</u>. Такая форма встречается в памятниках, но она не очень хорошо распределена. И Род.-М дв. мы должны будем вот так реконструировать: <u>žènū</u>, т.е. по тому же самому принципу оттяжки ударения. Это очень сильно должно изменить реконструкцию o-основ ср рода, где во мн. числе мы должны будем предположить: И-В <u>sèlā</u>, если мы предполагаем долгое a и при условии, что мы предполагаем балто-сл. циркумфлекс на конце; Тв. <u>sèlȳ</u>, М. <u>sèlěxъ</u> и Р-М дв. <u>sèlū</u>. i-основы, вероятно, не очень подвергаются этой закономерности, если только генитив ед. не долгий, а в u-основах мы должны будем предположить генитив ед. <u>vòlū</u>, локатив. <u>vòlū</u>

Вот так изменяется реконструкция, если мы принимаем закон Станга. [Возникает вопрос – что показывают тексты? Тексты в большинстве случаев ничего не показывают – очень все выровнено. Можно предположить, что произошло выравнивание в ряде случаев.]

Теперь та альтернатива Стангу, которую я предлагаю. Это закон Крижанича.

Я думаю, что очень рано, скорее всего в праславянском, хотя факты очень расколоты, разбиты и не очень

VII по которому какое-то ударение с внутреннего и (16)

конечного долгого (скорее всего это ударение — циркумфлексовое, нисходящее) переносилось на предшествующий долгий. "Почему я говорю — скорее всего циркумфлексовое, нисходящее ударение?" Уже потому, что при конечном новом акуте или при последующем новом акуте очень рано в праславянском начинает действовать тенденция — а может быть, даже это был закон, — сокращения предшествующей долготы. В свое время я пытался показать, что согласуются факты верхнелужицкого языка в старых памятниках и вот факты ~~южнославянских~~ южных сербохорватских диалектов. Когда стоит новый акут, то предшествующая долгота сокращается и какой-нибудь zqvéхъ с новым акутом — вот здесь уже очень рано, я думаю в праславянский период ~~это~~ не было долготы, а была краткость, т.е. старая долгота сократилась. В то время как в а. п. (b) мы наблюдаем сохранение этой долготы, но происходит устранение вот этого типа отношений — ˉ (долгота и следующая долгота с ударением), т. е. мы имеем, например, вместо grēsě́хъ (это а. п. (b)) такое ударение! → grḗsěхъ. Но при этом в этот период сохраняется форма другого типа: dvorě́хъ (с кратким предшествующим). Вот такое распределение — это то, что надежно прослеживается по всей хорватской области и словенско-кайкавской области, а также в старых текстах, в текстах Крижанича. Как мы увидим потом, ...

Если такое состояние было в какой-то период, то получилось, что а. п. (b) у ряда основ раскололась на два подтипа в зависимости от долготы или краткости (от количества) предшествующего гласного.

VII Такой раскол акцентной парадигмы мы наблюдаем в разной степени в различных языках и памятниках. По основам ср. рода он наблюдается в средне-болгарских текстах, правда, прослеживается только в Им-Вин мн. числа. Какие-то следы этого раскола, по видимому, наблюдаются в древнерусских и в среднерусских памятниках, и, может быть, вот эти колебания типа дво́рѣхъ – дворѣ́хъ в древнерусском вызваны наличием (2-х вариантов) и дальнейшей аналогией этих двух вариантов.

Почему все же я не думаю, что это явление в диалекте Крижанича и во всех хорватских диалектах – какое-то новое явление, уже возникшее в поздний период? Дело в том, что эта закономерность в диалекте, в текстах Крижанича настолько пронизывает всю структуру языка, что без ее учета как-то кажется трудным объяснение очень многих соотношений в этой системе. Какие это соотношения? – Дело в том, что такого рода распределение там проходит по всем системам. Ну, допустим, глагол. В отыменных глаголах на -i, образованных от основ а.п. (b), мы наблюдаем очень характерное распределение: слу̂жиши, но пости̂ши (по́стъ – постá). Это есть то же самое распределение. Ну, может быть, это вторичное давление системы, но мы можем посмотреть другое распределение: допустим, в причастиях на -ан, от писа́ть будет пи̂санъ, но скреса̂нъ. (от кресáть – с краткостью). Все эти явления в глаголе и в причастиях, очень хорошо распределяемые по закону Крижанича в его

диалекте, они имеют очень сильный отклик, или можно говорить о точном сопоставлении как с древнерусским, так и со среднеболгарским материалом, где мы наблюдаем аналогичные явления. И для одной, и для другой группы основ в древнерусском (допустим, в Чудовском Н.З.) мы должны предполагать такого же типа распределение. И по-видимому такого рода распределение мы наблюдаем в целом ряде языков. И тогда мы приходим к такому выводу: или мы будем объяснять все единообразно при помощи одного этого процесса (а распределение совершенно тождественно и в тех, и в других формах), или же мы должны будем каждый раз искать какие-то другие объяснения совершенно одинаковых явлений в системе языка. Удобнее все-таки, мне кажется, здесь ~~по~~ опираться вот на эту закономерность; во всяком случае она дает массу преимуществ при классификации акцентных систем. То есть мы сразу можем сказать, что древнерусская, сербохорватская и хорватская система Крижанича относилась к типу, где прослеживается закон Крижанича, в то время как среднеболгарская восточного типа провела ряд инноваций по сравнению с ней, т.е. там вот этот тип (постйнни) перешел уже в тип с ударением на корне. Аналогично ведут себя некоторые другие сербские диалекты. Вот такие вот внешние, не относящиеся непосредственно к самой акцентной системе имен соображения заставляют строить реконструкцию на основании закона Крижанича, на основании такого

VII процесса, который как будто бы во всяком случае (19)
начал действовать очень рано. А в этом случае нужно будет, значит, предполагать различные формы для долготных и краткостных случаев.

VIII. 16. IV. 74. 8 лекция

Понять, что такое закон Крижанича, можно по материалам его работ. Я сразу приведу выборку некоторых материалов. Мы остановились там на Мест. п. мн. ч. м. рода. Его распределение очень характерно. Допустим, мы берем b a.п.: возьмем долгосложные основы — в этом столбике и краткосложные. Для сравнения приведем формы a.п. c.

	b a.п.		c a.п.
	Долгосложн.	Краткосложн.	
Им. мн.	Крāли (1) (=Крāлӣ) — Крâльех	na dwořêch	дрȣги — дрȣгêх
		topoří	
	трȣди (2) — trûdech (3)	pri topořêch	сӣни — синêх
	пȣти — пȣ̂тех (4)	коньӣ konyêch	Lêsi — лисêх
	woiaki (5) — woiâkech (5)	свидокӣ свидокêх	мȣ̂жи — мȣжêх
	klobuki — klobûkech		
	хервāтӣ (6) — Cherwâtech (7)	w' žiwotêch (Dat. žiwotū)	wȷ̂ki — викêх
			гла̀си — гласêх

~~КИОН~~

(1) Долгота в памятниках Крижанича — только предударная. Эта форма может быть написана в книгах и другим способом: Крāли́ с акутом или Крāлѝ с грависом. Обе формы — из "Грам. иск."

(2) Тоже может встречаться и с акутом, и с грависом.

(3) Форма из "Политики". ~~тоже~~

(4) Перестроенные формы.

(5) Формы тоже из "Политики": пишется акут и обычно не обозначается долгота.

Особенность этого переноса – то, что он кажется довольно молодым, потому что аналогичным же передвижениям ударения подвергаются и слова, в которых был редуцированный после долготы:

свѣтци ("Полем. соч.")

– М. мн. свѣ̂тцех

Им. ед. почàто́к –

М. мн. почâткѣх

~~Это очень легко сравнить со словами краткосложного типа~~:

Аналогично, как и в первой группе (долгосложных), здесь присутствуют имена с редуцированным:

концù – концѣ̂х

послù – poslêch

донцú – doncêch

Характерно, что это различие, это распределение проходит только в а.п. (b). Оно совершенно не характерно для а.п. (c) в этой группе. (См. табл.)

Для всех этих примеров характерно, что они долгосложны первоначально, тем не менее в них закон Крижанича не действует. Чем это объяснялось?

– Характерно, что в этих случаях никогда не пишется знак долготы, следовательно, гласный в этой а.п. был в безударном положении сокращенным и рассматривался как краткий. Чем это объясняется? – По-видимому, правилом устранения долготы перед новым акутом. В этом случае очень рано, по-видимому, даже

VIII

на праславянском уровне долгота, предшествующая ему (новому акуту) сокращалась. Можно привести еще ряд примеров в тех формах, в которых это действие закона могло протекать очень рано, рассмотрим, а потом перейдем к новым формам, вторичным. Дело в том, что само это правило распределения кажется очень противоречивым: с одной стороны, оно охватывает явно новые образования, с другой стороны, оно проникает в такие элементы структуры диалекта Крижанича и согласуется в них с аналогичными распределениями в других славянских языках. Такая особенность этой закономерности приводит к выводу, что закон начал действовать довольно рано, но он продолжал существовать как живое синхронное правило на всем протяжении развития данного диалекта и вообще на всем протяжении развития хорватских диалектов до 17 в. Или, может быть, он прекратил свое действие несколько раньше, но распределение осталось функционировать и было таким живым синхронным правилом языка.

Сейчас мы рассмотрим целый ряд других падежей и увидим, как там это развивается.

Тв. мн. м. рода

Я привожу сначала те случаи, которые включают явно старые образования.

И. мн. кральи́ — Тв. мн. кра̑льи

мн. вȣ̆гри́ — Тв. вȣ̑гри, т. е. совсем не то, что у нас в реконструкции.

ја̑рми — Тв. ја̑рми

Из суффиксальных образований:

Нӣмци Тв. Нӣмци

Клāнци тв. Клâнци

Јāрки тв. јâрки

Вот вам примеры тв. п. для краткосложн. основ:

Им. Орлӣ	тв. Орлȋ		Здесь долгое ударение в тв. п.
Послӣ	Тв. Послȋ		
Отцӣ	Отцȋ		
Овнӣ	Овнȋ		
Огньӣ	Огньȋ		
Концӣ	Концȋ		
Новцӣ	Новцȋ		

По-видимому единственно отмеченный [пример] единственная форма тв. п. такого типа от а. п. (с) является бывшая долгосложная [основа] зубȋ тв. мн., как видите, здесь переноса не происходит. (Им. зу̑би).

Вот в этом случае, который я сейчас приведу, — в тв. мн. м. р. на -i- это распределение должно быть вторичным, явно вторичным, потому что в а. п. (b) как будто бы в тв. ударение должно быть всегда на корне, независимо от того — краткосложные или долгосложные основы были. По реконструкции там получалось dvèrьmi < dverь̀mi (ударение, стоявшее на ь, должно переходить на предшествующий слог) Вот такая должна быть картина.

И такое ударение показывает Чудовский новый

Завет, болгарские памятники и сербские.

В диалекте Крижанича, в рукописях его, мы имеем совсем другую картину. Мы имеем, действительно,

Долгосложные			Краткосложные		
Им.	грѣхи	Тв. грѣ̂хми	Им.	воли́	Тв. волмѝ
	кльу̂чи	кльу̂чми		коньѝ	коньмѝ
	пу̂ти	пу̂тми		левѝ 'львы'	левмѝ
	кра̂льи	кра̂льми		топорѝ	топормѝ
					skotmì [1]
				'мечь'	Mecatì [2].
				Постолѝ	постолмѝ
				свидокѝ	свидокмѝ

И вот как будто бы от [первоначально краткосложного] слова как раз двор (Им. мн. дво̂ри) будет исключение дво̂рми. Но это исключение объясняется тем, что в диалекте Крижанича, как, впрочем, и в других с.-х. диалектах, это слово идет с удлиненной основой (дво̂ри), т. е. оно точно подчиняется этому закону.

Следовательно, в этой колонке [краткосложных основ] ударение совпадает с тем ударением, которое собственно было первичным в а. п. ⓒ:

Им. гра̂ди Тв. градмѝ
кнє̂зи кнезмѝ
му̂жи мужмѝ и т. д.

[Т. е. акцентные формы краткосложных основ ⓑ а. п. вторичны, это новые формы].

---

[1] В „Политике" [Крижанича]. Явно парадигма ⓑ

[2] Нет у меня в материале Им. мн.

VIII

Вот вам другие новые формы

Род. мн. на =ov= o=основ:

Долгосложные

Род. Гр̂ихов (Им. Гр̄ихи)

Кра̂льев (Кра̄льи)

Аво̂ров (я уже приводил эту форму с удлинённым =o=)

Блу̂дов (Род.ед. Блӯда́)

тру̂дов

паст̂иров (паст̄ири)

господа̂ров (господа̄ри)

Таких форм можно дать очень много. Не буду приводить их все, для примера какой-нибудь многосложный:

В то время как в кратносложных (B) а.п. ударение идет своим чередом — на окончании:

воло̂в (воли̏ — были)

лево̂в (леви̏ — были)

коньѐв

палошѐв (Им.мн. палоши̏)

тесе̂в

toporôw

Можно привести еще массу примеров, и могу заверить, что закон действует без исключений. В то же время как а.п. (C) в первично долгосложных будет иметь ударение на окончании.

влако̂в (вла̄ци)

знако̂в (зна̄ки)

сино̂в (форма, где это ударение явно первично)

(Им. мн. си̂ни – вторично морфологически: это =u= основа)

Ну, тоже можно привести массу примеров такого рода, и везде мы будем иметь одинаковое состояние ударения так при долготном, так и в краткостном.

Круг форм муж. рода основ на =o= (и частично здесь на =u= представлено) [не ограничивается только] муж. родом. То же самое относится и к сред. роду. Вот Местн. [мн.] ср. рода:

Долгосложные	Но! Краткосложные
ли̂цех (лӣце́)	сели̂х selêch
чи̂слех (чӣсло́)	plecêch
mîtech (*mytó)	
пи̂смех	
sûknech	

В Им.-Вин. [мн. ч.] сред. рода.

Вот здесь мы встречаемся с очень странным таким явлением, которое может свидетельствовать уже о том, что закон Крижанича не был уже фонетическим, а скорее (во) морфологическим таким законом.

Ну, вот, рассмотрим теперь формы долгосложные:

Долгосложные	Но! Краткосложные
чи̂сла	беда̀
kríla	stekla̋
ли̂ца	pleča̋
mîta	pera̋

мы ждали бы тут [в краткосложных] долготу, долготное ударение, и тогда это распределение совершенно понятно. Но мы имеем у Крижанича это окончание краткостное (все заударные долготы у Крижанича сократились, следовательно, оно краткое автоматически, но и здесь [во П. ступени] оно краткое). Хотя все распределения, которые мы сейчас..... [перебили вопросами]

Аналогично дв. ч.

Им. дв. лица̀ [долгосложные]
крила̀

Больше форм в текстах я не нашел.

Но [краткосложные]
сели̏
плещи̏
бедри̏

Ну, здесь мы встречаемся с тем же, что и во мн. ч., но в данном случае мы можем уже точно сказать, что здесь, по-видимому, распределение [в краткосложных] прошло уже чисто морфологическое, потому что это окончание было краткосложным с точки зрения позднего общеславянского и в данном случае перетяжка фонетическая уже действовать никоим образом не могла.

Это наиболее характерные примеры для имени, но данное распределение всё-таки достаточно широко распространялось и за пределы этой группы имен. Хотя там примеров просто меньше, потому что меньше позиций было. Вот любопытной позицией является Род. мн. ч. жен. рода с проясневшимся или вторичным ъ. Здесь мы тоже наблюдаем это распределение, но

VIII оно явно должно быть морфонологическое.

Долгосложные

Род. мн. лâдај 'ладей' (Им. лâдја)

ŷстен (или ŷстан – написано без ударения).

зâнак

Всё это еровые позиции или даже позиции явно вторичные.

Тогда когда краткосложные будет

Род. мн. петâль (петльà)

сестâр (сестрà)[1]

слyжâб (слyжбà) – не отмечена долгота, без долготы, т. к. подвижный тип, просто сокращённый тип.

dasôk

bojên

Это распределение явно морфонологическое и должно было возникнуть уже как результат развития системы.

Это распределение, с одной стороны, как будто и очень новое и в то же время затрагивающее довольно старые образования, оно встречается в виде реликтов и в других формациях и диалектах. Можем хотя бы.... (вопрос Дардена)*. [взять] южночакавский (о. Хвар). Здесь такое распределение очень хорошо проходит [Уф. кн. XIV] в Родит. мн. о-основ. Там мы имеем:

---

1 [9/8] [ответ на вопрос] Сестра, допустим. Здесь ъ не было, вторично возникает и устанавливается [redacted] механически уже ударение на а... Мы видим, что вторичный долготный, возникший даже из ъ в закрытом слоге гласный, передает ударение на предшествующий слог

* Ответ на вопрос Дардена (Чикаго) об ударении в членной форме основ (B) а. п. с краткостью.

„Я думаю, что сам перенос ударения на предшествующий слог может и не означать данной закономерности, потому что нет достаточно большого материала, который бы говорил о том, что накоренное ударение в этих основах позднее. Хотя некоторые материалы есть, но они не очень надежные. Иначе, я думаю об ударении членных форм класса (C). Распределение, именно сербское распределение в классе (C), по которому только краткостный [тип] имеет конечное ударение, а долготные имеют накоренное ударение (с акутом или нисходящей долготой) и является результатом действия этой закономерности.

Первичная система была та, кот. мы встречаем в русском, восточнославянском и в болгарском и в кашубском тоже распределение, аналогичное восточнославянскому. В среднеболгарском наблюдается то же самое: там не зависит от долготы. Следовательно, само перераспределение которое мы наблюдаем в штокавском диалекте и вообще в с.-х. диалектах, само распределение произошло уже позднее, после соответствующих стяжений, когда конечное ударение стало всегда долготным и с этого долготного перетягивалось на предшествующий [слог]. Этот процесс я отношу к данной закономерности. А вот вообще преобразование конечного ударения в прилагательных а. п. (B), ну, во всяком случае, пока, на данном этапе я предпочитаю объяснять при помощи закона,

?) типа закона Станга Шахматова.

Аналогичное распределение будет в а. п. (c):

(b) а. п. Долгосложные	Краткосложные	(c) а. п.
grĩhov	volóv	brodóv
hajdũkov	čẽpóv	cvitóv
jarĩhov	(больше примеров нет)	daróv
klobũhov		listóv
bolesnĩkov		sudóv
zapovĩdnĩkov		vratóv
Это новоакутовое ударение, которое здесь встречается.		vukóv
		zecóv
		sinóv
		mihóv

Несколько странное распределение, но явно восходящее к тому же, в этом же диалекте в Мест. мн. основ сред. рода. В общем-то это не Мест. там уже, а скорее Родит., это [форма] на =ih:

Долгослож.	Краткосложные (краткость в самом диалекте, это не праславянская краткость):
vĩnih (Им. мн. vĩnä)	darvĩh (darvä)
črĩvih (črĩvä)	caklĩh (caklä)
dlĩtih (dlĩtä)	odnĩh (odnä)
sodnih (sõdnä)	putĩh (putä)
	stegnĩh (stegnä)

Сокращение уже явно вторичное, но тем не менее сама краткость в данном случае и закономерное распределение ударения характерно.

С. Толстая: Оно что опять изменилось?

Дыбо: Оно просто выравнилось по др. формам. Оно выравнилось в общем-то. Создалась закономерность: если краткостный корень в каких-то определенных формах, то ударение будет в определенных формах на конце. В то время как в формах с долготным корнем ударение на корне.

С. Толстая: Неужели там долго могло действовать это правило

VIII

Дыбо: Это вот очень странно. Тем не менее создалась такая ситуация.

С. Толстая: А когда примерно сократились эти долготы в этих диалектах? Ну, это ведь, наверное, не так ...

Дыбо: Ну, это она уже действовала как морфонологическая: достаточно большое количество слов, которые подчиняется вот определенному а. типу, определенной а. системе, а. кривой, приводит к тому, что и другие слова сразу же механически подчиняются ...

Когда-то, когда =и= было долгим, было pútih, а потом =и= сократилось и стало putih.

Пример из другой диалектной области. Это бедненский [кайкавский] говор. Там очень сильно всё стерто обратным переносом новых нисходящих долготных ударений к началу слова, но тем не менее вот хотя бы в Род. мн. о-основ. это распределение очень хорошо прослеживается хотя в виде дублетных форм.

Долгосложные	Краткосложные
krȏljev (1)	kenjâv 'коней' (2)
plȏstev 'пластов'	velyȇv 'волов'
gespedȏvev и т. д.	snepyȇv 'снопов'
	nežyȇv 'ножей'
	Появление циркумфлекса в данных позициях — явление любопытное.

(1) С новым акутом: 'королей' (Род. мн.).

(2) Есть и такое ударение: kȅnjāv, но такой вариант [как] kenjâv [с долгим циркумфлексом ударением] — только у краткосложных [основ] присутствует.

А в парадигме ⓒ наблюдается любопытное расхождение:

klosјё̄v (нов. акут)
mestјё̄v
grodјё̄v
mužјё̄v
vrogјё̄v

По-видимому, в тех случаях, когда было кратностное ударение (кратностный слог под ударением), то удлинение его механически вовсе не приводило к восходящей интонации. Тут, правда, может быть влияние а. п. ⓐ. В неподвижном типе появляется не новоакутовая, а новоциркумфлексовая [Чешко перебивает вопросом...]

Речь идет... Вот я сейчас поподробнее.

В слове *volóvъ было какое-то ударение [мы не знаем какое по происхожд.], но оно не было перетянуто с ъ. А в слове *synóvъ было [известное нам] ударение < *synovъ́, новоакутовое, т.к. оно получилось в результате перетяжки с ъ. [Так было] в а. п. ⓑ, а возникла она в результате перетягивания (передвижения) ударения с (корня) ъ. Следовательно, оно было передвинуто. [В слове *volóvъ] мы всё-таки не знаем, какое оно было; при удлинении здесь появляется циркумфлексовая нисходящая интонация. Под каким влиянием? Как? Чисто фонетическим это путём? Старая точка зрения, обычная точка зрения, что кратностное ударение внутренних [слогов] как только оно удлинялось, оно должно было давать новый акут, славянский тип нового акута. Но здесь мы этого не наблюдаем.

VIII (14)

И если мы примем, что в словенских диалектах действительно вот такой [новый ~~акут~~ циркумфл.] в краткостных слогах вовсе необязательно результат переноса в подвижной а. п., то мы объясним очень многие явления в словообразовании.

Можно привести еще целый ряд таких случаев, но нас в данной ситуации интересует больше всего вопрос: как же соотносится данная закономерность с тем, что предполагал Станг в позиции Местн. мн. ч. Он ссылается при этом на материал чакавского диалекта Novi. Но внимательное рассмотрение этого материала показывает, что в сущности там всегда присутствуют [redacted] в а. п. (b) (как в краткостных основах, так и в долгых) оба варианта: с оттянутым ударением и с ударением на окончании.

[Остановимся на этом подробнее в следующий раз]

Лекция 9. 23 апреля 1974.

Продолжаем закон Крижанича и закон Станга.

Для доказательства своего закона Станг в основном опирается на материалы чакавского диалекта Novi. В основном он приводит материалы по Мест. мн. ч. и считает, что такая группа фактов [как]:

Лок. мн. krȍvih pȍpih (краткосложн.); bréstih (долгосл.)

Эта группа фактов считается первичной

Им. ед. krȍv pȍp brést (с нов. акут.м)

Род. ед. krovȁ popȁ brestȁ

Отсюда естественна для него и формулировка своего закона: в данном случае с внутреннего циркумфлектирован-ного слога ударение переносилось на предшествующий слог (krȍvih < *krově̑xъ) в виде нового акута краткости или нового акута долгого.

Я напомню, что я предлагаю другую формулировку, собственно, другой закон — закон Крижанича. Я считаю, что здесь [в краткосложных основах] ударение не переносилось первоначально, а здесь [в долгосложных] с внутреннего и конечного долгого слога переносилось на предшествующий долгий собственно всегда в виде нового акута.

Дело в том, что наряду с этими вот формами [krȍvih, pȍpih] в диалекте Novi наблюдаются их варианты krovíh, popíh bréstih — с совсем другим ударением, и вариант к этому слову тоже есть

что для односложных основ (ставших односложными) был потерян в этом диалекте первичный принцип распределения форм и к каждой из форм построены варианты. Я думаю, что вот эти вот формы первичны [долгосложн. типа brȅstīh < brȇstīh; краткосложн. krovíh, repíh], а эти варианты пристроенные [brȅstih, krȍvīh]. Чтобы решить вопрос о первичном распределении, необходимо найти какие-то позиции, в которых какие-то следы этого распределения сохранились; в данном случае такого распределения нет. Такие позиции, по-видимому, в диалекте Novi существуют. Прежде чем перейти к ним я напомню также, что и в подвижных основах, [то-есть а. п. ©], в Novi существуют те же самые варианты, т. е. от какого-нибудь

vȍz (Род. vȍza) — Лок. мн. vozíh и vȍzih (он и Мест. мн. и Род. мн. [в Novi])
(краткосложн. основы)

vlâs (Род. vlâsa) — Лок. мн. vlăsíh[1] и vlásīh.
(долгосложные основы) имеют такие же варианты с полудолготой: (я слышал здесь что-то короче, чем обычная долгота).

[1] Видимо все-таки в этой позиции долгота первично сокращалась, потом она восстанавливалась в диалекте Novi, но восстанавливалась в каком-то компромиссном виде.

Где же все же можно обнаружить следы старого распределения?

По-видимому, это можно увидеть в многосложных основах. Здесь наблюдаются следующие факты.

От краткосложных будет: konopíh konȍpīh

– тоже с вариантами.

Но в многосложных основах, конечный слог которых долог, наблюдается совершенно жёсткая система: koláčih, gospodářih, težáčih, medopířih ... и т.д. (материал довольно большой). 9 слов приводит Белич, и это он специально отмечает. "Я это не отметил: у них ударение на конце точно такое же, как в Gen. (Loc.) мн. у односложных, т.е. типа kréstih.

Если рассмотреть [redacted] эти формы, то возникает предположение, что вот это ударение [koláčih ...] явно первичное, эти формы (konòpih) немотивированы аналогией многосложных форм и, следовательно, должны быть рассматриваемы как первичные, а эти (konöpih) возникли по аналогии.

К аналогичному выводу приводят списки Мест. и Дат. мн. от подвижных имен, тоже многосложных. Там мы также имеем две колонки [слов] – с конечным и предконечным ударением, распределенным в зависимости от долготы или краткости предшествующего слога, а аналогичные формы, формы, возникшие по аналогии, настолько иного типа, что, собственно, не накладываются на данную систему. Вот смотрите.

[Краткос.]		Но		[долгослож.]
	sokolih		golúbih	
	prstenih		kunáčih	
	korenih		korákih	
			malénih	

К ним тоже есть пристроенные добавочные формы, но

это формы с начальным ударением (потеря подвижности):
sȍkolīh, pȑstenīh и gȍlūbīh, kȕhāīh ....
Вы видите: эти формы, эти варианты не накладываются на систему предшествующую и не затемняют её. Они просто строятся в результате тенденции к потере подвижности у данных основ. В данных формах уж никак нельзя усмотреть действие закона [Станга]. Таким образом, в диалекте Novi в тех случаях, когда мы имеем дело с каким-то распределением, эти распределения указывают на регулировку по закону Крижанича, а не по закону Станга.

Можно привести также примеры Род. мн. другого типа — основ на =в=, которые также совпадают с тем, что мы имеем у Крижанича.

Род. мн. kosác [кратко-сложен.] имеется вариант тоже kȍsac
и с долгосложен. основой — svétac 'светых', здесь варианта нет.
Такое распределение опять говорит нам о том, что вот эти формы [kosác, svétac] исконные, а эта [kȍsac] пристроенная форма.

Я не помню, прошлый раз я приводил примеры аналогичного, совершенно аналогичного поведения таких же форм, только без этого [пристроенного] варианта в диалекте Крижанича.

Род. мн. (от Нӣмци) — Нӣмец В то время как
(от Отцӣ) — Отâц, аналогично
(от Новцӣ) — Новâц

[Нӣмец] соответствует [stétac], а [отâц, новâц] — [kosác].

Попробуем распространить этот закон, который мы сейчас занимаемся только в пределах сербохорватской области, на другие языки.

Для доказательства своего закона Станг опирается на словенскую [a.] парадигму слова konj, которая дает:

слов. kȍnj, Инстр. z kónji < [*kȍnjī]

Лок. na kónjih < [*kȍnjīxъ].

Как будто бы всё ясно: закрытый =o= в данном случае говорит о новом акуте краткости и, следовательно, свидетельствует о том, что в данном случае не новая оттяжка ударения, а старая. Отсюда мы должны были бы реконструировать: *kȍnjī (Инстр.) *kȍnjīxъ (Лок.). Но это довольно одинокая основа, которая, в общем-то, небезупречна для сравнения. Во-первых, это мягкий вариант, который очень рано ассоциируется и связывается во всех славянских языках с i-основами, где была иная а. п. и где в а. п. (b) мы бы должны получить для тв. пад. kȍnjьmi и вот, по-видимому, kȍnjьxъ[1].

[1] Почему так? Понимаете, так памятники дают. Может быть... в др-рус. дается по́утьхъ. Это сильный, конечно, j. Возможно были какие-то исключения - переход в разносложные X, может быть какие-то влияния. Это не совсем ясно. Может быть, это выравнивание какое-то. Так дают памятники, м.б. это вторичное выравнивание.

Во-вторых, это одна из немногих основ а. п. (b), в которой Род. пад. односложный в словенском: ko̍nj (Род. мн.). А Род. падеж имеет способность в словен. тенденцию определенную взаимодействовать с Лок. И кроме того, это ударение не единственное в словен. Потому что там существуют и другие формы, где влияние а. п. (a) еще более интенсивное. Это с новым циркумфлексом ______, а также формы, которые свидетельствуют о конечном ударении. Это форма, приводимая Валявцем – ko̍njih с открытым =o= – свидетельство вторичного переноса ударения. Если закрытый [гласный], то это первичный перенос – и новый акут, отражение нового акута. [А открытый гласный показывает] вторичный перенос, возможный еще в тех диалектах, которые показывают ещё перенос ударения.

? что-то писал не успел

И, наконец, тут можно обратить внимание [на то], что шел аналогичный процесс, по которому все конечноударенные формы Лок. получали окончание =eh, а окончание =ih как раз характерно для парадигмы (a), хотя оно и первично с точки зрения фонетической.

Так что основа konj подвергалась очень сильным влияниям и морфологической перестройке. Однако и в других языках konj всё время дает какие-то отклонения, какие-то ненормальности. Мы с ней встретимся ещё

в словинском, где она тоже идет по долготному типу, или по неподвижной парадигме.

Если же мы посмотрим вообще, как в словен. языке отражается а. п. (b) от основ м. р., то мы увидим, что там совершенно четко разделены основы долготные и основы краткостные. Причем долготные полностью, за исключением Им. ед., идут по типу, продолжающему а. п. (a), т. е. если а. п. [слова] hlèb: [здесь] в Им. ед. краткость, потому что акут в Им. пад. сокращался. В долготных же акут не сокращается, поэтому мы имеем grẹ́h. В словен. слова а. п. (b) с долгим корнем полностью идут по а. типу, который полностью продолжает а. п. (a), т. е. а. п. акутированных имен. За исключением Им. ед., где формы а. п. (a) отлич-ся от имен, восходящих к долготному типу а. п. (b), т. е. hlèb — старый акут (а. п. (a)), он сократился, он сокращается в конце слова регулярно, а новый акут [grẹ́h] [а. п. (b)] не сокращается в конце, т. е. получается долготный рефлекс. Во всем остальном ~~[illegible]~~ а. п. этих слов совершенно тождественны. При этом Мест. падеж вот этой вот группы долготных имен получает, как правило, регулярно рефлекс нового ~~акута~~ циркумфлекса. Это развитие, по-видимому,

нефонетическое. Я думаю, во всяком случае, пока не будет доказан фонетический характер этого процесса, нужно считать его нефонетическим, а морфонологическим: это замена старого рефлекса нового акута, но замена довольно регулярная. Она проходит по всей словообразовательной системе очень жёстко и в системе а. парадигм.

Следовательно, от слова gréh будет Мест. мн. grȇhih вместо *gréhih. Насколько это фонологично, я не настаиваю на этом. Но этот процесс совершенно регулярен и в других группах имен, в словообразовательной системе и в глаголе. Аналогично слово, допустим,

králj - krȃljih
gréh - grȇhih
dél - dȇlih
kljúč - kljȗčih и т. д.

Это норма для а. п. (a) и долготного типа а. п. (b).

В то же время краткосложные основы имеют для Мест. конечноударные формы с н. акутом:

gòzd - gozdẹ́h
gròb - grobẹ́h
kòl - kolẹ́h
pòd - podẹ́h
stòl - stolẹ́h
dvòr - dvorẹ́h
vòl - volẹ́h.

Здесь мы видим, собственно, то же самое распределение, что и у Критсанича, за тем исключением, что в долготных основах замена нового акута новым циркумфлексом, характерное для словенского.

Аналогичное конечное ударение имеют формы а. п. ©, независимо от того, предшествовала ли там окончанию долгота или краткость. Как мы видели, [это] то же самое, что в диалекте Крижанича: предшествующая долгота просто напросто сокращается: *možéh*[1] (*mộž* 'муж'), *vlaséh*[1] (*vlậs* 'волос') — долгосложные [основы]; *noséh* (*nộs*), *vozéh* (*vộz*) — краткосложные [основы].

[1] Долгота здесь сокращается перед новым акутом. Перед н. акутом, по-видимому, очень рано (поскольку проявляется и в зап.-слав. яз.) сокращается предшествующая долгота... F

То же самое мы встречаем в Род. [мн.] на =*ов*, аналогичная картина той, которую мы наблюдаем в диалекте Крижанича... Здесь наблюдаются и варианты. Род. [мн.] от [старых] долготных основ а. п. (b), естественно, идет по типу а. п. (а), поэтому нормальные рефлексы будут:

[Долгосложные]

grêhov
kljûčev
krâljev

но и здесь, в данной группе основ встречается исключение от того типа, т. е. сохранения нов. акут. Наблюдается вариант *Králjev* — с нов. акутом.

В то время, как *краткосложные* имена а. п. (b) имеют формы, тоже соответствующие Крижаничу:

grobộv } возможны варианты } gróbov
stolộv } stólov,

где открытое *о* свидетельствует о вторичной оттяжке, т. е.

F Если бы эта долгота существовала в момент действия закона Крижанича, то должна была быть перетяжка ударения. В данном случае и в долготных основах..., правда, там довольно рано перетянуто было вообще ударение, но тоже ведь мы можем говорить о том, что современные примеры не могут ничего дать для доказательства.

IX (10

это уже фонетические варианты из тех диалектных форм языка, которые проводят дальнейшую оттяжку ударения с конца.

По-видимому, система, аналогичная словенской и чакавско-кайкавской диалекту Крижанича, существовала в том или ином виде до перекрытия и существует сейчас в некоторых диалектах, где это перекрытие новыми передвижками ударения не произошло, — в кайкавских диалектах, во всей, собственно, кайкавской области. Для характеристики наиболее раннего состояния этого ударения можно взять примеры, приводимые Вольявцем из Vešparoti книга 1752 г. издания, диалект кайкавский. Он совершенно ясно указывает на наличие, собственно, на регулярное наличие конечноударных форм в мест. мн. а. п. (в) от краткостных основ. В то время как ...

Вешпароти даёт

krovéh posteh voléh postéh [краткосложные основы], в то время как от долготных засвидетельствовано oltáreh. (больше у меня не выписано, по-видимому, Вольявец не выписал из текста).

Аналогично и в Род. мн., где у него представлены формы oslóv, poslóv, mozolóv, volóv — краткосложные а. п. (b). Формы, совершенно совпадающие с — и в Местн. и в Род. мн. — совпадающие с такими же формами а. п. (c) — конечноударенные.

Эти примеры значительно расширяют область действия закона Крижанича, но, чтобы показать его праславянскую, а не южнославянскую область действия, не южнославянское происхождение следует привлечь другие факты. Я думаю, что очень большое значение для доказательства праславянской древности этого закона является словинский материал.

Так же, как в словенском, в словинском долгосложные имена а. п. (b) м. р. полностью уподобляются именам а. п. (a) и, следовательно, имеют накоренное ударение в Gen. pl. на -ou̯, в Instr. pl. -ï и Loc. pl. на -eχ. По списку Лоренца так склоняются имена: bïk, grěχ, klúč, króu̯b, sóu̯d, ščit, vóu̯sä ('усы'), т. е. известный набор долготных имен а. п. (b).

В то время как имена краткосложные а. п. (b) совпадают с подвижным а. типом и дают конечное ударение в этих формах: от bôu̯b — Gen. pl. bɵbóu̯, Loc. pl. bɵbjéχ; от žïd — Gen. pl. židóu̯, Instr. žädí, Loc. žäzéχ.

Такую [же] акцентовку имеют имена [краткосложные]: dróu̯zd, dvór, snùop, vóu̯l и др.

В сущности, исключение из этого распределения составляет слово konj, который идет как долготный тип и совпадает с теми показаниями, которые дает словенский.

Такое распределение, по-видимому, достаточно убедительно показывает об очень старом, едва ли не праславянском, скорее всего праславянском действии этого закона (оттяжка ударения с долготы на предшествующую долготу). Надо отметить, что на это указывают и многие другие моменты. Дело в том, что в глагольной системе и в словообразовании мы тоже не сможем понять многих явлений, если не исходить из этого закона, из этой закономерности, и рассматривать эти явления или как прямое отражение диахронического процесса или как морфологическое преобразование уже под действием сложившейся в результате действия данного процесса системы. В любом случае мы должны уже тогда будем принимать наличие или уже сложившейся системы в результате действия этого закона или же самого этого процесса в данных языках (я говорю здесь о восточнославянских языках, где мы наблюдаем многие распределения в области глагола, глагольной системы, словообразования глагола).

Но что же получается дальше в южнославянской области? Мы сейчас вышли за пределы южнославянских языков, а тем не менее любопытно, где

же этот закон...; исчез ли он, и почему, вот допустим, в штокавском и в посавском мы наблюдаем несколько иные соотношения.

Тут я должен всего возвратиться на несколько лекций назад к тому самому процессу перетяжки нового циркумфлекса (ударения с новоциркумфлектированного слога) на предшествующую краткость. Я говорил, что область действия этой закономерности охватывает всю штокавскую территорию, южночакавскую территорию и посавскую. Так вот есть основание думать, что в этой области получилось сложение двух процессов, что и привело к тому, что мы имеем в посавском в Мест. [мн.], — наиболее характерны именно посавские формы, — следующие пары: na kȍńī[1] — и čikȃvī[2]. Данные факты посавского диалекта, м. б., самая сильная была бы опора для закона Станга. Здесь имеется как бы регулярная [передвижка ударения]. Но в посавском действует и закон оттяжки ударения с последующего нового циркумфлекса на предшествующую краткость. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело со следующими двумя процессами: здесь процесс под действием закона Крижанича čikāvīh > čikȃvī(h). А здесь kòńīh > kȍńī(h) мы
[на долгий слог с долгого] [на краткий слог]
можем иметь нефонетическое преобразование, которое

[1] Конечное -h здесь выпадало.

в посавском диалекте очень часто исчезает (и заменяет...) нового акута, который в посавском диалекте очень часто изменяется (просто) в циркумфлексовую интонацию (и перетяжка его) — или фонетическим путем или по аналогии, подобно процессам типа Родит. [мн.]. köpit < *kopĩt.

Собственно, это необязательный в данном случае процесс, просто можно предполагать, что в этом диалекте данные формы стали расцениваться как формы с долготным ударением после краткостного слога, а они устранялись в целом ряде слов по закону переноса ударения с новоциркумфлексового долгого слога на предшествующий краткостный.

С. Толстая: Это то, что называют старохорватской ретракцией?

Дыбо: Да.

... Я даю, что какое-то долготное ударение переносилось на предшествующий долгий [тип čekāvīh). То, что здесь циркумфлекс, это [неважно] если нов. акут возникает только в результате ретракции с конечного слога на предшествующий, то здесь не должно быть нового акута, [——], но в то же время мы встречаем его в Род. и Мест. [мн.] краткостных основ, хотя бы в словенском. Является ли это морфологическим или морфонологическим перенесением нов. акута из а.п. (с)? М.б. и является. Это требует, по-моему, дальнейшего исследования. Во всяком случае, в ряде случаев (я показывал на примерах [из диалекта] Хва-

ра) как раз здесь встречается циркумфлекс. На предыдущей лекции я приводил примеры Мест. падежа Сред. рода, где здесь появляется циркумфлекс. Но, собственно, характер интонации для данных рассуждений просто не очень важен. Было бы соблазнительно доказать просто, что здесь была циркумфл. интонация (такая особая) и что она в штокавско-посавской области просто совпала с новым циркумфлексом, и там получилась такая ретракция. Правда, даже в посавском диалекте такие переносы... если в Мест. падеже нет противоречащих форм, то в Тв. мн. как раз наблюдаются формы, которые как будто бы еще сохраняют какие-то следы регуляровки по закону Крижанича.

Я приведу примеры. Ударение он [Ившич] всё-таки недостаточно хорошо описывает в посавском диалекте, несмотря на большую статью в двух тома Rad-а. Всё-таки это довольно большая область, и он берет из каждой местности небольшое количество форм, и определенных форм просто не хватает. Поэтому я даже вынужден вторично пользоваться. В данном случае я говорил это.

Он даёт: Тв. мн. s kȍn̄ī и вариант s kȍn̄ī̃ — вот этот вариант можно рассматривать как сохранение старого состояния.

В то же время без варианта дает snȍžī. Я должен оговориться, что nȍž, конечно, с точки зрения праславянского языка краткосложная основа, но в посавском диалекте она выступает с долгим корнем. И она-то не имеет варианта, так что здесь нам будто сохраняется распределение по закону Крижанича. Во многих, в ряде, в общем, форм, вторичных, просто могло не возникнуть позиций действия закона Крижанича, там действовала та самая староштокавская ретракция ударения. Я имею в виду Род. мн. на -ov, где посавский диалект дает

vȍlōv(a) [краткосложная основа], но [долгосложные основы] nȍžēv, в варианте с оттянутым ударением — в тех говорах, где наблюдается вторичная ретракция ударения, засвидетельствовано также — plástov (это не новый акут, это просто восходящее ударение, возникшее в результате новоштокавской ретракции, охватившая диалекты тех районов), т. е. это < *plāstȏv (можно предполагать такую форму) (в диалектах, где наличествует форма plástov). В данном случае мы видим, что распределение этого типа старо-

штокавского распределения Род. под. типа 'корыто' [ко̀рито]... Здесь просто к моменту возникновения этих форм закон Крижанича уже не действовал. Этим объясняются и штокавские аналогичные пары, где (я уже, по-моему, приводил эти формы) будет:

vȍlōvā [кратк.] | но | dévōva [долгосл.]

Любопытно различие между штокавским и посавским в ударении Им.-Вин. мн. ч. сред. рода. Штокавский показывает распределение по старо-штокавской ретракции ударения, как будто бы, я не настаиваю на том, что это фонетическое явление, т. е. мы в штокавском имеем

	[краткослож.]	[долгосложные]
[штокав.]	sȅla	vína (< vīná)

т. е. тут только регулировка по старо-штокав. типу при краткостном ударение переносится с оконча-ния [на слог вперед], при долготном оно сохраняется на окончании [vīná], а данная форма [vína] возникает по новоштокавской ретракции ударения.

В то время как в посавском [имеем] классическую форму, которой пользовались классические акцентологи

	[краткосложн.]	[долгосложн.]
[посав.]	sȅlā	krȋlā

Здесь действуют оба процесса: как было бы ...

дывается закон Крижанича и эта вот што-кавская ретракция.

Для сравнения я могу снова напомнить формы из Крижанича: бедра̀ но кри̂ла.
Здесь в результате разного объема действие того и другого процесса получились совершенно противоположные отношения между штокавским и и Крижаничем. и объединенная картина в посавском.

Можно, пожалуй, привести примеры из штокавского, где как будто бы наблюдаются чистые отношения по закону Крижанича, но они немножко перестроены. Это Род. мн. от имен на =вцъ (или =вк=): но

[краткосложн.] | [долгосложн.]
Р. мн. kosácā (kosác) | vrānācā[1] (эта форма очень похожа на то, что мы имеем в Novi (svétac)

То же самое в диалекте Крижанича:

отâц Нîмец

[1] Это [^] результат замены нового акута, который в новоштокавском потерян и заменен долгим нисходящим ударением. Здесь просто рефлекс нового акута. А здесь [kosác, kosáca] — интонация неизвестно какая была, просто долгота, ударение; в данных формах ударение сохраняло

IX (19)

стая на =а=, мы видим, что в этой форме [kosáca] ударение не переходит на =о=, но по-видимому, возможно, это вторично, (скорее всего, конечно вторичный) процесс перестройки ударения по аналогии с другими [формами] такого морфологического типа с ударением на форманте Родит. пад. [мн.]. Эта форма перестроенная, но явно перестройка её и отделение от этих [долготных] форм произошла в результате возникновения самого различия по закону Крижанича или, во всяком случае, как то морфонологическое следствие действия этого закона.

То, что это перестройка не поздняя (до [новошток.] ретракции ударения), это показывают диалекты со староштокавской системой ударения, т.е. с системой непереттянутой, диалекты, в которых новоштокавской ретракции не произошло. Например, липерский говор (с предшествующим долгим).

[долгосложн.]	[краткосложн.]
Им. ед. добȋтъᵃк	Им. ед. удовъᵃц
Род. ед. добиткȁ (1)	Род. ед. удовцȁ
Род. мн. добȋтъ̆къᵃ	Род. мн. удовъᵃцъᵃ (2)

Я не буду приводить др. примеры, Род. мн. строится совершенно механически.

(1) это старое ударение.

(2) это показатель Род. пад., эта перестройка довольно старая

Это, кстати сказать, и было, по-видимому, причиной того, что староштокавская ретракция ео не затронула. В то время как в посавском, где такой перестройки не произошло, мы имеем совершенно однообразную картину. Там будет:

Р. мн. kö̈sāc(ā) и vrȁnāc(ā)
[краткостн.] [долгостн.]

Здесь явное выравнивание, наложение процесса.

7. V. 74. <u>10 лекция</u>

После прошлой лекции коллега Дарден указал на одно слабое место в моем объяснении и сказал, что его не убеждают примеры из словенского. Аргументация его сводилась к следующему. Поскольку долготные слова акцентной парадигмы (в) просто слились с типом (а), с а. п (а), то говорить о действии закона Крижанича здесь просто невозможно, так как эта парадигма просто совпала, произошла перетяжка. Ну, вот возьмите слово grěxъ (здесь был новый акут) —
(а. п. (в), долготный тип):

grěxъ
grěxá } происходит оттяжка ударения на долготу и получается → *gréh
grěxí } gréha
и т. д. gréhi
и т. д.

Произошла оттяжка на долгий слог, и вся а. п. в целом, весь этот подтип а. п. (в) сливается с типом а. п. (а) (čākъ, который был, по-видимому, в праславянском сокращен, т. е. с кратким ударением, затем происходит удлинение: в čáka будет уже долгота; тип сливается). И вот этот процесс: grěsěxъ, эта перетяжка с окончания на предшествующий долгий могла входить в этот же процесс, т. е. это просто старая перетяжка с конечных или предконечных слогов на предшествующий долгий. И в том и в другом случае, когда было краткое ударение конечное, и когда было какое-то долготное ударение — и в том, и в другом действовал один и

2. (2)

тот же закон — закон оттяжки на предшествующий долгий. Это, конечно, замечание совершенно верное. Примеры типа словенского, так же как и словинские примеры, могут служить очень сильным аргументом против действия закона Станга. Т.е. если бы закон Станга действовал в данных позициях в праславянском, то и краткостный тип имел бы оттянутое ударение в местн. п. мн. числа, но такого мы не обнаруживаем: в местном падеже существует конечное ударение в краткостном типе. Эти примеры я приводил. Следовательно, если мы исходим из того, что с каких-то внутренних слогов долготное ударение, с долгих слогов, следовательно, перетягивалось на предшествующий слог, то эта перетяжка могла происходить только в долготном типе а.п. (в), хотя этот процесс и был перекрыт затем вторичным процессом оттяжки ударения на долгий с любого слога, ~~А~~ только в этом типе, так как в краткостном типе мы видим на примерах, которые я приводил раньше, что такой оттяжки не было. Что касается самого словенского состояния, то его можно объяснять двойным способом: или исходя из состояния, построенного на законе Крижанича, или исходя из состояния просто неоттянутого ударения. И в этом случае мы должны будем объяснить словенское состояние (в последнем случае) как состояние, вызванное действием одного какого-то закона фонетического, и, видимо, может быть, в каких-то моментах объяснить одним законом не можем — ввести как можно меньше процессов по аналогии. Значит, мы или введем один закон, одну закономерность, при помощи

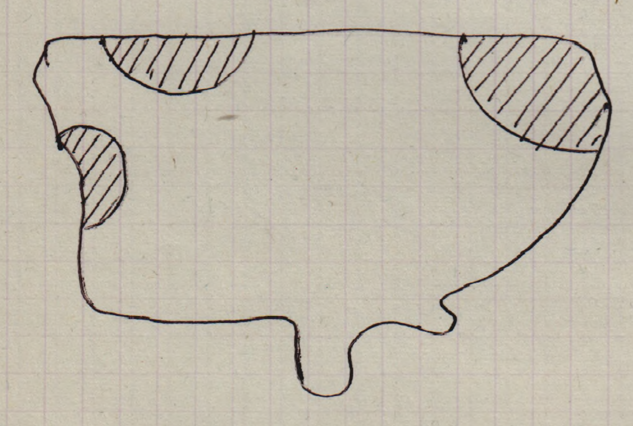
которого создавалось это состояние, или же будем (3
предполагать, что это состояние было создано двумя процессами — процесс, закон Крижанича и процесс дальнейшего оттягивания на долгий ударения с конечных открытых слогов, закрытых и т.д. Здесь сравнительник встречается с довольно трудной проблемой. Когда два закона действовали в одном направлении, то разделить их бывает очень трудно, а иногда даже ~~в~~ невозможно. И момент доказательства двух различных законов или одного, работа в этом направлении — это, конечно, поддается менее строгому доказательству, менее строгому анализу, чем просто подача фактов в лоб. ~~Здесь~~ Но, по-видимому, что-то сделать можно, и эта возможность вытекает из того, что если мы хотим работать в рамках, в терминах это-ли фонетического закона, то мы должны построить этот закон так, чтобы позиции, в которых он действовал (фонетические позиции) были ~~минимально~~ максимально общи и минимально различны, т.е. если мы вынуждены для одного и того же закона выдвигать две различных позиции, то в этом случае скорее всего мы имеем дело с двумя законами.
Посмотрим, что произошло в словенском — действительно ли можно там все эти проблемы разрешить [исходя ...], ограничиваясь формулировкой оттяжки ударения на предшествующий долгий слог. Во-первых, тут сразу возникает вопрос, ~~+~~ какое ударение, с каких позиций оно перетягивалось; любое ли ударение в словенском перетягивалось на предшествующий долгий

Существует достаточно фактов, чтобы утверждать, (4

что этот процесс не был всеобщим, а был ограничен определенными позициями. Эти факты следующего рода. Во-первых, небольшое отступление. Если о-основы а. п. (c) в диалекте Крижанича, в области кайкавской, ближайшей к словенской территории, выступают как сплошь сокращенные, т.е. там долгота не указывается ни в кайкавском диалекте, ни в диалекте Крижанича, то основы ж. рода четко делятся на долготные и краткостные. Они не сократили ... Тип glāvä в Им. п. в кайкавских диалектах будет все-таки долготный, в отличие от подä, которое здесь выступает как краткостное. То, что здесь сокращение не произошло — это в общем-то вполне понятно, т.к. сокращение долгот в подвижной парадигме, как я уже говорил, скорее всего зависело в большей части случаев от наличия нового акута в конце слова; перед новым акутом долгота предшествующая сокращалась по-видимому еще на праславянском уровне, позднепраславянском.

В этом
И в основах муж. рода на -о таких форм было очень много, т.е. фактически все формы, в которых имелось конечное ударение, были с новоакутовым конечным ударением, долготным, в то время, как в типе glāvä мы имеем целый ряд форм, в которых ударение конечное было краткостным: Им. падеж, Дат. мн. glāvämъ (поскольку это уже сокращалось, акут сокращался очень рано), Творительный glāvämi и местный glāväxъ. Старая долгота здесь сохранилась. Этот тип, следовательно, четко делился и делится сейчас в

кайкавском диалекте, делился у Крижанича на два подтипа — краткостный и долготный. По-видимому то же было в словенском в период перед ретракцией ударения, поведшей к совпадению обсуждаемых типов. Эта ретракция разделила тип подвижной акцентной парадигмы тоже на два подтипа. В результате дальнейших процессов оттяжки ударения словенская область разделилась на несколько диалектных зон, в которых существуют, если посмотреть на карту Словении, зоны с сохранением ударения на конце в словах типа <u>žená</u> и т.д.



Еще большая территория занимается зоной с бывшими редуцированными, в которых сохраняется ударение на конце (типа məglá), где вообще целый центральный район занят с неоттянутым ударением. Вот в этих диалектах тип а.п. (c) краткостного типа имеет следующий вид:

Ед.	Им.	noγȁ	Мн. И.	noγȇ
	Род.	noγȅ	Р.	núəγ
	Дат.	noγə̏	Д.	noγȁm
	Вин.	noγȏ (с перетянутым уд.)	В.	noγȇ
	Тв.	noγó (с восход. уд.)	Тв.	noγâmi (с новым цирк.)
? М. —	Зв.	noγȍ (с краткостным уд.)		noγȁh

Это - ______
______
диалект.

Собственно здесь видим основные процессы в этой а.п.
– произошло следующее: циркумфлексовое ударение переместилось на следующий слог во всех формах энклиномена, т.е. в Вин. ед., Им. мн. и Вин. мн. Это передвинутое ударение. В Тв. ед. ó из -ојu стянулось, дается восходящее ударение; в Тв. мн. (?) – специфическое словенское перерождение интонации в новый циркумфлекс, а остальные все формы показывают то, что мы можем наблюдать, т.е. ~~это~~ конечное сокращенное ударение, старое в большинстве случаев (генетив – это, конечно, особый вопрос).
Следовательно, эти диалекты показывают, что ...
В то же время тип долготный – там перетянутые ударения. В долготном типе произошла перетяжка: *hváva* и т.д.
Кроме форм Вин. Тв. ед. Им-Вин. мн. [Т.е. наличие такого рода диалектов в словенской области свидетельствует о двух явлениях: во-первых, что долготный тип и краткостный тип подвижной а.п. в словенском изменились в разное время, т.е. передвижка на долготу произошла по-видимому, значительно раньше, чем передвижка на краткость в тех диалектах, где передвижка на краткость осуществилась. И второй, довольно важный факт – это то, что ~~эта~~ вот эта вот передвижка, чисто словенская и кайкавская передвижка циркумфлексовой интонации форм энклиномена на следующий слог происходила раньше ретракции ударения в словенском. Т.е. раньше возникли долготные конечные ударения. Есть основания считать, что передвижение ударения в долготном типе подвижной а.п. – это тот же самый процесс который повлек...

собой совпадение долготного варианта а. п. (b) у (7
о-основ с акцентным типом (a). Это то же самое
по-видимому.

Интересно проследить, как на этой группе основ проходил этот процесс. В современном словенском литературном языке - это довольно стертая категория, произошла масса изменений по аналогии, но если мы обратимся к памятникам, допустим, 18 века, то мы обнаружим следующее. Мы переходим к долготному типу. Как он отражен в памятниках?

Памятник 1731 (Dils) дает следующие формы:

Ед. И. gláva (это означает уже просто место ударения).

Р. разброс форм: имеются формы типа gláve с оттянутым ударением и также gláve с другим знаком ударения. И очень часто, значительно чаще, чем такое ударение встречается форма glavè (в основном с таким знаком ударения) с неперетянутым ударением. Особенность поведения этого генитива с неперетянутым ударением напоминает нам о нашей проблеме - в генитиве было краткостное или долготное окончание? Так вот здесь мы видим долготное окончание.

Вин. если без предлога, в этом памятнике регулярно (это исследование Дильса - он исследовал целый ряд словенских памятников для того, чтобы установить вопросы передвижки ударения, но не этой передвижки, а передвижки на следующий слог) в Вин. будет конечное ударение glavó и glavò. Там где с

предлогом, то будет ударение на корне: <u>na glávo</u>. (8

Это объясняется еще праславянским явлением: когда происходила передвижка, то в данном случае [(без предлога)] передвижка происходила с корня, а в этом случае оно переходило с предлога (потому что ударение оттянуто на предлог) и передвигалось на следующий слог, так что все совершенно закономерно.

[Тв] будет всегда glavó.

[Мест.] na gláve.

<u>Мн. число</u>. Им. glavè. Вин = Им.

Тв. glaváti.

Уже то, что мы здесь видим, намекает нам на некоторые особенности данного процесса. Процесс происходил в номинативе, т.е. с конечного открытого слога с кратностное ударение перетягивалось на предшествующий слог. В локативе тоже конечное ударение кратностное с открытого слога перетягивалось на предшествующий. Инструменталис, правда, — не очень характерная форма, потому что здесь, как мы видели, появляется новый циркумфлекс. Но во всяком случае мы видим, что новый циркумфлекс с внутреннего слога на предшествующий долготный слог <u>не</u> перетягивался, т.е. долготное ударение не перетягивалось. Формы другого типа можно взять из другого слова — <u>чика</u>. Это слово не очень хорошо, потому что оно имело тенденцию совпадать с кратностным типом: <u>o</u> и <u>O</u> везде. Но здесь дательный мн. показывает регулярно <u>čókam</u>, тв. <u>čokámi</u> и мест. <u>čókach</u>.?

Мы имеем дело с диалектом, в котором в этих позициях ударение оказывалось постоянно оттянутым. Но можно найти другие диалекты, в которых как будто бы... вот памятники из угорской Словенщины нам регулярно показывают как раз и в этих позициях не оттянутое ударение. Я не буду приводить все примеры. Этот памятник 1848 года - Новый завет. Там ударение в дат. будет чока́т и мест. чока́ј и dlaváj тоже с конечным ударением.

Следовательно, памятники словенского языка явно показывают на то, что процесс оттяжки ударения на долгий слог не действовал совершенно автоматически, а действовал лишь в определенных позициях: оттягивалось конечное ударение, в конечном слоге, и, возможно, в большинстве диалектов оттягивалось в конечном закрытом слоге уже после падения еров. краткостное ударение. Что касается долготного ударения, то ни новое словенское ударение (т.е. ударение в вин. п. ед., в им-вин мн.), ни новый циркумфлекс в позиции тв. падежа оно на предшествующий слог не оттягивалось. Все случаи вин. ед. и вин. мн. — это случаи спорные, потому что ударение первоначальное передвинулось, и мы вряд ли вправе предполагать сохранение долготы: может быть, передвижка осуществлялась и при этом долгота терялась, (это тоже можно предположить), то здесь вот ситуация более ясная. Во-первых, кайкавские диалекты показывают, что при новоциркумфлексной метатонии долгота предшествующая не меняется — там на долготные часто

перетягивается ударение с внутреннего циркумфлекса, а если кратностный слог, то оно сохраняется в этой позиции. Ясно, что это ударение, конечно, не могло... Ну, во-первых, эта метатония произошла уже до процесса ретракции, т.к. иначе это ударение должно было перетянуться, если оно перетягивалось с внутренних слогов.

Значит, мы можем здесь сделать следующий вывод. Или ударение долготное новоциркумфлексовое не перетягивалось на предшествующий долгий слог, или ударение с ~~долготных~~ внутренних и кратностное тоже не перетягивалось на предшествующий слог – оба вывода здесь правомерны, и они действительно оба правильны, потому что мы можем привести другие примеры такого же рода, показывающие, что с внутренних слогов ретракции первоначально не было – ни долготного, ни кратностного ударения. Этими примерами могут служить, во-первых, инфинитивы долгосложных глаголов а.п. (в), т.е. мы имеем наряду с kȁzati (вторичная форма) словенский вариант kazáti с неперетянутым ударением; наряду с dȉbati имеем dibáti. Так же pisáti наряду с pȉsati. То есть это все глаголы типа (в), которые в презенсе имеют новоакутовое ударение. И здесь следует предполагать предшествующую долготу, она засвидетельствована в кайкавских диалектах, и, наконец, она совершенно жестко напрашивается из внутрисловенских фактов, из других форм, допустим причастие на -an для этих глаголов характерно.

То же самое в глаголах на -i. Мы имеем ударение hvalíti (акц. тип (b)), klatíti, ljubíti и т.д.

К такого же рода примерам относятся случаи образования женского рода от имен мужского рода а.п. (b), т.е. от таких слов, как králj: — ~~kraljíca~~ с сейчас приведенным накоренным ударением во всех формах будет женский род kraljíca с ударением на суффиксе; ribáč, тоже бывший тип (b) с новым акутом, всегда накоренным ударением, будет ribačíca; kováč 'кузнец' — kovačíca, в то время как от основ а.п. (a) будет ударение всегда на корне: míšica 'мышца' от myšь (а.п. (a)). Также непереступное ударение часто сохраняется в сложениях: víno — vinǫ́grad (сохраняется старое ударение то же самое, что и в ~~чешском~~ сербском).

Ну, и наконец, мы можем встретить аналогичные вещи в именах с ~~приставками~~ долготными, где мы имеем какое-нибудь národ, но род. и дальше narǫ́da.

Все такого рода факты свидетельствуют о том, что по-видимому процесс оттяжки ударения на долгий был ограничен определенными позициями: он происходил с конечных открытых слогов и, возможно, во всяком случае в большинстве диалектов — с конечных слогов, ставших закрытыми в словенском языке, причем ударения, которые перетягивались, были кратностные. Что касается долготных ударений, то мы видим, что долготные ударения типа перетянутых циркумфлексовых ударений чисто словенского происхождения не перетягивались обратно на долгий слог. В сло-

венском (если мы рассмотрим кайкавские диа- (12
лекты, то там мы встретим такого рода перетяжки, но это уже более поздние). Не перетягивались ударения восходящие, вновь возникшие в результате контракций различного рода. Наконец, не перетягивалось ударение внутреннее, а если мы рассмотрим родительные падежи долготные с препозицией, с долготными приставками, то мы увидим, что и конечные долготные ударения ново-циркумфлектированного типа <u>не</u> перетягивались на предшествующий слог. В этом случае, если мы хотим сформулировать единый закон возникновения вот этого типа..., который бы объяснял совпадение акцентного типа (b) долготного с а.п. (a), то мы должны будем его формулировать следующим образом: в какой-то период в словенском оттягивалось краткостное конечное ударение закрытых и открытых слогов, а также ударение долготное, которое выступает в позициях, когда оно сохраняется, как восходящее, т.е. очень похожее на новый акут., ~~котор~~ Этот тип ударения перетягивался на предшествующий долгий слог, т.е. мы явно должны будем ввести два различных типа позиций и два различных типа ударения, в которых ~~производитель~~ производилась вот эта вот оттяжка. Естественно думать, что в любом случае мы имеем дело с двумя различными фонетическими законами: в одном случае это просто оттяжка краткостного конечного ударения на предшествующий долготный слог, а в другом случае это оттяжка какого-то долгого, внутреннего или конечного

ударения, которое отличалось определенным образом, (13)
а может быть, не отличалось вовсе от нового акута
и которое оттягивалось на долготный слог в тех
случаях, когда этот долготный слог не сокращался, т.е.
не в а.п. (c), а в а.п. (b). Даже если этот процесс
происходил одновременно, то сама структура самого процесса, его фонетическая обусловленность различными позициями говорит о том, что это два процесса, и сам
момент, сколько времени проходило между этими двумя
процессами и был ли этот промежуток — это в сущности неважно.
Сравнительная грамматика имеет дело только с относительными хронологиями, но поскольку она имеет дело
с результатами уже, а не наблюдает процесс в
действии, то, естественно, мы видим это в искаженной перспективе. Эту перспективу мы только устанавливаем в виде определенной хронологической интерпретации.
Но я должен все-таки предупредить, что это доказательство, это - все-таки менее надежный случай, чем те
случаи, когда мы имеем дело с разнонаправленными
процессами, не накладывающимися один на другой.
Кроме того, если мы будем дальше рассматривать
данные распределения типа долготные ударения на
конце, то мы встретимся с позициями, когда окажется, что это распределение и эта перетяжка
долгого на долгий обнаруживается уже в тех позициях,
в которых вообще не обнаруживается оттяжка краткостных ударений. Т.е. если мы видим, что какое-нибудь

kazáti, (инфинитив) существует вот в такой форме, то, допустим, причастие на -an ж. рода будет всегда kázana, т.е. всегда с оттянутым ударением. В им. п. будет kázan. В то же время в кратностном типе мы будем иметь здесь конечное ударение и в им. падеже — восходящее: česán, česána при совпадении инфинитивов: česáti.

Почти та же самая проблема стоит и перед словинским доказательством, но там, может быть, в каком-то отношении сложнее, а в каком-то — проще. Там можно проще характеризовать сам процесс ретракции. В словинском произошла оттяжка (так в традиционной акцентологии это трактуется) ударения со всех слогов с неновыми интонациями, т.е. ударение переносилось во всех позициях, кроме тех позиций, где был новый акут и новый циркумфлекс. И вот тут-то оказывается, что местный падеж а.п. (b) долготного типа — это единственное исключение из этого правила. Здесь как раз то ударение, которое трактуется в кратностных основах как новый акут, то в долготных основах переносится на предшествующий слог. Естественно, что этот перенос никак не может быть описан тем же самым законом, который выдвигается для всех остальных переносов. В тех переносах, конечно, традиционная акцентология немножко не разделяет два явления — перенос старого циркумфлектированного ударения (это праславянский перенос, обычный перенос к началу фонетического слова), а во всех

остальных случаях это - или сокращенные внутренние акутовые слоги или внутренние и конечные кратностные слоги. В любых случаях это был перенос кратностного ударения на предшествующий слог, независимо от его качества. По-видимому, то исключение из этого переноса, относится к долготным ударениям, которые были или новоакутовые, или новоциркумфлексированные. Эти долготные ударения не подлежали переносу, они сохранялись во всех позициях, кроме тех случаев, которые мы приводили, т. е. в а. п. (в). в долготном типе в местном, тв. мн. этот перенос осуществился на предшествующий слог, если он был долготный. Опять-таки при помощи одной закономерности мы не можем адекватно описать ~~то~~ складывание того состояние, которое было характерно для словинского диалекта. Мы должны были внести кроме того поправку. И кроме того, переносились ударения долготного типа, которые в иных позициях трактуются как ~~новоцирк~~ новоакутированные ударения, - на предшествующий долготный слог. Перенос происходил на предшествующий долготный слог. При кратностном слоге это ударение сохранялось в конечной позиции. Вот эта поправка совершенно идентична закону Крижанича, и поэтому, по-видимому, есть все основания связывать эти две поправки - поправку словенской ретракции и поправку словинской ретракции с законом Крижанича.

Если мы обратимся к другим языкам, кроме этой группы - ~~западно-~~ ~~и~~ западнo южнославянской и вот этого западнославянского языка, то мы обнаружим очень мало

фактов, которые могут указывать на действие закона Крижанича. Это объясняется тем, что во-1х, в болгарском потеряна парадигма морфологическая, а кроме того — в еще более ранние время, в среднеболгарском произошла такая же ретракция ударения, как в словенском, но только позиции ее уловить очень трудно. Поэтому там почти во всех случаях, во всяком случае везде, где мы можем ударения считать первичными, ударение оттянуто независимо от долготы-краткости. А в восточнославянских языках произошла потеря всяких долготных и тональных различий, и, естественно, смешение форм, выравнивание форм и т.д. По-видимому, один из последних этапов этого выравнивания застали памятники древнерусского языка, на которые опирался Станг, когда он пытался формулировать свой закон, т.е. памятники, в которых встречается какое-нибудь чрѣ́стѣхъ, по́пѣхъ и т.д., наряду с попѣ́хъ и пр., т.е. совершенно смешанные случаи, не регулируемые позицией. В болгарском наблюдаются какие-то косвенные следы этой закономерности, которые в определенных случаях очень трудно понять. Напомню, что в ср. роде произошла ретракция ударения: <u>ли́це</u> будет так же, как <u>се́ло</u>. Но вот во мн. числе в Им. и Вин. мы наблюдаем следующую картину:

ли́ца   но: села̀

И так ведут себя все долготные (как ли́ца): чрѣ́сла, кри́ла, ра́вна (прилагательное), но — села̀, ребра̀, мона̑, плеща̀, прилаг. добра̀.

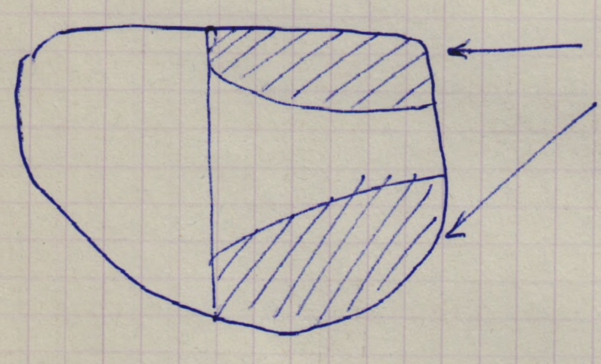
Тоже можно сказать, что это результат просто ретракции. Но дело в том, что ретракция произошла и здесь, здесь позициями не обусловленная, а здесь вот краткостный сохраняет ударение – следовательно, как будто бы оно с долготного (если это долготный), причем конечного долготного, на предшествующий не перетягивалось, если он был краткий, но если он был долгий, то перетяжка происходила. Тоже в таких случаях было бы трудно сформулировать закон одного типа – две разных позиции. Ну, какие-то рефлексы обнаруживаются еще в группе имен мужского рода, которые относятся к а.п. (в). Но вот этот случай тоже вторичный – тв. мн., причем и-основ и i-основ. Мы имеем в памятниках уже 13 века ~~грѣхми~~ (болгарские памятники, писанные писцом Гаврилом*): грѣ́хми, съ корабльми, в то время как гвоздь (не всегда ясно, относится ли это к типу (в)) – гвоздмѝ, жезльмѝ; ну, и конечно, это тип (в) совершенно точно – это й кънм'ӣ ('конь'). Т.е. вот этот вот краткостной тип полностью совпадает с подвижным типом: дармѝ, мѫжмѝ, ѕвѣрмѝ, татмѝ (из тех же памятников). Вот опять-таки мы встретились здесь с таким распределением, очень похожим на то, ~~с которым~~ что мы встретили у Крижанича. Конечно, оно вторично. То есть вот этот тип должен быть первичен – перетяжка

---

* Тот, которого Яцимирский в свое время считал Цамблаком – совершенно, по-моему, дикая гипотеза, научно-фантастическая работа Яцимирского.

с ера на предшествующий слог, а здесь это перестроено. Но чтобы это было перестроено, тут должна была быть система, по которой это все перестраивалось. По-видимому, это намек на систему типа закона Крижанича.

Очень немного, но кое-что можно уловить по *болгарским диалектам*, если мы будем рассматривать распределение в болгарском типа *бич – бичове*, мы можем в болгарском увидеть следующее явление. Существует группа диалектов, в которых имеется 3 типа мн. числа на -ове: *би́чове* (это ударение не передвигается при присоединении члена), *бобо́ве* и *бро́дове* (с членом – *бродове́те*). Любопытен тип *бобо́ве*. Есть другие диалекты, в которых его просто не существует; чем восточнее,



Здесь этого типа не будет.

Граница, где он распространяется, мне не совсем ясна, потому что описания, по которым я раньше работал, не очень хорошие. Здесь каким-то клином (куда он идет дальше, не совсем ясно) существует этот тип. Если его собрать и посмотреть очень внимательно, то оказывается, что бо́льшая территория, на которой он имеется, — он встречается вообще говоря от имен на -о- [(о в корне)], ну, иногда встречается от имен на -е-, т.е. от имен краткостного типа

Имена же долготного типа а. п. (в) перешли вот в этот тип, а этого типа нет. В том же тетевенском будет не брестове, а бр'а́стове, гр'а́хове (хотя это бывший тип (в), но это долготный тип) и т.д.; можно привести много примеров — этот-то диалект описан довольно хорошо.

В Чудовском Н. З. мы тоже наблюдаем такого рода остатки, но менее устойчивые. Мы там наблюдаем села́ Им. мн., но встречается и се́ла, плеща́, но ли́ца, но есть и лица́, так что все спутано, колеблется. Поэтому здесь уже очень трудно что-то сделать.

Я еще говорил о том, что без этого закона можно было бы легко обойтись, предполагая, что он проходил, допустим, в отдельных западнославянских языках, в словенском и кайкавском диалекте Крижанича, если бы не целый ряд моментов словообразования и морфологии, где очень трудно что-то сделать, не предполагая такого рода перетяжки. Она точно совпадает по своей позиции и по своему характеру с перетяжкой в данных формах. Это прежде всего причастия на -ан. Причастие на -ан от глаголов на -а и йотированный класс в презенсе в диалекте Крижанича показывают такое же распределение, правда, немножко морфологически преобразованное. Тип долготный от того же глагола вязать будет swêzani, от писать — pîсано, от казать — kа̂зан, от зидать — zîdani. Вот это долготный тип. Что ~~[illegible]~~ происходит в краткостном типе? — В краткостном типе ударение сохраняется на том

в Им. п. мужского рода, а в других формах (20
оно оказывается на конце, т.е. получилось расщепление
этого единого глагольного типа на два подтипа этих причастий.
Причем причастия краткосложные совпадают с подвижным акцентным типом, который существовал в этой группе: типа дан – дано́. Здесь идет скресâн, solдано̀ (мазь), ìskana̍ (от искать; это не долготный тип, потому что там был ерь), чazaslaní и т.д. (это все глаголы а.п. (b)). Это распределение распространяется также на целый ряд глаголов уже слитных, т.е. глаголов с основой на -aj, а также глаголов на -ov-: истолковані́, окованí, напечаті́ и т.д. Все глаголы краткосложные идут по этому типу – с конечным ударением. В долгосложном же типе происходит вот эта вот ретракция в любом случае.
[Конечноударенный тип иначе объяснить никак нельзя, он совершенно не понятен. Почему здесь конечное ударение? Здесь нужно, по-видимому, предполагать два процесса: разделение этих двух типов, а потом совпадение, слияние с теми немногими сначала, но все-таки довольно сильной группой подвижноударного типа, которые имели подвижное первоначально, вероятно, ударение в причастиях на -ан, а у Крижанича имеется тенденция в многосложных именах ударение этого типа – в прилагательных, причастиях – обобщать конечное ударение. Это особенно видно по прилагательным на -ѧн: деревянный и т.д., где тоже ударение конечное. Во всех остальных формах это будет совершенно одинаковое ударение, т.е. в

инфинитиве будет свеза́ти и креса́ти, в презенсе будет свя́жет и скре́шет, пишут — кре́шем (это первое лицо).

Лекция 11. 14.V.1974 г.

~~В прошлый раз мы не закончили рассмотрение Закона Крижанича в глаголах.~~ ~~Сегодня~~ я напомню, что причастие на =ан= у группы глаголов типа писати, кресати — писан, кресан — ведут себя по-разному в диалекте Крижанича. ~~Что это за глаголы?~~ Это глаголы а. п. (в), йотированные в Praesens-е: пи̏шет, кре́шет. В обоих случаях мы имеем накоренное ударение в Praes., только в пи̏шет у Крижанича ~~будет~~ знак долготного ударения, а кре́шет — ~~будет~~ знак (и̑) краткостного ударения. Это долготное ударение, ~~соответствующее~~ новому акуту, ~~новый акут~~ долготы. А на е̑ — новый акут краткости. Так вот в причастии здесь ~~будет~~ резко расходящаяся картина: пи̂сано, но скреса̂н, скреса̄но́ (ср. р.) — здесь может быть знак долготы. ~~Вот~~ Понять, почему получилось здесь конечное ударение ~~очень сложно.~~ ~~Собственно далее~~ невозможно, если мы не предположим, что в этой группе глаголов произошло размежевание первоначально под влиянием какого-то закона, по которому ударение над а, над долгим а̂ переходило на предшествующий слог, если он был долгим и оставалось на этом слоге, если он был кратким. Вот это ударение (скреса̄но́) тогда будет вторичным. Это ударение должно быть объяснено как результат вторичного уподобления типу глаголов с подвижным ударением. Глаголы (односложные) √ дан, дано́ — с конечным ударением. Причём ~~сначала~~ мы должны предполагать, что (сначала) √ в дано́ было: да́но, дана́, дан, по-видимому, подвижное

ударение, но у Крижанича вообще происходит процесс генерализации конечного ударения вот в таких подвижных формах.

Вопрос: Был какой-то закон, по которому совершался это перенос?

Ответ: Закон, по которому с внутреннего или с конечного долгого слога ударение переносилось на предшествующий долгий же и сохранялось, естественно, в тех случаях, когда впереди был краткий. Это закон, который я полагаю (определяю) в определенном смысле законом Станга. У которого вообще с внутреннего циркумфлектированного слога или конечного циркумфлектированного слога, долготного, ударение переносилось на предшествующий слог, независимо от его количества. До этого был материал по именам, где я старался показать, что именно действовал вот такой закон – на долготный переносилось, а в краткостном ударение сохранялось на прежнем месте. Но сами имена еще не дают полностью такой ясной картины. Вот я хочу показать здесь, что мы всё-таки вынуждены, несмотря на неясность картины в именных окончаниях, не очень ясной, принять этот закон как действующий в какой-то период праславянского языка, в конечный период, т.к. иначе нам просто непонятны многие явления в глагольной системе или в словообразовании. В словообразовании я буду потом касаться этих вопросов, когда мы будем проходить формулы порождения акцентов производных, а о глаголе [redacted] я вынужден сделать некоторые экскурсы в самом начале. Затем мы возвратимся к этому и рассмотрим то, какую роль играет эта закономерность в классификации

XI.

ряда глагольных форм и глаголов в реконструкции глагольного ударения. // Дело в том, что вот в эту группу (пи̑сано) входят только долготные глаголы а. п. (в), а в эту группу (скреса̑н) - краткостные. Причем, это распространяется в диалекте Крижанича не только на йот-презентные глаголы, глаголы с основой йотированной в Praes., но и также на целый ряд глаголов, которые имеют показатель =aj= в презенсе, а также глаголы на =ov/=aj. - вот на эти две группы глаголов. Но сейчас рассматривать эти примеры будет несколько затруднительно, т. к. это связано вообще с наличием или отсутствием первоначальной подвижности вот в этом типе глаголов. Я думаю, что есть факты, которые говорят о том, что даже вот в этой группе глаголов существовала в праславенском какая-то подвижность ударения. Причем, были конечноударенные формы, которые отразились, кстати сказать, в сербском, в штокавском. Принятие здесь закона Крижанича, в этой вот группе форм для праславенского периода, по-видимому, совершенно необходимо, потому что причастие пи̑сан, чи̑тан и т. д. существуют и в русском языке (литературном и диалектном) и все эти формы объясняются оттяжкой ударения с суффиксального =a=. Предполагалось, что оно оттягивалось в любых случаях и вот в этой группе форм - кресан и писан. Предполагалось также, что это происходило в праславенский период. Тогда мы должны вот эти формы (креса̑н) считать какой-то инновацией.

Но эта инновация (тоже) оказывается непонятной с системной точки зрения: почему это вдруг часть глаголов восстановила своё старое ударение. Естественнее поискать в других языках отражение этих распределений. Это отражение, во-первых, ясно прослеживается в словенском, вот такое распределение.

Возьмем, например, словенские глаголы

vę́zati и česáti (перетяжки нет с долгого)
ká́záti
оба варианта допустимы.
Мы договорились на прошлой лекции, что, по-видимому, с внутреннего слога перетяжки на предшеств. не осуществлялось, если он не был долготным в словенском. А вот в причастиях на =an мы получим всегда
vę́zan
kázan ... и т.д., собственно все долгогые глаголы этого класса дают такие причастия.

А в то же время все глаголы краткостные дают причастие на =án, причем долгогие причастия новоакутированного типа — долготные ударения:

česán
klepán новоакутовое ударение на
tesán и т.д. конце.

Т.е. все (первично) краткостные глаголы ~~с точки зрения праславянского все~~ будут иметь такое ударение.

Т.е. мы явно встречаемся с тем же самым типом (распределения) ударения, что и у Крижанича.

XI.

В различных сербских диалектах это распределение очень сильно сломано, но краткостный тип всё-таки сохраняет конечное ударение. В чакавских диалектах можно найти большие группы слов, которые показывают:

pocesân, -a, -o причем, здесь ударение не перетягивается на... [корень].

glodân, -a, -o

očân, -a, -o

darovân, -a, -o (пример на глагол =овать). И еще ряд примеров можно дать из этого диалекта. Но, к сожалению он описан не совсем правильно с акцентологической точки зрения, т. ч. ни одного примера с долготным корнем автор не даёт.

В штокавском произошло следующее. Мы говорим, что этот тип имея тенденцию переходить в подвижный, или согласоваться с подвижным типом (у Крижанича, ~~но там~~ весь подвижный тип перешел в окситонированный). По-видимому, в сербском произошла иная картина. Там как раз влияние подвижного типа привело к переводу всей этой группы причастий в подвижный тип. Поэтому глодан (который должен быть конечноударенным) - на самом деле имеет перенос ударения на о̑, но это не новый акут, потому что когда мы присоединяем приставку, получаем ѝзглодан - явно вторичная подвижность. То же самое: крѐсан, ѝскресан.

Так что штокавские примеры никак не противоречат тому, что закон действовал первоначально и в этой области. Во всяком случае, вот эти вещи никак не соответствуют тому, что можно предполагать для писа́ти - пи̏сан, т. е. здесь не отт...

предшествующий слог, а по-видимому, совпадение конечно-ударенной парадигмы, перевод её в подвижную [а.п.]. Отсюда ~~вот~~ перетяжка на приставку.

В начальном плане это распределение подтверждается и среднеболгарскими текстами. Мы имеем (хотя есть ряд противоречащих примеров), в основном, выдержанное распределение по первоначальному количеству, особенно в краткостных формах. Мы имеем: в киприяновской группе:

привѧ́заnь, пи́сано, nеска́заннѫ

Но оклевета́нь, посла́ни, създа́нь, ѹ҆готова́нныи, начръта́нныи, Исключ. раско́пань.

Собственно каких-то явных исключений... здесь встречается с краткостным корнем раско́пань. Ну, это можно рассматривать как вторичное (долготы уже потеряны).

Та же самая картина в памятниках тырновской группы: напи́сано, ска́зано, свѧ́занъ, не и҆спы́танны, Но не ищевáни, сочетánnомъ и здесь есть глаголы из другой группы: ѡ҆бѣща́nnаꙗ, совѣща́nnаꙗ – это примеры, которые не входят в схему, но нужно учитывать, что данная группа глаголов (вот эти "слитные на=aj") по-разному себя вели в разных языках. Они входили в ту группу, которая подвергалась [подчинялась] или не подвергалась [подчинялась] закону Крижанича.

Остается вопрос о древнерусском. В современном русском мы имеем, как было сказано, всегда оттянутое ударение на слог, предшествующий формантy -ан-

т.е. мы имеем написа́но, даро́вано, образо́вано и т.д. Древнерусский материал, по крайней мере, ближе всё-таки тому, что мы должны предполагать, принимая за закон. Во-первых, по-видимому, это все замечают, в древнерусском глаголы на =овать при образовании причастия на =ан= не оттягивают ударение на =ов=. В Чудовском [Новом Завете] мы обнаружим следующее (собственно мы и должны это ожидать): напи́сано ска́зана, привя́зану. Но все глаголы на =ов будут иметь ударение на =ан=:
Напр. образова́но, дарова́нага, коренова́ни и т.д.
Причем, учтите, такое ударение в этой группе глаголов [прослеживается] вплоть до Петровских Ведомостей ~~сохраняется~~. Можно набрать целую коллекцию форм: завоева́нное, коронова́н, и̓ командирова́ны, о̓рдинова́нъ и т.д. Можно привести еще примеры, но это не меняет ситуации. Собственно нет ни одного примера из текстов 17 в., в которых был бы перенос ударения на =ов=, я [таких] не знаю. Может быть, они и были, я не встречал. Вот эта система уже ближе к тому, что мы имеем по закону Крижанича. Следовательно, здесь мы видим, что в истории русского языка происходит ~~явный~~ процесс обобщения ударения на форманте, предшествующему суффиксу =ан. Думаю, что это обобщение происходило и в краткосложных глаголах йотового типа. Во всяком случае ударение в слове, которое осталось как субстантивированное причастие, осталось как имя существительное, относившееся к краткостным основам, говорит в пользу

этого предположения. Это всем известная нам сметáна, которое следует, по-видимому, реконструировать: *~~smetje~~ sъmetana В данном случае не происходит переноса. По-видимому, субстантивация [этого слова] отрезала (?) её от причастия, потому что старого места ударение не сохранилось.

Есть еще одно распределение в современном русском, которое очень заманчиво связывать с данной закономерностью. Если вы возьмете от i-глаголов (с) а. п. действительные причастия настоящего времени, то вы обнаружите в современном русском языке, несмотря на то, что данная форма церковнославянская, любопытное распределение. Дело в том, что причастие нормативное даже, на =ящий (от глаголов а. п. (с), т.е. тех, в которых в презенсе ударение всегда на корне) имеют два типа [ряда] ударения: одни причастия на =ящ= имеют ударение на корне, другие – на форманте =я́щ. Причем, распределение идет явно по морфонологическому признаку: в тех случаях, когда эти глаголы имеют в корне =о=, ударение падает на =я́щ, в остальных случаях, т.е. в тех случаях, когда с праславянской точки зрения здесь был долготный корень, мы имеем в основном, ударение на корне. Совпадение этой группы причастий, ставших украинскими (аналогичные формы) приводит к мысли, что всё это очень старое распределение. Я имею в виду эти

XI рубúть - рублю́ - ру́бящий
давúть - да́вит - да́вящий
любúть - люблю́ - лю́бящий
служúть - служу́ - слу́жащий и т. д.
Но водúть - водя́щий
просúть — прося́щий
носúть — нося́щий
ходúть... — ходя́щий и т. д.

Колеблется, конечно, ударение, но общая закономерность сохраняется. Вот <u>городя́щий</u> (горо́дить) — по этому типу, но это исключение из правила на -<u>оро</u>-, -<u>оло</u>- оно, вот в эту группу вводится. Этому правилу, конечно, не должны подчиняться глаголы а. п. © [вопрос о глаголе ма́ни́т], но это нужно исследовать по старым текстам. Когда-то Кипарский в своей работе старался как раз на причастиях доказать, что типа (B) почти не было в глаголах на -i-. Как раз причастия наименее характерны. Но тут явно наблюдается какое-то распределение. Я в своей рецензии на Кипарского просто съехидничал: если он по причастиям собирается реконструировать древнее состояние, то почему просто не обратиться к инфинитиву.

Теперь ещё одна группа [ответ на какие-то вопросы: ... „для меня этот вопрос еще не закончен, я делюсь какими-то своими наблюдениями; м. б., кто-нибудь это исследует...“] - это группа глаголов на -i-. Уже стало общим достоянием акцентологов

теория о том, что отыменные глаголы на =i= имели а. п. (a) в том случае, если они образовывались от имен а. п. (a), а. п. (b), если они образовывались от имен а. п. (b) и а. п. (c) в том случае, если они образовывались от имен а. п. (c). Но это правило чисто и с очень малым количеством исключений работает только для среднеболгарских текстов. Во всех [других] языках имеется масса исключений, приходится принимать [во внимание] аналогии и пр., пр.
Если же мы возьмем хотя бы Псалтырь Киприана (тексты Киприана), то там мы увидим, что всё совершенно правильно идет по этой закономерности. Ну, допустим, от прилагательного чист, которое относилось к а. п. (a) — было очи́ститъ, от слава а. п. (a) — будет сла́витъ, и́спра́вит мѧ, насы́титься, возвели́читься, м. б., ока́менѧ сѧ. И от прилагательного мал — будет оума́лихом сѧ

От а. п. (b) встретим точное следование этому правилу: о̂дъжди́тъ, въсе́литсѧ, въдво́ри сѧ, хвала́, хвалу́ — хва́лиши, тру́д, труда́ — оу̑тръ̑дисѧ, суд, суда́ — разсѫ̑дитъ. и т. д.

[вопрос о действии приставки на а. п. Ответ: приставки не меняют а. п. глагола. Это в Хорватском есть перенос на приставки, но это позднее явление. В 17 в. в сербском еще не было переноса на приставку].

От а. п. (c): весть — възвѣсти́, благ, благо́й — ублажѫ̑ ти, жив, жива́, жи́во — живи́тъ; о̂снѣжѫтсѧ (снег, снега́),

го́род - загради́т. Можно еще привести много примеров, но принцип, по-моему, ясен.

Так вот среднеболгарские тексты, в основном, прочно совпадают с этим правилом. Там есть какие-то исключения, но они согласуются с колебаниями в самой а. п. имён. Ну, какой-нибудь прости́тъ - прост, нов, нова́, но́во - тоже колебалась а. п. Важное исключение прѣгрѣш͞и и т. д., которое, по-видимому, свидетельствует о том, что грѣхъ, грѣха́ бл подвижным первоначально, потому что во всех языках проходит это исключение. Это, видимо, была u-основа, а они имели тенденцию переходить в а. п. (b) - имя. А глагол так и оставался подвижного типа.

Вот это вот очень четкое распределение оказывается нехарактерным для диалекта Крижанича и вместе с ним ряда других языков.

Если мы распишем таким образом материал рукописей Крижанича, то окажется, что совершенно четко будет идти по данному правилу а. п. (a), т. е. в числе их имеем сла́вим, мра́зим и т. д. В общем 39 глаголов выписано, которые совершенно точно совпадают по своей а. п. с а. п. имени.

Совершенно четко также совпадает и вторая группа глаголов а. п. (c): снег - снижи́м, шум - шуми́м, злато - злати́м. А. п. (c) имени соответствует а. п. (c) глаголов.

Как только мы переходим к а. п. (b), то обнаруживаем следующее, совершенно четкое распределение:

все глаголы, которые образованы от долготных имен а. п. ⓑ, идут по типу а. п. ⓑ:

трубá, трубý — трŷбим
гнездó, гнездá — гнŷздим
суд, судá — сŷдим
слŷжим, крâлим (корáль, корол́я), трŷдим, кључим. Я выписал 31 глагол такого рода.

Все они долготные и все они а. п. ⓑ

В то же время от краткостных имен а. п. ⓑ почти все глаголы, которые мы находим у Крижанича, которые мы строго должны отнести к отыменным глаголам, — идут по а. п. ⓒ, т. е. (чтобы четко было видно в сравнении со среднеболгарскими псалтырями, то я дам соответствующие глаголы):

от тло — телûм, дворûм, (от крест, крестá) крестûм, чертûм (от чертá, чертý), (перó) — перûм, (хмель, хмеля́ — у Крижанича так, и, по-видимому, это старое ударение) — хмелûм, (дождь, дождя́) — дождевûм и т. д. Вот 30 глаголов от имен [краткосложных] а. п. ⓑ, которые дают ~~вот~~ такую картину.

Это очень любопытное распределение. И когда мы возьмем славянские языки на более ранней ступени их развития, то мы обнаружим, что в общем-то мы можем разделить языки на 2 группы, которые ведут себя также как Псалтырь Киприана (где более или менее строго действует закон выбора а. п.) или же идут по типу Крижанича. Как бы мы ни оценивали это распределение: как результат вторичного ~~то-ли~~ морфонологического процесса по долготному распределению, или же как первичное, это правило всё-таки имеет большое значение в классификации славянских языков.

диалектов. Если мы посмотрим древнерусский язык, то окажется, что в своих текстах XIV вплоть до XVIII в. идет всё по типу диалекта Крижанича.

Примеры (древнерусский язык):

а. п. (в): блуд, блуда́ – блꙋ́димъ   В Чудовском Нов. Завете

долгосложный тип. хула́, хулу́ – хул.

слоужю

от любы́ – люблю́, лю́биши

хвала́, хвалы́ – хвалю́, хва́лиши сѧ

суд, суда́ – су́дитсѧ

(не)обли́чать, от прилагательного мёртв – оумёртвите же

В то же время от [краткосложных имен (в) а. п.] будет: от село́ – сели́тсѧ

от поста́ – постѧ́тсѧ, общи́тсѧ, кр҃ти́тсѧ

А. п. (а) и а. п. (с) идут точно по правилу. Это наблюдается с XIV в. по XVIII в. Вот памятник XVII в. Кормчая, в которой мы буквально то же самое встречаем; т.е. будет: слоу́жатъ, исоу́дитъ, възлю́битъ, хоу́лятъ, хва́лятъ – [это долгосложные основы]. В то же время при краткосложных будет: крестя́тъ, йстощи́тсѧ, пости́тсѧ, прѣсели́ши, ѿтщети́тсѧ.

Вплоть до XVII в. это распределение остается в силе: в старых краткосложных всё идет по конечноударенному (подвижному) типу, а от старых долгосложных (в) а. п. все глаголы идут по а. типу (в).

Для того, чтобы [redacted]вести это правило к самым истокам становления глагольной системы, строгих оснований нет, поскольку целая группа глаголов неотыменного происхождения относится к а. п. (в), несмотря на

то, что они краткосложные. Это итеративы типа <u>ходи́ть</u>, <u>хо́дит</u>, <u>носи́ть</u>, <u>но́сит</u>, <u>вози́ть - во́зишь</u> и т.д. - вот эта группа глаголов. Тут, данное ~~вот~~ распределение вводит дополнительные трудности в проблему реконструкции глагольной системы. Мы будем этого касаться более подробно потом, а пока я просто сообщу о той гипотезе, которую выдвинул в своё время Станг. Он считал, что глаголы на =i= (-itь) имели первоначально, с самого начала, три а. типа: [с ударением] на корне (в том случае, если корень был акутированным) - это а. тип (а.п.) ⓐ, на тематическом гласном (здесь был циркумфлекс) - это а.п. ⓑ и вот этот подвижный тип, который имел ударение на суффиксе, первоначально, по-видимому, на конечном гласном,

Здесь схема (потом было сдвинуто ударение), во всех формах, кроме 1 л. ед.ч., где была форма - enclinomena (ну, это ясно, что форма enclinomena, поскольку на приставку в 1 л. переносится ударение - <u>по́гублю</u>, а если это без приставки

см. у Стг. то будет, видимо, вот такое ударение ğubljǫ (ро̏дивлю)). И вот в какой-то момент праславянской истории произошел процесс, который я называю Законом Станга, хотя вообще-то этот процесс предполагался до Станга, он явно вытекает из рассмотрения отыменных глаголов: это перенос циркумфлектированного ударения с внутреннего слога (вот этого циркумфлектированного, а не то который характеризует формы энклиномена), какого-то балто-славянского циркумфлектированного ударения на предшествующий слог. И в результате этого получилось эта вот а.п. ⓑ, которую характеризует конечное ударение (например <u>ношу́</u>) ⓐ -̏itь ⓑ -ĩtь ⓒ -̏itь

а. п. ⓑ: -ītь 1 л. ед. ч. nosjǫ́ – здесь долготный, первоначально акутированный, по-видимому, гласный, ударение стояло здесь, т. к. тематического гласного нет, он, собственно, превратился в йотацию, здесь ударение [старое] осталось, а во всех остальных формах nòsiši, nòsitъ – ударение переходит вот сюда, и здесь возникает новый акут, в данном случае новый акут краткости, а в глаголе типа любл́ю, лю́бишь – там новый акут долготы. Этот новый акут можно легко проследить, исследуя его рефлексацию по разным диалектам. В том числе в посавском. Если он долготный, то он будет определенным образом выглядеть. Таким образом возникла вот эта вот а. п. ⓑ. Всё как будто бы совершенно ясно. И вдруг здесь вот получается вот это вот распределение. Оказывается, что отыменные глаголы, в целой группе языков ведут себя в общем не таким образом. Они переносят ударение на слог перед тематической гласной вовсе не в любом случае, а только в том случае, если там была долгота.
Можно было бы отбросить закон Станга и просто сформулировать закон Крижанича. Но как раз глаголы типа носишь, возишь и т. д. ведут себя по Стангу.

Что здесь произошло? Почему это так?

Этот вопрос остается неясным для меня.
Проще всего, конечно, ввести хронологическую дополнительность, считать, что в такое-то время был закон Станга, потом, значит, в именной области, и в области словообразования аналогия снова распространила конечное ударение и снова повторился процесс, но уже на другом уровне. Но это очень простой выход, который очень часто злоупотребляют. Может быть, можно искать что-то другое.

Но может быть и другой выход, что простые глаголы этого типа не переносили ударения на -i-. Это не совсем верно. Дело в том, что по теории, которую мы предложили с Иллич-Свитычем, первоначально вообще не существовало а. типа (c), который Станг считает изначальным. Мы же считаем, что существовал один тип (лишь? один из них), где ударение было на корне. И а. тип (c) сам возник вторично ~~[illegible]~~ путем движения акцента вперед от начала слова на слог вперед, в результате которого возник а. тип, с которым потом удобно работать при помощи закона оттяжки. ?. ...Это итеративы. Итеративы могли иметь другой суффикс, ~~другую~~ [бормотание]... Они отличаются от глаголов каузативного класса. Они только акцентологически распределяются. И если мы,

=д'а= итератив каузат; =аýа= =аýа'= отыменные

допустим, возьмем древнеиндийский. Там каузативы и итеративы имеют вот этот формант. Правда вот есть еще... Каузативы внутри неясно, что было, но вот отыменные глаголы имеют в древнеиндийском другое ударение, т.е. древнеиндийские каузативы и итеративы имеют вот это ударение =аýа, а отыменные глаголы на =аýа' имеют вот это ударение. Но это всё слишком далеко. И совершенно невозможно установить, что за этим кроется, с какими процессами мы должны считаться. Остается только надеяться, что в дальнейшем какой-то новый материал, или какой-то новый взгляд на этот предмет, который кое-что прояснит вот эту картину.

И тем не менее уже для работ более позднего времени для классификации акцентных систем глагольных в памятниках и современных диалектах вот это распределение всегда приходится учитывать, и все языки как-то распределяются на два типа: тип, который точно соответствует этой закономерности, который выглядит более поздним (это вроде ~~болгарского~~, среднеболгарского; в болгарском мы имеем вообще целый ряд ретракций, мы можем там предполагать и

ретракцию вторичную с этих глаголов, но при этом мы должны предполагать, что тип (b) в данной ситуации (кратносновой) еще не совпал с типом (c). Т.е. вот получается, что если мы просто формально будем работать с этим распределением, то мы должны думать, что было вот такое распределение: слáвит – слу́жит / дворúт – снежúт
(долгот.) (кратност.)

Т.е. вот в какой-то период была такая картина: тип (b) делился на 2 варианта: с долготой (где было оттянутое ударение) и с краткостью, но он оставался типом (b). А тип (c) представлял свою замкнутую группу, тип (a) – естественно. Потом происходит в одних языках совпадение вот этих двух типов: этот тип переходит в эту группу, а эти остаётся. Это тип Крижанича и тип древнерусского языка. А в других языках происходит вторая, дополнительная ретракция (это вроде болгарского и там, думаю, что в штокавском). И оба типа совпадают. И это предохраняет кратносновый тип глаголов от перехода в эту вот группу.

Теперь было бы нужно объяснить относительно штокавского, потому что в общем-то современное состояние говорит о том, что как будто бы этот язык относился к типу Крижанича.

Там все краткосложные глаголы, бо́льшая часть краткосложных глаголов из а.п. (b) перешла в тип (c). И первоначально я думал, что это говорит о том, что штокавский относился к тому типу ударения, который отражен в диалекте Крижанича. Но вот памятники XV в. показали, что там ситуация значительно более сложная. И всё дело обстоит как раз наоборот.

Что же там произошло?

В XV в. там еще краткосложный тип (b) был. Но здесь происходит характерный для штокавского процесс. Глаголы а.п. (c) долгосложные оттягивают ударение на корень, может быть, это даже фонетически, и тип (c) распределяется на два подтипа. а). вьзвесели́ши [ударение] остается на своем месте, — это краткосложный глагол, и 1 л. ед.ч. у него будет вь́звеселю, т.е. с перетяжкой на приставку; но б) вьскрьси́ти (образует 2-ой тип), во 2-3 и т.д. лл. он переносит ударение на корень — вьскрь́сиши, а а.тип 1-го лица сохраняется вь́скрьшю.

А.п. (b) подвергается воздействию вот этих вот глаголов ($c_б$), т.к. во всех остальных лицах, кроме 1-го л., они акцентологически совпадают и образуют в XVII в. уже как вариант видно образуют формы по этому типу. Будет вьзвра́тит (это совершенно правильно — возворо́тит), но вь́звращю (это по аналогии) наряду с вьзвращю́.

ещё есть эта форма – възвращю̀ с правильным ударением на =8 (по аналогии с этой вот вторичной группой (б)). Эти две парадигмы сливаются и, естественно, какой-нибудь каузативный глагол типа ло́жити – так он ещё имел – възло́жити и т.д. получает также форму въложу, но он кратностный. Он ещё ..., в XV в. ещё выло́жити получается выло́жить. Эти совпадают между собой, этот, естественно, стремится перейти в эту группу. Этот кратностный тип, естественно.... получается противопоставление по долготности и по кратности: кратностный тип переходит в ©, а долготные все совпадают в типе (в). Вот что происходило в сербском. И сербское распределение явно вторично вот в результате совпадения глаголов типа © долготных с долготными типа (в).

В следующий раз мы ~~перейдем~~, снова возвратимся к имени.

XII

5.XI.1974.

Лекция 12

Относительно сербского глагола, ~~наверное~~, мне первоначально казалось, что сербское ударение развивалось из системы, аналогичной системе Крижанича. т.е. мне казалось, что там были 4 группы глаголов

a а.п. сла́ва – сла́вити,
Здесь отношение глагола и производящего имени ясны: ударение у глагола – на корне, как в имени

c а.п. – спеши́т
Здесь тоже всё ясно: Ударение в соответствии с подвижн. типом имени, и здесь тоже подв. тип глагола.

А вот а.п. (в) расщеплялась на 2 группы:
долгосложные (слуга́ слу́гу) – слу̂жит.
краткосложные (село́ села / кре́ст, креста́) – сла̂ит (переходит в группу с).

Эта система, казалось, и проходит по сербскому материалу. А в дальнейшем знакомство с материалами памятника XV в. привело к тому, что пришлось пересмотреть это мнение. Приведу несколько примеров из этого памятника: (твори́ши м.б. заимствованным в это время) но вот:
же́нетсе по́стетсе разо́рит
[illegible]- женется и т.д.

К сожалению, очень ограниченный круг [краткосложн. глаголов]
Очень характерно для этого типа разо́рит(се).
Наблюдается такая регулярность, которая характеризует др.-серб. как тип, близкий к долгосложному.
Тип болгарский как раз характеризуется объединением этих двух групп (долгосл. и краткосложн.) с накоренным ударением: там будет тво́рить, же́неть, по́стится, разорится.
В то время как в древнерусском всегда разоре́т.
[продолжает сербские примеры] ну также поло́жит
(но у меня есть подозрение, что он не был живым

глаголом). Собственно нет каких-то явных исключений, правда, крест – крестится идет как будто так. Это слишком мало для свидетельства о правильности первого распределения. Поэтому я предложил ввиду того, что краткосложные глаголы [Ⓑ а п] идут по болгарскому типу я предложил другую схему создания современного распределения. Эту всю схему помнит, наверное: первоначально слились глаголы долгосложные Ⓒ а п. и Ⓑ п. к. ~~у последующих~~ произошла какая-то перетяжка и во всех лл., кроме 1 л., (долгосложных!) глаголов а. п. Ⓒ они совпали с а. п. Ⓑ. В ~~это~~ же время в этом памятнике наблюдается другая характерная деталь: все глаголы а. п. Ⓑ долгосложн., кроме явных итеративов (ходит, носит и т. д., которые, кстати сказать краткосложные) получили в 1 л. форму enclinomena, т. е. форму с ударением, переносящимся на приставку. Получилось очень большое расширение перетяжки на приставку и вот это вот всё смешалось. ~~в~~ ~~дол~~ Так как распределение между глаголами а. п. Ⓒ и а. п. Ⓑ стало происходить по типу долгий-краткий, (здесь остались только краткосложные, а в этот тип смешанный вошли долгосложные глаголы). То вот эта группа, большая группа глаголов а. п. Ⓑ с накоренным ударением (неитеративных) перешла по аналогии в этот [тип]. Здесь такое перераспределение вполне возможно. Ну, всё, конечно, зависит от дальнейшего анализа памятников.

Я приводил этот пример тогда для того, чтобы показать, что та схема предложенная тогда, на-

меченная первоначально в общем - то может очень сильно измениться в ходе исторического исследования. Любой новый памятник, новый материал может очень сильно изменить. Но тем не менее для классификации а. систем и понимания, как они были связаны др. с др. и с именными системами, закон Крижанича и схемы, построенные на законе Крижанича, по-видимому, имеют свой смысл, они помогают понять все эти моменты.

[Ответ на какой-то вопрос о приставочных глаголах: Все они: напойт, повелйт, наплодйт и т.д. все идут совершенно нормально по конечноударному типу. Распределение, переход в тип (в) под влиянием приставок ещё не совершился. Вот это очень странно. Он, видимо, произошёл позднее. Нужно захватить этот момент, когда происходит этот переход под влиянием приставок. Ретракции нет. Сплошь выписанный материал из Ев. XV в. не показывает отклонений, он единообразен. Правда, м.б. там была не одна система. А потом такие же вещи проскальзывают и в других диалектах - в болгарских; бедненский говор идет по типу болг. (по тем материалам бедненского говора, кот. опубликованы), а Nori тоже идет, кажется, по этому типу).

Все эти отступления нужны были просто для того, чтобы понять, что же происходит в а.п. (в). У нас несколько лекций назад была изложена реконструкция, которая содержала исконное конечное

ударение, т.е. не конечное ударение, а на тематическом гласном. Эта реконструкция после всего сказанного сохраняет свою силу лишь для [redacted] имен краткосложных. Что касается имен, которые имеют долгий корень, там нужно делать поправку, по-видимому, на закон Крижанича, т.к. мы, если помните, реконструируем конечный долгий в окончании и, естественно, предшествующий долгий, в этом случае ______ ретракции. Где эта ретракция могла быть. Если мы возьмем и повторим эту реконструкцию уже для долготных имен мы будем иметь следующее

Ед.ч. N. slūgá

G. slū́gy (?) вот тут-то, по-видимому, можно реконструировать такую форму, под большим вопросом; просто перетяжка

Но вот те странные формы, которые встречаются в болг. и др.-рус. памятниках в Род.ед. с таким ударением, по-моему, объясняются именно этим процессом. Эти формы отмечались и мною и Колесовым (он по-своему их интерпретирует)

D. slūzě́ здесь ударение конечное.

Acc. slūgǫ́

In. slūgójǫ

Loc. slūzě̌

Мн.ч.

N. slūgý Скляренко считает, что slúgy – накоренное уд. У меня нет основания предполагать конечный долгий несокращенный. Поэтому я не могу объяснить. Скляренко предполагает

что ли, малоподвижную а. п. Но это без перетяжки на предлог, следовательно, просто начал-но оттяжка с конечного слога должна была бы произойти очень рано. Как объяснить эту оттяжку — мне неясно. Если бы здесь (на конце) был бы долготный, несокращенный долготный, то это это бы объяснялось законом Крижанича. Другие закономерности мне неизвестны. Поэтому я сохраняю пока такую реконструкцию. Но нужно оговориться, что м. б. и другая.

G. slť̍gъ Реконструкция понятна. Ударение просто переходит на предшеств. слог.

D. slťgámъ Это понятно

Acc. slťgý (?). С той же оговоркой, что и в Nom.

In. slťgámi

Loc. slťgáxъ

Дв. ч. N. Acc. slťzé

G. Loc. slť̍gū Здесь мы имеем ту же самую перетяжку, т. к. окончание долготное.

?) D. In. slťgama

Здесь отличие от краткосложн. основ только в Gen. ед. и Gen. Loc. Дв.

Посмотрим как [распределены] имена муж. рода

Ед. ч.

N. sťdъ̍ - с новым акутом в результате оттяжки с ъ

G. sťdá - конечное уд.

D. sťdú — " —

Acc. sťdъ̍ - здесь оттяжка с ъ, поэтому не отличается от краткосложных

In. sťdómь

Loc. sťdé

от того – стояло на них ударение или не стояло.
А все конечные циркумфлектированные долготы тоже сохраняются – независимо от того, стояло на них ударение или не стояло. А в славян. произошло дальнейшее развитие литовского состояния. Ну, с определенной нюансировкой. Т.е. в славян. сократились все акутированные конечные долготы, а затем сократились все безударные циркумфлектированные. И лишь долготы, где было конечное циркумфлектированное ударение, старое циркумфлектированное ударение, те сохранили. М. б. первоначально в принципе они сохранили долготу только в подвижной п.; а в остальных парадигмах эта долгота сохранилась под давлением системы: она или восстановилась, или просто сохранилась (оконч. Род. пад. д. б. быть одинаковым – и под уд. и без – это всё зависит от фонетической интерпретации). Напр., Вин. зи́му восстанавливается потому, что она есть в мягкой разновидности, она сохранилась в сербском и она соответствует циркумфлектированн. слогу в литов. А затем уже в самом слове распределение долгот, по-вид., сравнительно позднее (но некоторые моменты его были в поздний праславян. период) завесило от сложных отношений между местом уд., типом уд. и долготой. Ну, например, по-вид., очень рано такой порядок ‿ ́ (долгота нов. акут) не мог существовать >

совсем ясно (в праславянском). Непонятно, допустим, сокращение третьего от конца слога, во всех языках в общем-то сокращается, если нет вторичного удлинения и если это не нов. акут. Но, по-видим., это всё-таки более поздний процесс. Ясно только, до последнего времени было совершенно очевидно, для всех, что конечные долготы сокращались. Когда мы с Ил.-Св. занимались этим делом, то оказалось, что ... Считалось, что сокращались все конечные долготы, но оказалось, что конечные долготы существуют в соврем. языках. Поэтому вводились различные переходы и в Род. пад. почему долгое (я приводил примеры) и конечное -а в сред. р. во мн. ч. Вводились разного рода объяснения. Ил.-Св., когда писал книгу, он тоже заинтересовался этими долготами. Его это интересовало потому, что получилось несколько иное представление о предшествующем периоде. Оказалось-то, что окситонированной а.п. не было, а была сплошная баритонированная и подвижная. Когда удалось сравнить подвижную а.п., и самочить баритональность, то оказалось, что несокращенными в большинстве случаев яв-ся те долготы, которым ~~[illegible]~~ соответствуют балтийские циркумфл. долготы, но в ударном слоге. Если возьмем литов., то там по закону Лескина происходит следующее: все конечн. акутированные долготы сокращаются, независимо

Мн.ч.

N. sūdí

G. sū́dъ по-видимому, так

D. sūdómъ

Acc. sūdý – конечное уд.

In. sūdȳ – здесь нужно предполагать такое уд., т.к. долготное окончание

?) Loc. sūdě̆хъ – тоже долготное окончание.

Дв.ч.

N. Acc. sūdá

G. L. sūdū́

D. In. sūdóma

Имена сущ. сред. рода

Ед.ч.

N. Acc. gnēzdó
G. gnēzdá
D. gnēzdú
In. gnēzdómь
Loc. gnēzdě̆

В ед.ч. никаких трудностей нет. Но во мн.ч. зависит от того, какую реконструкцию (окончания) примем, от введения принятых закономерностей

Мн.ч.

N. Ac. gnḗzdā ← если принимаем первично долготн. оконч., но если в праслав. зд. была краткость, а долгота возникла по аналогии, то, естественно, эта форма должна была бы иметь конечное уд.

G. gnḗzdъ

D. gnēzdómъ

In. gnḗzdȳ → здесь совершенно ясно: перетяжка по закону Крижанича

L. gnḗzdě̆хъ

↓ с тем же переносом.

[Вопр. Какие „яти" сокращались? – Во-первых, под ударением рано сокращались акутовые долготы – под ударением на корне, помое время – это не

$\smile$ 1 долгий сокращался. Это я в лужицком (не нашем, а в Ваутцене) сборнике писал. Такой порядок сокращался очень рано. Это могло быть: Напр., вéсъ, Мест. мн. вēсѣхъ (подвижная а.п.)

Первоначальная долгота. В Мест. мн. ударение первоначально на ъ, но оно рано отходит: процесс перетяжки на е̌, возникает нов. акут. Рано произошло сокращение е̌, которое, однако, сохранило своё звучание, отличное от е. Но, м.б., была какая-то полудолгота, но она уже сокращалась.

Вопрос 2: не зависело ли сокращение от качества гласного? — Конечно, были какие-то потенции спорадические, напр. е и у как будто чаще сокращались. Но это сравнительно поздние факты. Иногда краткие гласные удлинялись, но это какие-то спорадические переходы. А так нет... Вот так начинает расползаться система]

Дв. ч. N. Acc. gnēzdé
G. L. gnézdū
D. In. gnēzdóma

Имена сущ. ĭ = основ

ĭ = основы я не привожу, потому что там никаких отличий не получается, там просто нет позиций, в которых происходила эта перетяжка, хотя, м.б., относительно поздно, но это в юж.-славян. языках происходила одна оттяжка (ну, потом на материале коснемся этого — это в Тв. пад. ед. ч. ĭ = основ наблюдается любопытное расхождение между вост.-слав. и ю-слав. языкой. В рус. © а.п. форма Тв. ед. является формой-enclinomene,

т.е. <u>за́ лошадью</u> будет, м.б. <u>за́ лошадь</u> (именно с предлогами). В то время как южнославянский довольно хорошо показывает по памятникам в этой форме <u>конечное</u> ударение, которое, правда, по-разному потом изменяется, т.е. формы имён на =<u>ость</u> имеют в болг. конечное уд, но сдвинутое на предшествующий слог: <u>крепостѝю</u> < <u>крепостию̀</u>. А формы краткосложные с односложными основами они очень сильно варьируют. Когда мы обращаемся к некоторым памятникам западноболгарским или к Крижаничу, то там наблюдается любопытная вещь. Как будто бы распределение идет по долготе. Какой-нибудь <u>солью̀</u>, но <u>ве́щью</u>, т.е. уже это распределение проходит в а.п. ©. Это у Крижанича объясняется совершенно просто: там закон Крижанича продолжал действовать позднее — происходит следующее

[пишет]

<u>ъ</u> выпадает, ударение сохраняется, потому что <u>о</u> остается кратким. А какая-нибудь ....

вот это, по-видимому, долготной, этот ъ выпал, здесь сохранилась, возможно, долгота. Во всяком случае произошло перемещение. Может быть, переход этой группы основ из конечноударенной в формы-экзиномена произошло в связи с этим процессом, т.е. первоначально оно было перетянуто и возникал новый акут. Тогда действовали интонационные различия, то, конечно, эти фор-

не могла быть энклиномена, а потом, когда было потеряно интонационное различие, то просто эти варианты возобладавшие при подвижной кривой (подвижной а. п.) перешли в энклиномена, В вост.славян. языках и частично в южнославянских языках. Но это свидет. о том, что этот закон и в восточнославянских языках действовал несколько в более позднее время, м. б. после падения еръ, В этот момент в какой-то степени. Но вообще в ĭ = основах просто не наблюдается каких-то различий потому что для а. п. (в) даже в этой форме просто мы должны были наблюдать переход [ударение] на предшествующий слог с Ъ. В сущности то, что мы наблюдали.

А для ŭ = основ здесь можно наблюдать несколько различающиеся реконструкции.

Ед. ч. N. gre̍xъ
G. gre̍xū — следует, вероятно восстан. долготное [оконч.], ударение переходило на предшествующий слог. Что-то подобное наблюдается по материалам Чудов. Нов. Завета. (Мы потом встретимся)
D. grēxóvi
Acc. grḗxъ
In. grēxъ́mь — здесь сильный ъ, он.......
Loc. grḗxū — это долготное окончание.

Мн. ч. N. grēxóve
G. grēxóvъ
D. grēxъ́mъ (это сильный ъ
Acc. grēxý
In. grḗxъmi — это слабый ъ, поэтому уд. переходит на ē
Loc. grḗxъxъ — здесь ударение как будто должно было

на ѣ, но по памятникам здесь наблюдаем формы с ударением на корне — в этой позиции (но не в этом слове — оно лишь нам представитель группы).

Дв.ч. N.Acc. grěxý
G.L. grěxóvъ (долгота)
D.In. grěxъma (перетяжка с ъ ничем не отличается от краткосложных).

Вот это то, что получается в результате введения поправки на Закон Крижанича.

Теперь просто перейдем к рефлексам а.п. (b) в славенских языках:

[redacted]	русск.	шток.	чак.	Крижанич
Ед.ч. N.	жена́	жѐна	žena̋	же̏на́ žená
G.	жены́	жѐнē	žené *	женê — долгота, но характер интонации не определен
D.	жене́	жѐни	ženi̋	žené — краткое ударение
Acc.	жену́	жѐну	ženű	ženú
In.	жено́ю	жѐнōм	ženún**	ženóm — в „Политике" у Крижанича форма скорее русская, чем его родная. И говорит, что у них в разных диалектах была стяженная и нестяженная форма.
Loc.	жене́	жѐни	ženi̋	— не найдена (м.б. есть где-то в записях).
Мн.ч. N.	жёны др.рус. жены́(**)	жѐне	žene̋	женѐ — наблюдается ` и ´ но всегда краткое
G.	жён	жѐнā^Δ	žen	
D.	жёнам	женама	ženam^ΔΔ	жена́м
Acc.	жён			
In.				
Loc.				

* долгое восходящее уд. на конце

** Восходящее ударение, это результат влияния, по-видимому, а. п. ©. Потому что должно было бы получиться нисходящее ударение. А вот рука́ — подвижной тип всё-таки предполагает первоначальное ударение рукою́, как будто бы остаточно эти формы сохранились, встречаются в древнерусских памятниках.

*** Др.-рус. мы увидим, что там почти исключений нет — слоу́ги один раз встретились.

∆ а̄ из ъ долгого. Странное. Скорее всего вторичное. Скорее всего оно могло быть в подвижном типе. Здесь получается новый акут краткости ....

∆∆ С восходящим долгим, но это результат оттяжки

- - - -

Лекция 13

В прошлой лекции мы записали соответствия основных языков, но при этом пропустили формы звательного падежа. Любопытно, что Зв., по-видимому, в именах жен. рода на -а- а.п. (в) был enclinomena. Это видно по чакав., штокав. материалу и по др.-рус. В штокав. жȅно! жȅне (мн. ч.) – это не совсем ясное и древнее

сȅстро! сȅстре

чакав. (Novi) žȅno žȅne

В памятниках такие формы перетягивают ударение на о (о̏ жено...) В бол. памятниках во мн. ч. У меня для сравнения приводятся только краткостные формы. Приведем для сравнения долготные формы а.п. (в) по диалекту Novi. Мы увидим здесь отражение нового акута.

Белич вводит lĩhȁ.

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	lĩhȁ	Им.	lĩhȅ
Р.	lĩhé	Р.	lĩh (нов. акут)
Д.	lĩhȉ	Д.	lĩhán (удлинение вторичн. перед сонантом)
В.	lĩhȕ	В.	lĩhȅ
Т.	lihún	Тв.	lĩhȁmi
М.	lĩhȉ	М.	lĩhȁh
Зв.	lĩho (циркумфлекс)	Зв.	lĩhe

Даже в этих опорных языках а.п. (в) далеко не так устойчива как а.п. (а). Она постоянно смешивается, и отдельные слова, прежде входившие в неё, переходят в подвижную а.п. Но, с другой стороны, в её состав входят из подвижной а.п. новые слова

всем полностью распределение этимологизированного словарного состава непроизводных имен мы потом просто дадим списком, во всяком случае, наиболее важных, а в данном случае можно взять пример устойчивых слов неподвижного типа в штокавском (долготного типа [(b) а. п.]). Можно взять бе́да́ и тру́ба́ – проведем долгое восходящее ударение (перетянутое) по всем формам. Их легко можно построить по общей схеме а. п. морфологической в штокавском.
В то время как целый ряд слов – и долготного и краткостного типа – сменили свою парадигму или создали "смешанный" а. тип в штокавском.
Характерный случай слуга, кот. мы знаем точно, что оно исконной п. (b). В штокавском:
слу́га, слу́гу, но мн. ч. слу̑ге, т. е. переход в а. тип (c).
К этой же группе относится срна, срну, мн. срне
стре́ла, стре́лу, но мн. стре̑ле
тра́ва, тра́ву, но мн. ч. тра̑ве.
В слове стена аналогия пошла ещё дальше – стѐну наряду с сте́ну.
Такой ход аналогии, по-видимому, связан с с наличием двух факторов: м. б. определенное взаимовлияние оказывает процесс распространения долготных [типов] в штокавском. Дело в том, что ещё Крижанич в XVII в. писал, что в штокавском все . . . -ности перемешивались, смешивались, т. е. вторичное шло распространение. Думаю, что было так:
Дело в том, что в многосложном слове слуга, напр., слугами ← в этой позиции долгота в многосложном

слове сокращалась. В то время как в штокавском боль-
шинство слов особенно в а. п. (в) эту долготу сохраняют,
т.е. распространяют фактически и в других формах. Любопытно, что
в тех формах, которые сохранили здесь краткость они
оказались наиболее подверженными аналогии по подвиж-
ному, именно от слýге мы имеем slùgama. Эта взаимо-
связь в количестве а. п., видимо, характерна. Я думаю, в
этом направлении можно думать, почему эти слова ох-
ватываются процессами аналогии. Но аналогии, конечно,
действуют не только в долгосложных основах, но и в
краткосложных. И с краткосложными дело обстоит
очень трудно уже потому, что, если первичный
состав долгих имен мы устанавливаем в резуль-
тате сравнения фактически всех славянских языков
между собой, также и западнославянский материал
используется для установления этого типа, то в
установлении первичного состава краткосложных
основ а. п. (в) нам могут помочь только русские, сербские
— в общем восточнославянские (русский в наиболее
древней фиксации) и сербохорватские диалекты и
штокавский (литературный) язык. Болгарский почти
ничего не дает. Поэтому когда мы пытаемся рекон-
струировать состав а. п. (в) в её полном виде, т.е.
краткосложные основы, то очень большую роль играют
[redacted] в общем-то памятники. Зап.-славян. язы-
ки, если исключить словинский, ничего не дают
для характеристики а. типа. двусложных имён.
Перейдем к материалу памятников.

XIII.

Чудов. Новый Завет (др.-рус. XIV в.)

(b) а. п. представлена следующими словами.

Ед. ч. Им. бѣда̀ вдова̀ вина̀ (уже идет по а. п. (b), но первично, по-видимому, а. п. (c) — по зап.-слав. языкам и встретим один раз форму по (c) а. п. в Чудовском Новом Завете; но остальные вариа́нты наиболее часто встречаемые — это а. п. (b)) вражда̀ глава̀ (идет по а. п. (b) т. к. заимствование и хотя большинство форм в ст.-сл. сохраняет свой а. тип, глава̀ идет по а. типу (b) — но это вторично) жена̀ корма̀ лжа̀ (это односложная основа, т. к. не имеет форм-ерс потепа, значит (b) а. п.) [лоуна̀] мгла̂ мзда̂ раба̀ рака̀ рѫка̂ рѣка̂ свѣща́ сестра̀ слоуга̀ слоука̀ стража̀ (не с новым акутом!) тма̂ троуба̀ тоуга̀ хвала̀ хоула̀. Любопытны также многосложные: высота̀ глоубина̀ долгота̀ (явно вторично, первично было до́лгота, конечно но уже в Чудов. Нов. Завете произошел переход в подв. тип прилагательных и всё ломается) крамола̀ лѣпота̀ овца̀ (вопрос об а. типе этого слова неясен. В Чудов. он идет в основном по а. п. (b), но во мн. ч. Им. встречается в совершенно русской форме — о́вцы) побѣда̀ похвала̀ (но есть и похва́ла) сатана̀ свобода̀ (вот это переход из типа (c), конечно) потому что свобода̀ свобо́ду — первоначально но в данном диалекте он идет по типу (b)). срамота̀ таина̀ ~~[illegible]~~ (это собственно первоначальное ударение, можно думать, что современное ударение та́йна — это болгаризм, результат второго южнославянского влияния: болгарск. таи́на а в результате сокращения → та́йна)

третина̀ тщета̀ храмина̂ широта̀.
(с циркумфлексом)

Род. вины̀ враскы̀ (слово встретилось один раз 'морщина, складка', а. п. (b) подтверждается по чеш. и словен. vrásk – с долготой) главы̀ жены̀ коуны̀ мзды̀ рабы̀ сестры̀ слоугы̀ стопы̀ средьі (это вторично, результат заимствования – середа̀ – а. п. (c)) тмы̀ травы́ хвалы̀ (обычно ц.-сл. форма не влияла на а. п. слова за небольшим исключением, типа среда̀ трава̀)

Многосложные: клеветы̀ крамолы̀ наготы̀ похвалы̀ простоты̀ сатаны̀ свободы̀ тщеты̀ тяготы̀ храмины̀ широты̀

Дат. винѣ̀ (ѣ̀) к женѣ̀ (ѣ̀) лоунѣ̂ рацѣ́ слоузѣ̂ котлѣ́ хвалѣ̂
похвалѣ̂ сатанѣ̀ храминѣ̀

Наиболее показательный падеж для распознавания а. п. (c) – это аккузатив.

Акк. бѣдоу̂ виноу̂ (1 раз – вѝну; ~~[зачёркнуто]~~ – могло бы быть описокой, но в зап.-слав. языках это слово идёт с краткостью, можно проводить его по а. п. (c)).
враждоу̂ главоу̂ урахмоу̂ женоу̂ змию̀ лжю̀ лоукоу̂ мьздоу̂ прю̀ пятоу̂ рѣкоу̂ (на рѣкоу̂ – всегда так и даже "извурина" – даже так; сначала начинает перетягиваться на́ реку, а потом вообще переходит в подвижн. тип, это судя по тем материалам, которые даёт Колесов).
свѣщю̂ сестроу̂ слоугоу̂ стражю̀ во тлю̀ во тмоу̂ травоу̂ троубоу̂ (это, видимо, ещё праславян. заимствование) хвалоу̂ (оу̂) хоулоу̂

высотоу̂ глоубиноу̂, но клевѐтоу (непонятен вариант; отглагольное существ. как будто по всем основаниям и сло-

темам идет по а. п. (в), а вот здесь так.) побѣдоу
похвалоу (и похвалоу) просфороу сатаноу свободоу
срамотоу таиноу третиноу пустоту храмінѣ широтоу

Тв. съ женою лихвою лоукого
лѣпотою простотою, но побѣдою (побѣда, но)

Мест. на главѣ кормѣ во лжѣй в мяцѣ при рѣцѣ
на средѣ (?) остражей во тмѣ в троубѣ о хоулѣ
Варианты с накоренным ударением в ряде случаев
могут быть просто болгаризмами.
Многосложные: въ высотѣ в наготѣ о побѣдѣ
в простотѣ ѡ таинѣ (в таинѣ — что соответствует
регулярному ударению в болгарских памятниках)
в храминѣ (в храмінѣ

Зв. жено главо сатано
(формы в Зв. точно) такие же, как в ю.-славян.)
(кстати сказать, это тоже свидетельство тому,
что это форма enclinomena, если бы просто было
передвинуто ударение, то оно было бы передвинуто
на слог вперед к началу слова).
глоубина — это Им. в знач. Зват. и форму имеет
Им. пад.

Мн. ч. Им. бѣды вражды главы жены лоуны овца
(это, видимо, регулярная орфографическая или орфоэпическая норма ц-сл. языка. А вот в пословице оно
звучит овцы, но как расценивать эту форму — я не
знаю. Дело в том, что есть основание думать, что
овца была подвижной?) рѣки свѣща (мягкий вариант)
сестры слоугы (и слоугы — уже начало появления

смешанной парадигмы) соудбы татбы хеулы

Род. овѐц татѐбъ

Дат. женáмъ овцáмъ

Акк. бѣды вины главы жены ножны овцѧ̀ рацѧ̀

в рѫкы слугы стезѧ̀

глоубины клеветы тѧготы

Тв. главáми с женáми съ слоугáми стопáми тмáми

Мест. о овцáх

Зв. жены (или Им. в знач. Вок.) Он не является экстинна, так что в праславян. можно считать экстинно минимическим только Вок. ед. ч. А мн. ч. — неясно. Но в ю.-сл. как будто бы проходит).

Вот материал Чудов Нового Завета. Конечно, он не весь, а только представлен [этого типа]. Напр., глоубина встречается очень много. Или сестра, сестроу встречается и с камфорой и с грависом и с акутом — и всё на конце.

Дальше материал пойдет из болгарского, серб. евангелия, словенский и словинский.

Потрѣбѣ же нам со всѣ
ровнанїе й со всѣх ровнании
ровнанїе довоное: невъзмож.
но бо не помаднoувши соѡру-
жпаа ровнальног.

(Лог. Авпас., л. 287).

XIV. 11. 11. 1975 г. 1.

Лекция № 14

Материал болгарских текстов тырновской группы. Здесь я должен предупредить, что с болгарским есть своя трудность, потому что в XIV в. произошло уже падение парадигмы в имени и следовательно только тексты XII–XIII в. могут говорить об акцентологии, а они-то как раз очень редко акцентованы, поэтому материал здесь небольшой. Думаю, что введение новых материалов может улучшить положение.

В общем в памятниках тырновской группы, как и в памятниках Евтимия, еще сохранялось различие между а.п. (b) и (c) в имени жен. р. на -а, но это различие хорошо сохраняется в ед. числе, в то время как во мн.ч. совершилось совпадение, слияние этих а.парадигм. Как они сливались — этот вопрос, ввиду сложности материала, пока не совсем ясен.

Тырновская группа др.-болг. текстов

(b) а.п. ед.ч. Им. вина̀ жена̀ (кифа̂) пчела̀ раба̀ рака̀
и лѣчба̀ луна̀ моуха̀ рѣка̀ слоуга̀ трѣва̀ (трѣва̂)
(от гл. "троути" "тереть")
и тьма̂ хоула̀ (Ѳωма̂)

многосложные: варавва̂ глоубина̀ острота̀ пѫчина̀ сатана̀ тишина̀ ширина̀. Должен предупредить, что среди многосложных многие ~~[illegible]~~ получили этот тип вторично. И для тырновской группы это характерно, т.е. в тырновской группе нет старого типа, который встречается в дру-

их болгарских текстах: остро̀та будет остро́та, но в тырновской группе все переходит в этот тип, ну, допустим, чи́стота тоже будет чисто̀та.

Род. вино̑ѡ жено̑ рѣко̑ (ˆ) скврно̑ ѡ трѣвѣ̑ ѡ тьмы.

многосложные: голготы̑ кончино̑ (но есть и конъчи́ны — по-видимому, первичное) и красоты̑ сръминоѡ топлоты̀ (опять мы здесь встречаемся с характерным переходом для тырновской группы красото̀ < красо́ты — старое должно быть, топлото̑ < старое топло́ты).

Дат. винѣ̑ (только одно слово из двусложных)

многосложные: по лѣпотѣ̀ къ мамонѣ̀

Отклонение от нормального перехода — мокро̑тѣ

Акк. бръзд̑ѫ вин̀ѫ (ˆ) драхм̀ѫ (заимствование)

жен̀ѫ (ˆ) ѕвѣзд̑ѫ моух̀ѫ мъгл̀ѫ мъзд̑ѫ рак̑ѫ

рѣк̑ѫ скврън̑ѫ тьм̀ѫ а̑з̑ѫ

многосложные: варавв̑ѫ на [гол]гоѳ̑ѫ въ лѣпот̑ѫ

нагот̑ѫ пещер̀ѫ простот̀ѫ (тоже переход из одного типа в другой — из (c) в (b))

просфор̑ѫ сатан̑ѫ и свобод̑ѫ

Но это образование (это ударение) не связано с самим процессом совпадения а.п. (b) и (c), а просто — результат изменения словообразования

то́плотѫ было зафиксировано (с двумя знаками ударения) первоначально

....

Хотя такие а. типы зафиксированы в болгарских памятниках, где все эти имена на -ота совпадают не в конечноударенном типе, а в подвижном.

А. п. (в) — совершенно живая п. в Ануцариве (ударение наконечное), в то время как а. п. (с) Акк. будет с ударением на -о́ту. Некоторые примеры я привожу, исходя из профессиональных интересов. И людям, которые занимаются памятниками, это будет интересно. Многие вещи ставят [illegible]. исследователей в тупик, когда он видит, например, (трѣвѣ трѣвѫ) непривычные для русиста.

Тв. й трѣво́ѫ (больше примеров нет)

Лок. в тьмѣ́; (многосложные): пещерѣ̀ тяготѣ̀ й чистотѣ̀. Но въ глѫбинѣ́ — этот вариант не относится к а. п. (с)

Вок. же́но! кѫпи́но — менее надежный пример, перенос странный.

Мн. ч. Им. й же́ны ѕвѣ́зды пче́лы рѣ́кы слоу́гы тьмы́ че́ты — Акцентная кривая очень похожа на то, что предполагает Скляренко. На первый взгляд это не очень странные формы, но учитывая, что в это время в др.-рус. было не же́ны, а жены̀, и т. д. — это выглядит странно. Ну, дальше-то появляются, какие-то варианты появляются, но в XIV в. (Чудов. Новый Завет) — то ли сдвинуто, то ли сохранилось старое.

Род. ѿ бѣ́дъ (интересно тем ~~только то~~, что нет переноса на предлог) что совершенно закономерно)

Дат. же́намъ по стѡ́памъ

Но глѫбина́мъ — как объясняется это расхождение — неясно. Можно интерпретировать, что . . . . . должна тогда мы

Но очень мало примеров чтобы что-то утверждать.
М. б., один из вариантов.
Примеров так мало, что какую-то жесткую интерпретацию дать невозможно. Тем более, что всегда возможно в языке писца вариант более архаичный. И есть еще одна особенность – дело в том, что тырновская группа – это целая группа памятников, которая в общем-то не во всех моментах одинаковая. Но разницу установить очень трудно. Где колеблется, где нет.

Акк. бѣды и женоу (мольбы / мольбы мъздоу слоугы стопы тьмы оуздоу (просто колеблется, или м. б. два варианта; если бы был большой материал, можно было бы найти к-то распределение).

Тв. (Здесь сохраняется старое ударение, но примеров мало) женами щедротами (это вторичный переход, и в др.-рус. щедротами и в бол. памятниках)

Лок. (нет примеров).

Киприановская группа текстов показывает сходную картину

Ед. ч. Им. борба вина (а̀-а̂) и жена ни лѫна лъжа мъзда раба сатана тьма (-а̂) хвала (-а̂)
Род. тьмы бо жжжеды/же (этот пример неустойчивого типа воля, появляются какие-то ударения).

Дат лъжи

Акк. бо/рбѫ же и веснѫ винѫ стьзѫ тьмѫ
[illegible] перехода в а. н. © стьзѫ и стьзѫ

И, по-видимому, ВѪЗѪ. Это уже прямо говорит о том, что а. и. ⓒ взаимозаменяют. В то же время многосложные дают конечное ударение ГЛѪБИNѪ и в ЛЬПОТѪ

Тв. ÀЗÓѪ

Лок. о лжей пристъѕей

Мнг. Им. тъмы бѡ (есть только одно слово)

Род. много форм, но все они ничего не дают, кроме того, что на предлог не переносится ударение: и ѿ бѣ ѕвѣздъ ѿ стъѕъ тъмъ таиNъ игръ.

Акцентовка односложных слов имеет ограниченное значение, тем не менее они представляют определенный интерес. Существует теория, что в односложных словах ударение теряет разграничительные функции, не является фонологичным — по теории Трубецкого и Якобсона. Но всё-таки наличие над. знаков регулярно над этими словами свидетельствует об обратном. Несмотря на то, что односложные формы ударения не различают. Ударение существуют и, по-видимому, интересно то, что не м. быть обычные примеры с Ямбом...

при переакцентовке стиха......

В бол. ст-сл. и др.-рус. текстах могли быть позиции, где односложные слова ⓒ а. и. м. б. безударными, в то время как формы односложные формы а. и. ⓑ всегда сохраняют ударение.

Д. й пищáмъ (пример неустойчивости, тип "воля")
слѣгáмъ й стъзáмъ (неясно к какой а. п. относилось это слово, условно мы его причисляем к а. п. (в)). свинíамъ.
Здесь, например, несколько иная, чем в Тырновской группе
Акк. й игры хлы

Тв. рѣкáми ѧзáми (тоже мало примеров)
Лок. въ/ рѣкáхъ
Вок. (мн.) но здесь трудно утверждать — подвижным ли это форма или (в): ѿ татьбы.

Слова этого типа с суффиксом -ба у Крижанича хорошо все соответствуют а. п. (с): татьбу, но татьба́ дружбу, но дружба́. Поэтому, если это а. п. (с), то этот перенос на ѿ обычен, если же это все-таки а. п. (в), то это должно свидетельствовать о том, что во всех славян. языках была такая форма - enclinomena в Вок. мн. ч. у а-основ. Мы видели в ед. ч. же́но, несмотря на то, что а. п. колонная, явно enclinomena, ударение должно быть на окончании, а здесь ударение на корне. Если для ед. ч. мы можем реконструировать праславян. форму Voc. enclinomena (и в др.-рус. будет же́но), то для Voc. мн. можно говорить только о южнославянском. Ну в южнославян. можно было бы просто говорить уже совершенно ~~[illegible]~~ уверенно, ~~[illegible]~~ что это а. п. (в), а не (с). (если бы удалось доказать, что) Но перенос [ударение] на ѿ — это очень характерный момент в Вок. для памятников др.-рус. и бол.

если можно было бы объединить материал тырновских и киприяновских памятников, то м. б. было бы что-нибудь более ясное, но насколько более ясное — не совсем понятно. В Дат. мн. получается следующая картина. У Киприяна слог долгый: пищáмъ, слѹгáмъ свинiáмъ глѫбинáмъ. В Тырновских памятниках пищáмъ, но жéнамъ стóпамъ. Если объединить эти примеры, то в действительности получим такое распределение: перенос ударения на краткостный слог и сохранение предолготном уже; т. е.

долготн.	краткостн.
пищáмъ	жéнамъ
слѹгáмъ	по стóпамъ
свинiáмъ	
глѫбинáмъ	

Исключение м. б. стъзáмъ, но здесь ъ, он ведет себя по-другому. Потом, когда мы будем рассматривать а. п. ©, то увидим, что картина очень похожа во мн. ч. Вот эти изменения по-видимому, здесь два типа было процесса — как-то фонетические переносы и, с другой стороны, выравнивания . . . .

Что-то найти более определенное в этих позициях, в которых происходит фонетический перенос, пока не представляется возможным.

В др.-серб. памятнике Ев. XV в. есть примеры как будто поддерживающие в какой-то степени реконструкцию

Смяренко — в Ном. с накаренным ударение, но тоже очень неопределенные.

Ед. ч. Ном. жена́ же и́ сестра̀ рѣка̀ хвала̂ слоуга̂

Ген. (наблюдается то странное ударение, которое время от времени попадается и в болгарских текстах и в др.-рус. памятниках) ѿ вонѝ, но регулярно идет вѣ́ны го́ры

Дат. тьмѣ̂

Акк. и́ хвалоу̀ вь го́роу (причем, это регулярно, ня го́роу, вь го́роу а п. ⓔ поддерживается др.-рус. материалом). (не так!) травоу̀ (и водоу̀)

Тв. го́рою
Лок. ня горѣ̂ ня тра/вѣ̂

Вок. же́но

Мн. ч. Ном. же́ны ~~[illegible]~~ и женѣ̂ и сестрѣ̂

Акк. же́ны го́рѣ (го́ри).

Во-первых, интересно же́ны Ном. мн. трудно объяснить какой-то перетяжкой. Это или влияние какого-то болгарского протографа или акцентовка выборочной формы, или остаток старой акцентовки этой формы, кот. действительно, может свидетельствовать о верности той реконструкции, которую дал Смяренко. Возможно, очень рано эти формы стали баритонированными. И эти баритонированные формы были какие-то вторичные, потому что всё равно эти формы не были enclinomena, ударение с них не перетягивалось.

Этот вопрос должен быть исследован.

<u>Словенский.</u> В словен. долготные основы а.п. ⓑ полностью перешли в тип а.п. ⓐ: vȅdā, dọ̄ga, hrȃla, lȋpa и т.п. изменяются по типу lȋpa. Но сюда же присоединился и долготный тип и подвижной а.п. Насколько это по всем диалектам произошло – это не совсем ясно. Все описание неудовлетворительны. Но такое перераспределение для литературного языка, нормативного языка — установлено. Напротив, краткостный тип ⓑ а.п. смешался с краткостным типом а.п. ⓒ.

В различных диалектных областях этот общий краткостный тип представлен различно: этот тип как будто восходит к а.п. ⓒ. Где-то полностью перетянуто ударение, а где-то не полностью.

Наиболее сохранившийся тип это в Розентале.

<u>Ед.ч.</u> Nom.	hɔčȁ	Здесь снижение (мы это записывали) обозначение как в сербском.
G.	hɔčȅ	
D.	hɔčə̏	
Acc.	hɔčȏ	– ударение перетянуто в виде циркумфлекса – показатель подвижного а. типа.
In.	hɔčó	– это результат стяжения.
Voc.	hɔčə̏	
<u>Мн.ч.</u> N.	hɔčȅ	– перетянутое ударение
G.	hɯ̄əč	
D.	hɔčȁm	
Acc.	hɔčȇ	
In.	hɔčȃm	– рефлекс нового циркумфлекса в связи, что-

видимому, со вторичной долготой; ι = отпадает в этом диалекте, и получается вот такой отличный от Дат. рефлекс.

Lok. horäh

В словенском литературном:

Ед. ч. N. gòra – с оттянутым ударением, причем это свидетельствует об открытом ₌o₌. В Род. не оттянутое ударение, потому что в литер. сохраняется долгота.

G. goré

D. gòri (оттянутое ударение)

Acc. gorọ̑

In. gorọ́ – как видите, краткостное ударение на конце осталось, долготное сохранилось

Loc. gòri

Мн. ч. N. gorê

G. gorá (закрытый слог, оно такое же

D. gorâm краткостное) как ...

Ac. gorê

In. gorâmi — Здесь всё понятно, как всё

L. goràh — происходит.

А вот с редуцированным гласным этого переноса не происходит, здесь сохраняется тот же ритм.

Ед. N. stəzà (stə̀za(*) но есть вариант с краткостью)

G. stəzẹ́ (stəzə̀ — " —)

D. stəzì

Ак. stəzọ̑ (stəzò — " —)

In. stəzọ́ (stəzò — " —)

(*) Сейчас допустимо в этом слове и надтяженное и

Мн. ч. N. stəzə̂
G. stəzá
D. stəzàm
Acc. stəzę̂
In. stəzâti
Loc. stəzàh

[*] Вот этот тип и т. д. — ... особенность распределения словен. ударения. В словен. все ударные внутренние слоги долгие, кроме вот этих случаев.

В словинском а. п. (b), по-видимому, полностью, за какими-то тем деталями, совпала с а. п. (a) — и краткие и долгие в именах жен. рода (в отличие от имен муж. рода). В этой группе закон Крижанича не действовал, т. к. нет форм, где были бы расхождения по закону Крижанича. А имена муж. рода делились на 2 группы в зависимости от действия закона Крижанича, точнее от недействия его. Примеры:

N. bjē̂da dē̂skă (это не совсем ясно) dē̂ịză dŕâụzdă̂
zŭ̂ŕă̂ glìstvă̂ gŕųə̂ză̂ ji̯zbă̂ skų̂ə̂bă̂ (кратк. осн.)
smų̂ə̂lă̂ stŕâụlă̂ (долготн.) sų̂ə̂snă̂ (кратк. осн.)
sų̂ə̂stŕă̂ (неподвижн.) šćâpă̂ (здесь, по-видимому, произошло удлинение) tŕâụbă̂ Эти примеры показывают, что в общем здесь а. п. (a) и (b) совпали, причем независимо от первоначальной долготы.

В других зап.-славян. языках (b) а. п. опознается только в долготных основах. В чеш. и словац. — долгота, в польск. — рефлекс долготы.

чеш. bŕázda словац. bŕázda
пол. bŕózda в.-луж. bŕózda
(чакав. bŕāzdä̂, bŕázdŭ)

чеш. třída   словац. črieda   в-луж. čyóda

в польск., видимо, – перешло в ⓒ а. п.

чеш. tráva   словац. tráva / пол. диал. tr̊áva (малопольск)

чеш. toníka   словац. tíka   пол. tąka

Рефлекс а. п. ⓐ, т. е. акутированное:

рус. мука

чеш. mika (со вторичной потерей долготы)

словац. mika   польск. mąka д. б. долгое

чеш. báva   словац. bava   малопольск. bava

чеш. lípa   словац. lípa

рус. борона чеш. brána   словац. brana   польск. brona

в-луж. bróna (соответствует чеш. т. е. долгота).

Вот собственно а. п. ⓐ в основах на -a жен. рода.

Лекция 15

Об а.п. (b) у основ муж. рода с основой на -ъ-.

Перед этим мы много занимались Законом Крижанича. Посмотрим его на данной группе основ. — Внешние основания для принятия этого закона. О внутренних основаниях, о внутренней реконструкциях, о распределении форм, которые являются признаком действия я говорил на прошлых лекциях. А сейчас посмотрим, как это отражается в основных группах. Сейчас будет видно, что ни в русск., ни в хорват. материале следов действия этого закона нет. А начинается распределение только в чакавской области, у самого Крижанича. В словен. литерат., конечно, сплошная каша. Потом мы разберем отклонения. Словен. материал довольно хорошо ведет себя, потому что там распалась парадигма краткосложных и долгосложн. и позиция в большинстве случаев совпадает, хотя краткосложные (b) а.п. совпали с а.п. (c) по акцентной кривой, но тем не менее это совпадение не является результатом какого-то чисто аналогического воздействия, а, по-видимому остается результатом воздействия.

Конечно, ни в словен., ни словин. наречие кашубского языка не является, строго говоря, решающим моментом в пользу принятия закона Крижанича. Более решающим аргументом является его особое положение во всей системе языка: Мы должны или просто отказаться от принципа, выдвинутого Стангом (с долготных слогов на предшествующий оттягивалось ударение) или принять его в такой ограниченном виде: что ударение оттягивалось только не

предшествующий долгий [слог]. При этом я уже оговаривался, что есть глагольные формы — и только глагольные формы — где мы всё-таки вынуждены пользоваться неограниченным законом — Станга, потому что только им пока это можно объяснить.

...... принцип дополнительности для группы непроизводных форм, собственно очень древних производных глаголов а. п. (b) типа <u>но́сит</u>, хо́дит и т.д. мы должны всё-таки принимать, что в этих формах происходила оттяжка на предшествующий краткий, но таких случаев очень немного. Может быть это удастся объяснить как-то по-другому. Но всё-таки допущение других факторов, ну там, аналогии, и т.д. ....

......

Ну, если мы вообще не будем принимать оттягивание (с внутренних и конечных слогов) на предшествующий долгий в праславянском, то мы должны будем признать, что в каждом отдельном случае происходило оттягивание в историческое время. Трудность аргументации закона Крижанича заключается в том, что этот закон, по-видимому, как статическая синхронная система существовал очень долго. И наряду с очень старыми формами по этому закону ведут себя и формы новые. Поэтому он в этом отношении более сложен, чем все другие закономерности в славянской акцентологии, которые находятся..

в ограниченных формах и можно как-то их хронологизировать. А этот был всё время в системе целого ряда языков.

Ну, вот я перейду просто к таблице, но она довольно большая.

---

(6) Удлинение перед звонким.

(7) Здесь таким образом без конечного ударения, но т.к. долгота м.б. только предударной, то ясно, что удар. на конце (но есть формы с конечн. ударением).

(8) С оттянутым ударением с открытого гласного

(9) Долгота в „Политике" пропускается

(10) Это первичная форма

(11) Замена н. аута н. циркумфлексом по аналогии с (с) а. и., т.к. в словен. полное совпадение с а. и (а) во всех падежах, кроме Им. и Вин. ед.

(12) Собственно здесь есть различие. В словен. (по-видимому) оно утрачено тло, т.к. . . . . . окончание. И утрачено у Крижанича, где тоже распространяется. .
Но здесь есть ѵнова . . . . .
но не очень надежна.

О-основы (в) а.п.

Ед. ч.	русский совр. крат.	др.-рус. долгот.	с.-х. (штокавск.) кратк.	долгот.	чакав. (Novi) кратк.	дол.	кайк.-чак. XVIII в. (Крижанич) кратк.	дол.	словен. кратк.	долгот.	словин. крат.	дол.
N.	стóл	волхвъ	сто̑ бо̏б	хра̑ст	krȍv	brést [1]	kòнь wòl	krâly	bòb	bŕést	bȍu̯b [6]	gr̂ěx
G.	столá	грѣхá	стòла	хрáста	krovä̏	brēstä̏	s'konyá skotá	Kра̄льа [7] блӯдá	bòba [8]	bŕésta	bùòvu	gr̂ěxu
D.	столу́	грѣхо̑у	стòлу	хрáсту	krovȕ	brēstȕ	wolú, коньу́	grichú kralyú	bòvu	bŕę́stu	bùo̦vu	gr̂ěxu
Ак.	стóл вожà		сто̑ бо̏б	хра̑ст	krȍv	brést	zaskók	trȗd	bòb	bŕę́st	bȍu̯b	gr̂ěx
Тв.	столóм	думòм	стòлом	хрáстом	krovȍn	brēstón [2]	коньèм skotóm grobóm	kralyém trudóm	bòbom	bŕę́stom	bùo̦va	gr̂ěxa
Пр.	на столé	грѣсѣ́	стòлу	храсту	krovȉ	brēstȉ [3]	w'grobé	во грȳху́ trudū [9]	bóbu [10]	bŕę̂stu [11]	b ovéi	[12] gr̂ěxu
Зв.	рабè [4]		стȍле	хра̑сте [5]	krȍv·e	brēste						

(1) Рефлекс нов. акута

(2) Это не колебание количества, а полудолгота (как её определяет А. Белич) [ослабленная долгота, в общем-то понятная для данного говора]. Она возникает в позициях, где раньше была долгота, сохранившаяся, видимо, в праславянском. Такая позиция была раньше запрещена для хорватских диалектов: чтобы долгота стояла перед долгим ударным — ударение д.б. перетягиваться или долгота сокращалась. А здесь проявляется вторичная долгота. Фонетическая природа её неясна, но ясно, почему она возникает: она возникает в позиции, где раньше не могла существовать.

(3) Сохраняется старая форма в чакавском

(4) В др.-рус. Зв. не наблюдается оттяжки. (далее см. на стр. 3.)

(5) В штокав. формы-энклиномены.

18 марта 1975.

<u>Лекция № 17</u>

[см. в тетради Р. Бугаровой?]

Лекция № 16.

Продолжим таблицу сравнения а. типов, восходящих к исконной (в) а.п. по разным языкам. Мн. число.

В русск. и с.-х. штокав., как видите, никаких следов действия закона Крижанича нет. Но в чакав. уже обнаруживаем такие вот рефлексы.

---

(2) Ударение оттянуто, как и в иных случаях, но при этом здесь открытое «о», которое явно говорит о том, что это поздняя оттяжка ударения. В тех случаях, когда старое ударение над «о», но оно приобретает [закрытый] дифтонговый характер, в литерат. я. это обозначается точкой ọ (в соврем. словарях), а в диалектах, положенных в основу старых работ, где имеется разница между о и ọ. Старое новоакутированное о именно ọ.
То, что современные словари показывают нормы уже совпавшие, это очень плохо для акцентологов, потому что ọ может быть и под другим ударением – под циркумфлексом (перенесённое ударение) ȍ. А иногда получается смена типов, и тогда литер. норма не позволяет установить характер первоначального ударения в то время как это о (=ọ) свидетельствует явно о старом новом акуте краткости.
Всегда требуется обращение к словарю Плетерщника, чтобы установить . . . Не говорю о том, что в соврем. словарях акцентология

XVI. Табл. 2. О = основы в а.п. Множ. число. (Лекция 16)

	русск.	с-х. (штокав.)	чакав. (Novi)		Крижанич (XVII с)		словен.		словин. (диалект кашуб.)	
N	столы́ грѣси́	сто̀лови хра́стови	krovȉ	brestȉ	волѝ коньѝ [*]	kralji̍ трѣ̄ди [**] грихи.	bо́bi [2]	brẹ́sti [3]	bѝọbä [20]	gřêxi
P. В.	столо́в грѣхо́вь [1]	сто̀ло̄ва̄ хра́стова̄	[4] krovi̇̄h (krȍvih)	bréstīh (brȅstíh)	волôв коньêв [5]	трѣдов грихов блу̂дов krâljev	(bо́bov) [6] bovọ́v	brệstov [7]	bobóṷ	gřêxoṷ
Д.	столам рабамь	сто̀ловима хра̀стовима	krovòn [8]	brȅstón [9]	poslо́m	bludо́m [10]	bо́bom [11]	brẹ́stom	bθ bо́um	gřêxoum
В.	столы́ грѣхи́	сто̀лови хра́стови	krovȉ	brȅstȉ	nоžі́	грӣхы́	bо́be	brẹ́ste	bѝọbä	gřêxi
Тв.	стола́ми грѣхы̀ с ножи́	сто̀ловима хра́стовима	krovȉ [12] (krȍvi)	brésti [13] (brȅstȉ)	skotmî [14] коньмû волмû	грûхми zblûdmi	bobmí bо́bi [15]	brệsti [16]	bθbamí	gřêxami
Лок.	стола́х в гробѣ́х (но, это слово перешло в подв. тип; в шт. м.зал) но др. примера нет на эту а.п.	сто̀ловима хра́стовима	krovīh [17] (krȍvih)	bréstih (brȅstíh)	[18] коньêх	trûdech w krâljech	bо́bih [19] bobе́h	brệstih	bθbjе́x [21]	gřêxax
Зв.	как Им.									

[1] В др.-рус. в XIV в. уже не было старой формы

(*) М.б. и вариант коневи.

(**) Долгота указана, а ударение не указано, но долгота м.б. только предударной. Есть случаи, где указывается и ударение и долгота (просто их под рукой не оказалось) (см. стр. 1.)

представлено из рук вон плохо, хотя словарем занимался Риглер, кот. нельзя заподозрить в плохом знании акцентологии. Непонятно, почему, они прибегают к такой усложнённой системе показания акцентов, выдумывают что-то совершенно новое и непонятное, в то время как есть уже хорошая традиция указания а. типов в старых работах. У них есть какие-то странности в этом отношении. Плетершника они недолюбливают все и Вондрака недолюбливают.

(3) тоже оттянутое ударение. Это просто указание рефлекса ъ.

(4) В диалекте Novi каждый из вариантов имеет подвариант. В скобках будет даваться вторичный (который я считаю вторичным вариантом). А без скобок — то, что я считаю первичным. Когда я говорил о законе Крижанича, я говорил, почему я считаю (по внутренним соображениям) — один вариант первичным, а др. — вторичным.

(5) У Крижанича строго распределяются краткосложн. и долгосложн. варианты.

(6) *bȍbov* — литерат. вариант с оттянутым ударением с открытым -о-. И более архаичный вариант *bobȏv*.

(7) Что касается словен. *brȇstov*, то здесь вариант с накоренным ударением, причем, ударение, видимо очень давно оттянувшееся и замененное рефлексом нового циркумфлекса, т. е. этот тип полностью

совпадает с а.п. (a) за исключением Им.-Вин. пад., где сокращенное, а у „b̄resta" — с долгой, это и есть указание на а.п. (b). Неоакутовый рефлекс здесь заменен новоциркумфлексовым.

(8) Это самое обычное развитие, удлинение перед сонантом.

(9) Здесь тоже вторичное удлинение перед сонантом. И, естественно, возникновение полудолготы (˘).

(10) Пример из „Политики", поэтому долгота не отмечена.

(11) Открытый рефлекс.

(12) В тв. мн. тоже 2 варианта (в словарях — вторичный вариант).

(13) Здесь долгота сократилась. По-видимому, аналогическим путем вытеснена.

(14) Примеров с первичными формами [морфологи... не так много. Обычно в тв. мн. формы на =т...
Аналогичные примеры в остатках старого тв. мн. Я говорил
[redacted] о них в 8 лекции, когда речь шла о законе Кржанича: конци̂ (краткосложн.) : ни̂мцех (долгосложн.) и т.д. — они не очень хороши, т.к. с суффиксами.

(15) В словен. в тв. мн. есть 2 ряда форм. Есть и другие случаи с закрытым ọ, на которые опирается Stang. Но потом мы разберем — в каких положениях появляются какие варианты.

(16) Домосложн. (в) а. п. в словен., как уже говорилось, идут по а. п. (а), т. е. вариант с новым циркумфлексом. Это совпадение домосл. (в) а. п. с (а) а. п. произошло довольно рано, т. к. проходит по всем диалектам, насколько мне известно по различным описаниям. В общем, словенский требует хороших диалектных описаний. Таких описаний нет. То, что они делают, это на уровне малой подачи материала. За исключением старых работ (Valjavec). Много вреда сделала лингвистическая география.

[redacted] [Что касается материала (Б. де Куртенэ) по [redacted] резьянским говорам, то Логар, их ведущий диалектолог, кот. был там, считает, что там рефлексы интонаций показывают, что это вторичная сдвижка; ну, я тоже думаю, что это вторичная сдвижка, потому что это характерное обратное передвижение акцента для словен. диалектов и кайкав. диалектов. Напр. тебо̑ (такие формы) с передвинутым, так будто, общесловенским ударением в ряде диалектов подвергаются обратному переносу. При хорошей записи с указанием интонации это можно восстановить, потому что здесь [illegible] возникает тогда восходящая интонация, и поэтому ясно, что здесь не сохранение ~~[illegible]~~ праславян. интонации, а обратный перенос. А старые записи Бодуэна в этом отношении нехороши: неясно какая там интонация. Вообще

возможно, что там вообще потеряна интонация и поэтому ничего сделать не сможем. Только по каким-то вторичным формам — в особых случаях можно судить об интонации. Особые случаи здесь — возникновение нового циркум.
*~~služíla~~ — в словен. здесь будет новый циркумфлекс в этой позиции. Это явно сло-
služȋla
венское явление. В позиции долготной — в тех говорах, в кот. в *телő* перетягивается ударение и этот нов. циркумфлекс перетягивается обратно. Мы получаем такую форму služȋla, которая явно вторичная. Поэтому, сравнивая, можно по характеру передвижен. установить — был здесь процесс обратной оттяжки или нет.

(17) Тоже 2 варианта, как в Родит. падеже.

(18) У Крижанича совершенно четко.

(19) В словен. — очень будет вариант с оттянутым ударением (если ударение не падает на окончание, то -ih ставится). И более архаичное ударение *vovéh*. В ряде слов здесь появляется закрытое -o- (но не в этих словах).

(20) Важный момент для словин. что этот матер. повторяет в общем словенский.

(21) Нужно отметить, что это ударение характерно также и для слов, кот. восходят к а. н. (c). Получилось просто совпадение краткослогин. слов (b) а. н. с типом (c) (долг. и кратк.)

По аналогии сюда включились некоторые имена а. п. ⓐ, но они объяснимы. В а. п. ⓐ есть имена, кот. перешли в подвижный тип (это имена с -ор-, -ол- в корне). Они дали сочетание плавного с кратким и были втянуты в а. тип ⓒ. Это просто перераспределение. Я потом дам список этих слов, их немного. Будет понятно, почему они пошли по ⓒ а. типу. Напр. горо́х, д. б. неподвижн.: groch, но =о= стало характерным признаком подвижного типа. Все эти слова из =о= были или в а. п. ⓑ или подвижн. Краткость — поэтому так. И в а. п. ⓐ оказались в лехитских языках с =о= только слова типа groch. (на =ор=, =ол=). Сначала в лехит. яз. они были долготными ке́-таки, потом сократились.

* * * *

Итак можно увидеть из таблицы, что в общем-то типы Крижанича краткосложный и в словен. и в словин. (тоже краткосложн.) [по типу а. краткой] явно совпадают. Т. е. это совпадение в вел. — сохранение ударения на окончании =ох, Тв. и Локат. Отличие, кот. наблюдается здесь — это на =ом, кот. м. б. восходит к подвижному типу, по аналогии с подвижным типом. На этом совпадении хотя и трудно доказывать действие закона Крижанича, но само совпадение этих а. типов весьма характерно. Т. к. у нас есть внутренние причины

для объяснения этих совпадений, то, видимо, мы вынуждены принять закон Кржижанича, его раннее действие по крайней мере для позднего праславянского.

Дальше можно перейти к материалу памятников – к др. рус. (Чудов. Нов. Завету) оговорив одну особенность. Дело в том, что в диалекте, который лежит в основе этого текста, наблюдается важное акцентологическое распределение, правда не в а.п. (в), – в зависимости от мягкого или твёрдого варианта. ~~Вышеназванного~~ Следы в более поздних текстах [после XIV в.] московских этого, к сожалению, не обнаруживаются. Много по крайней мере и другими акцентологами кот. работали над этим. Некоторые особенности, похожие на эти, наблюдаются в некоторых белорусских памятниках. Чтобы проследить эту черту, нужно просмотреть материал зап.-русский, акцентированные памятники, кот. изучались недостаточно внимательно.

.... Чудов. Нов. Завет Оченко вообще считал украинским текстом.

Лекция №17

(в тетради у Р. Булатовой)

Лекция № 18

Материал из среднеболгарских памятников по о-основам м. р. а. п. (в).

Сейчас мы перейдем к среднеболгарскому материалу по а. п. (в) о-основ м. р. Ср.-болг. система очень любопытна тем, что этот а. тип фактически невозможно отличить от а. п. (а). Это окситонированный а. тип, который в русск. яз. (в чакавском) имеет ударение на конце слова, а в словен. и в штокавском – явные переносы с конца. В болгарском он стал неподвижным, баритонированным типом, за исключением нескольких слов, в которых наблюдаются некоторые отличия. Это слова грѣхъ, вол, путь, меч – встречаются варианты. Но тут непонятно: т. к. эти варианты встречаются в Кирилловских текстах, то можно было бы подумать, что это русизм какой-то, но дело в том, что и в дальнейшем в болгарском яз. слово грѣхъ отражается как подвижный тип. Хотя по всеми словообразовательным моментам, по регулировке акцентовки по производным этого слова и по закону Васильева-Долобко мы видим что это всё-таки а. п. (в), потому что по закону Васильева-Долобко нет переноса ударения с этого слова на частицы. И в производных будет грѣ́шник, а не *грѣшни́к, допустим. Вот такие вот особенности. Так что, чем вызвано это отклонение, причем, они выступают как варианты, не совсем ясно,

Но вот какие-то ненормальности развитие, относящиеся к этому слову. Что касается вообще большинства лексем, которые относятся к этой а. п., то их показания для вост.-болг. диалектов (памятников сред.-болг.) совершенно строже, совершенно чётче. Они дают баритонированную а. п. без всяких переносов на окончание. Здесь есть, правда, ещё одно исключение. Имена многосложные с конечным ударением, если перед первичными суффиксами стоит ъ, ь, этого процесса не испытывают. У них остается ударение на окончании. В этом отношении они совершенно тождественны аналогичным словен. примерам, с которыми мы тоже встретимся. Но правда, в словен. есть еще исключения: имена с конечным ударением, перетяжки на корень не происходит. Это имена на =ець (конець, истець), на =ен (овень) и т. п. — с ъ. А в словен. этого ограничение в переносе на корень (нет) это распространяется также на имена с ъ, ь в корне — односложные. [illegible] и даже на имена, в которых есть плавный (типа крст) — они сохраняют конечное ударение в словен. В болг. же эти имена также подвергаются ретракции ударения за исключением слова пес, пса который совершенно склоняется по-русски. Сейчас мы познакомимся с этим материалом, это будет более ясно.

Тырновская група (*Г

Sg. N. вѣ́пль гро́бъ дъ́жь, ко́нь, лъ́въ, и́со́нь ро́въ. ско́тъ съ́нь оу́мъ; многосложные: жени́хъ, живо́тъ, ни оу́ченикъ

впервые наблюдается конечное уд. в этой а.п.
т.е. по своему характеру это тот тип ударения, кот. наблюдается в мизийских говорах — сев.-вост. Болгарии. И с тырновскими диалектами и вблизи Тырнова они, пожалуй, не связаны. Тем более, что др. памятники, локализованные как тырновские, показывают ударение на корне с переносом на приставку. Это очень важная деталь, свидетельствующая о том, что уже в XIII в. существовали в Болгарии диалекты, (во всяком случае уже в XIV в.) которые провели конечное уд. в © а.п. Это очень сильно изменяет взгляд на Тырновские памятники.

Это такие памятники: Зографский сборник (103), Норовская псалтырь (хотя я сейчас склонен отделять её от этой группы памятников; как удалось установить в результате сплошного просмотра, показывает конечное уд. в 1 л. ед.ч. а.п. © глаголов, в некот. случаях там знаки были сомнительные, и я их как-то не учитывал, а вот сейчас, когда я собрал весь материал, то оказалось, что значительное количество — около 4 или 5 примеров — где можно знак, стоящий на конце рассматривать как знак ударения, в результате получается, что все акцентованные глаголы а.п. © в Нор. псалт. имеют конечное ударение. Это единственный памятник, в котором

Gen. вьплъ (*) ѿ гроба (**), двора льва меча ѻгнь ѿ плода (□) поста раба, ѿ съна сѫда храма (△); многослож.: живота, иꙁ корабль оученика (○).

(*) А в др.-рус. мы встречали вьплѧ

(**) Здесь не видим разницу между рус. и болг., просто потому что перешло это слово из а.п. (b) в а.п. (c). Старое ударение гробà

(□) В том случае, когда с предлогом встреч-ся трижды, я даю с предлогом, чтобы отметить случаи переноса.

(△) Который, очевидно, относился к а.п. (b).

(○) Уже по этой форме можно видеть очень характерную черту — вост.-болг. памятников (говорю в вост.-болг., потому что в зап.-болг. встречаются всегда варианты с конечным ударением, т.е. там будет наряду с ѻгнѧ, ѻгнѧ, что является нормативным в литературном языке, хвоста, рога и т.д. Примеры таких вариантов я привел в статье о классификации болг. памятников).

Dat. вѣплю (= вóплю) грóбꙋ львоу ѻгню рабоу ровꙋ (он относился к а.п. (b), собственно, он и сейчас рвỳ, но с ь), сѫдоу оумоу храмоу; многосложные ѝ животꙋ, кораблю оученикоу

Acc. (здесь ничего особенно интересного) ѝ бобъ вола (одушевленн.) въ гробъ (всегда без переноса уд.) кровъ (пó кровъ) мечь въ ѻгнь ѻдрь осла (одушевленн.) плодъ [сб чисто градически]
раба въ ровъ въ сънъ* въ оумъ** храмь; многосложные: жениха животь корабль

---

* Причем в а.п. (c) перенос осуществляется и на ъ-евого предлог. Для др.-рус. это не характерно, а для болг. встречаются переносы на въ

** Без придыхания что обязательно неверно

XVIII. Instr. грѣхо^м^ по кровомъ ѡгнемъ по одромь

[Этот падеж особенно резко отлич-ся от а. п. ⓒ, где конечное уд. в вост.-болг. памятниках] и постом̑ прѣстомъ (и вот вариант пѫтѐмь – это ĭ-основа, но связано ли это с этой особенностью – неясно, тем более, что есть еще вариант рабо̀мь) съ стоудоль сънoмъ сѫдо^м^ и храмомь. Многосложные у меня не отмечены.

Loc. въ гробѣ о грѣсѣ въ дворѣ въ кровѣ на одрѣ прѣстѣ при пѫти (идет по ĭ=основам, здесь и только условно м. б. рассмотрен здесь) на пѫти въ ѯмѣ в ровѣ въ трудѣ. Многосложные: в кораби мытари

Voc. (Засвидетельствован только от ĭ=осн. и от смягченной основы) пѫтю врачю здесь мы наблюдаем перетянутое ударение. Говорить о том, что здесь форма-енклитика, нет оснований. Возможно, но, м. б. это просто продолжение удар. врачѣ. С частицей ѡ просто не встретилось.

Множественное число.

Pl. N. вѡжди гроби и крови (мечь – и-основы и мечеве) плоди (пѫтіе – окончание ĭ-основ) раби и хлѣми; многосложные: оучениці

Gen. (ѿ пѫтіи – форма ĭ=основ), рабъ и ѿ оудовъ, многосложные: ѿ оученикъ

Dat. грѣхѡ^м^ (грѣхѡмъ – чаще встречается в таком написании) и лѣвѡмъ рабо^м^ скотѡмъ (и скотовомъ – и эта форма с распространением формантa ŭ-основ) слономъ къ трудомъ,

XVIII. ческий приём различения окончаний дательного падежа от творительного не употреблён, окончания ω и о совершенно свободно варьируются].

Acc. во́лы и гро́бы гро́зды грѣ́хы дъжда й ключа кро́вы пꙋ́та (идет как по о-склонению так и по i-склонению пꙋ́ти) ра́бы (но м. употр-ся и форма Род. пад. рабъ) ро́вы ско́ты въ сно́пы трꙋ́ды оу́ды хра́мы (эти 2 слова тоже а.п. (в), в сравнении с совр. рус. это так); многосложн.: мыта́ря

Instr. прꙋ́сты (только одно слово встретилось, но оно достаточно хар-но).

Loc. в гро́бѣхъ въ/кро́вѣхъ на стлъ́повѣ (с формантом от ŭ-основ)
(с переносом)

(суффиксах)
Многосложные слова с редуцированными в конце
(это те, в которых совпадение с а.п. (а) не произошло, т.е. они сохраняют наконечное ударение).
(Я не гарантирую что это полный материал, потому что я выбирал...)

Sg. N. конец лѣтецъ ни овенъ слѣпець
(Здесь еще ничего не видим, а вот уже в ед...)

G. до конца (в этой группе памятников больше примеров, чем приведено здесь, просто не все выписывались, т.к. они встреч-ся крайне редко).

Acc. вѣнець въ конецъ.

этим институтом, прислал микрофильм, но оказалось, что они не смогли правильно найти текст и сфотографировали служебник текст более позднего времени. Сборник № 103 и № 3 дают очень интересную акцентовку (они находятся в одном монастыре — Зографском). По-видимому, в Болгарии, в Софии есть кое-что, но туда также трудно попасть.

Йорд. Янов Иванов сообщил, что он скоро опубликует те жития, отрывки из которых он публиковал в „Старинах". Эта публикация не появилась. Но поскольку о них было сказано столь уверенно, можно думать, что у него есть фотокопии этих житий. Судя по уже опубликованному, и если бы эти фотокопии можно было бы получить, количество материала было бы увеличено из Сборника № 103 раза в три. Причем, по его утверждению, написаны тем же самым писцом и собственно исчерпывают текст, написанные этим почерком (рукописи № 103 и № 3).
Сборник № 3 написан одним писцом, как он утверждает, но тот, я не надеюсь, что сфотографирован. У его вдовы, очевидно, есть фотокопии. Много болгар обещало связаться с ней, но пока ничего нет.

Есть сведения, что в Софийской библиотеке есть текст Служебника, акцентованный полностью и чуть ли не написан рукой самого

Pl. N. пѣвцꙋ же
G. ѿ конѣць
D. ꙋ́оль (здесь односложное слово)
Acc. лꙋвцꙋ̀ младенцꙋ̀ телцꙋ́ же

В Норов. псалтири встречается ко́нца – который следует рассматривать не как оттяжку уд., а как словообразовательный акцентологический архаизм такого же типа, какой нам встретился в Чудов. нов. Завете. *конь, коня́ (a.п. ⓒ) от нее первоначально образовывался тот тип, который я называю типом D., т.е. от коня́ → конь̀ць (ударение на ь и закономерный его перенос на предшествующий слог) → ко̀ньць (очень рано в диалектах стало ломаться это правило для непроизводных).

Памятники тырновской группы – это наиболее ранние акцентованные тексты болгарские. Большинство их акцентовано крайне редко, а те, которые хорошо акцентованы, до них добраться слишком трудно: Сборник № 103 и Сборник № 3, которые сплошь акцентированы в системе тырновской группы они находятся на Афоне и получить их невозможно в течение десятка лет. Однажды я пытался связаться с Институтом восточных исследований и оттуда любезный аббат, который руковод,

вифимия. Он, конечно, представляет большой интерес. Это нужно иметь, по крайней мере, микрофильм.

В системе Киприана больше материала. Здесь два текста, которые полностью были расписаны. Для истории болг. яз. они более интересны, чем для славян., т. к. дают совершенно регулярные соответствия. А в тех случаях, когда нужны словообразовательные примеры [которые выписывались нерегулярно], они...

Эти примеры я собственно просто охарактеризую: они такого точно рода и даже исключения также встречаются, что они такого же типа, т. е. воло́въ вместо во́ловъ грѣхо́въ.

XIX. 1. IV. 1975. 1.

Лекция 19

Сегодня мы рассмотрим материал, который дан в группе Киприановских текстов. (тексты, которые приписываются митрополиту Киприану; хотя есть предание, что они писаны рукой Киприана, только Лествица написана одним почерком, а Псалтырь написана, по крайней мере, двумя почерками. Собственно Псалтырь относится к системе Киприана, а в других местах — другой почерк, другая система ударения и, по-видимому, они даже относятся к другим диалектам. „Система Киприана" — это название условное, сам по себе этот диалект северо-восточный, но не тот, который мы наблюдаем в тырновских текстах и не тот, который в Норовской псалтири. (которая относилась много к тырновским текстам и по манере письма она ближе к тырновским текстам и системой над. знаков соответствует тырновским текстам, но вот анализ ударения в глаголе привел к выводу, что это всё-таки несколько иной диалект, м. б. крайний северо-восточный, судя по нынешнему распределению акцентных диалектных систем.) Система Киприана имеет особенности, не относящиеся к именной части. Я напомню, чем они отличаются.

XIV. В тырновских текстах совершенно 3 л. ед. ч. аориста
т(?) будет погибы, при этом, если прибавляется частица сѧ, будет погыбисѧ. В киприяновской системе ударения в погибы как будто то же самое, хотя писец старается не акцентовать их, а в формах погыбисѧ — происходит такая оттяжка с частицы сѧ на предшествующий слог. Этот признак наиболее резко бросается в глаза. ~~Тырновская~~ Хотя в Лествице есть 2 примера с конечным ударением. Тырновская система первична (с ударением на энклитики сѧ, тѧ и т.д.), как и система Норовской псалтири. Она также наблюдается у Константина Костенчского, хотя у него явно юго-зап. диалект, скорее всего македонский.
В тырновских текстах это даже не обязательно сѧ, м. б. тѧ и т.д. Это наблюдается в массе в тех текстах, которые я называю текстами писца Гавриила. Это наиболее известные текст, подписанные. Это молдавские текст, которые уже в XV в. (тексты эти написаны в Молдавском монастыре, где существовало большая фабрика скрипторий, где знаменитый книжник, которого) Тырновская, Норовская и Гавриила...
но у Гавриила уже будет такое ударение —
какое? на приставке? погибы, погыбисѧ т. е. перенос у Гавриила
?) перенос на приставку потерян, а вот эти формы остаются как пережиточные.

Дело в том, что эти три системы, взятые мною условно названные тырновск.

Яцимирский считал Григорием Цамблаком.
Но это, скорее всего, фантастика страшная.
(ответ на вопрос) Вообще эта система Гавриила во всем другом очень **отлична** от всех, а по этим формам нел. (т.к. они массовые) можно легко ~~[illegible]~~ отличать текст. В общем-то системы различны. Об этом я писал в статье о классификации в статье, написанной совместно с Кучкиным — о локализации одного текста.

XIV.

киприяновская и Гаврила, — это вовсе не все системы, которые встречаются в болгар. письменных памятниках. Напр., памятники, писанные сербской орфографией, Константин Костенецкий и масса других различных систем существует, классификация и локализация которых представляет большие трудности. Но эти системы любопытны, главным образом тем, что они много дают для сравнительного языкознания, сравнит. акцентологии слав. языков. Они хорошо отражают переносы, потом по ним отражаются и в именах аналогичные явления. За них легче всего было взяться. Есть другие системы, которые прошли ряд изменений и за которые можно взяться, опираясь на эту группу текстов. Из них наиболее интересна, конечно, тырновская система. Она наиболее ранняя, но, к сожалению, памятники, которые входят в эту группу, акцентованы очень редко. И только большая масса их позволяет установить какую-то систему. А система Киприяна — тоже в текстах редко акцентованных (но 2 значительных текста имеют одинаковую акцентовку). Но она менее интересна во многих отношениях (с точки зрения исторической акцентологии).

XIX. Она более продвинутая. Но в некоторых моментах она дает строгую систему. М. б. там были большие колебания по диалектам. Но писец избегает акцентовать те формы, в которых он не уверен. А те, которые он акцентует, можно быть уверенным, что они проходят по всей рукописи, т. е. акцентованы во всей рукописи единообразно.

По а. п. (b) рукописи Киприана дают даже больший материал чем тырновская группа и акцентовка этой группы слов совершенно тождественна тырновской. Т. е. это восточно-болгарский диалект, в котором а. п. (b) совпала (за исключением тех слов, о которых я говорил) с а. п. (a).

[Киприановская группа текстов] (b) а. п.

Sg. Nom. ве́прь во́ждъ и̏ вра́чь вѣ́пль и̏ вра́чь вѣ́пль (ві́плъ, ве́плъ) гнои гроздъ гр[illegible] же дво́ръ дѫжд и̏ же́злъ ко́нь же (ко́нь бо) лѣвъ ме́чь (и̏ ме̑) но́же и̏ о̏гнь и̏ по́стъ пѫтъ ра́бъ (ра́бже) рѡ̀въ (пример семантической постановки грависа: ро̀в 'углубление') стлъ́бъ стѹ сънъ сѫдъ троу́бо оу̏м/же щитъ; многослож. воинъ живо́тъ мыта́рь пасты́рь пласты́рь оученѣ́

Gen. и̏ во́жда вра́ча ни ве́плѣ и̏з гро́ба же́зла (в Чудов. Нов. Завете это слово относится к подвижной а. п.) ко́нѣ кро́ва и̏ о̏гнѣ ѿ ме́ча

Отсюда нет на пленке golov. pe.

ѿ поста ѿ рώва ѿ сы́на (сы́на же) и̓ сѫда без тру́/да; многослож. война живо́та монастѝрѣ

Dat. врачю посту сы́ну же сѫ́/ду; живо́ту къ пасты́рю

Acc. врача гной гроздъ дъжⷣь жезлъ конѣ льва (лева) и̓ мечь и̓ ножь въ о̓гнь плⷣо постъ въ пѫт (на пѫт) въ рώвъ въ сы́нъ
(Полное отсутствие в этой группе переноса уд. на предлоги свидетельствует об особом характере парадигмы). сѫⷣ трⷣу о̓умъ и̓ цвѣтъ; война живо́тъ, кора́бль монастѝрь

Instr. (в Род., Дат. и Родит. наблюдаются редкие варианты). прѣ гробом жезломъ съ львом мечем (вариант мечемъ) ножемь съ о̓гнемъ и̓ о̓сломъ съ постомъ прѣ/стомъ пѫтемъ (пѫтемъ) студоⷨ съ сы́нωмъ цвѣтомъ; пла-/стѝремъ.

Loc. въ дворѣ во коши въ кровѣ въ ровѣ въ сынѣ на сѫдѣ; въ живо́тѣ.

Pl. Здесь наблюдается смешение основ.

Nom. волове вра́/чеве и̓ крови пости скоти сѫди хлѣ/ми, войни

Gen. волώвъ грѣхώвъ ѿ грѣхъ львовъ (ѿ лѣвъ), ѿ пли...въ рабъ и̓ сынωв сѣ труⷣωвъ; войнъ

Dat. къ врачемъ, но грѣхώмъ рабо́мь, скотωⷨ, ...ⷨ ...нωмъ ученѝ/комъ

Acc. вра́ча въ дво́ры же́злы ме́ча и̏ пръ́сты и̏ ско́ты
и̏ хлѣ̏ми щи́ты

Instr. въ̏ плъми (влияние і-основ) по́сты (по́сты же)

Loc. во́лѣхъ въ гро́бѣхъ въ дво́рѣхъ пѫ́техъ, ско́тѣхъ
въ съ́нѣхъ въ хлѣ̏мѣхъ (і-основа с сохранением следов і-основ)

По этим двум группам памятников создается такое впечатление, что в общем-то фонетическим был перенос ударения в падежах двусложных, а как регулировалось ударение в Дат. мн. и Тв. ед. — это не совсем ясно, поскольку эти падежи как раз и дают варианты. Вполне возможно, что здесь имело выравнивание вторично. М.б., в некоторых позициях перенос был фонетическим. Любопытно, что почти все случаи вариантов с конечным ударением — это двусложные имена: грѣхо́мъ рабо́мъ. В то время как краткосложные проходят в основном без вариантов. Но всё-таки решить вопрос категорически — что здесь было первоначально фонетической позицией, а что явлением по аналогии по данным текстам пока трудно. Нужно значительно больший материал. Но памятников в общем-то много, так что, по-видимому, можно будет решить этот вопрос.

Как я уже говорил в прошлый раз, в односложных словах типа пе́съ и в словах с ь, ъ и еще в суффиксе, переноса ударения с конца не происходит

Sg. N. пе́съ
вѣне́цъ коне́цъ лове́/цъ льсте́цъ младене́цъ; также о̑ре́лъ пѣве́цъ пришле́цъ стрѣле́цъ га̑ре́лъ

Gen. ца̂
вѣнца́ жрьца́ до конца́

Dat. цоу̑

Acc. ца́
вѣне̑цъ коне́цъ; младенца́, о̑це́тъ ся̑чецъ теле́цъ
га̑ре́лъ

Instr. вѣнце́мъ остно́мъ

Loc. — (Я полной выборки не сделал, поэтому не получилось).

Pl.
Nom. ци
вѣнци́ конци́ младен/ци́ о̑вни́

G. песъ
до коне̑цъ ѿ коне́цъ младене́/цъ ѿ хы/тре́цъ

Dat. ци́мъ
конце́мъ младенце́мъ и̑ птенце́[м]

Acc. вѣнца̂

—

Это нудный и случайный материал

Loc. въ конци́[х]

Вот, собственно, что даёт восточноболгарский для этой акцентной парадигмы. А в зап-болг. наблюдается в какой-то степени сохранение той системы ~~типа~~, которая характерна для чакавской что ли системы, т. е. без переноса ударения. И то, что для старощтокавской.

Старощтокавская система в этой группе да

показывает конечное ударение. Я могу привести некоторые примеры из тех памятников, которые в дальнейшем будут исследованы более подробно.

Сербское Евангелие XIV в. (явно сохранение конечного ударения)

Sg. Gen. до двора̀ храма̑ (храма̀) грѣха̑ ѿ плода̀
Dat. б/гню̀
Acc. врача̑ и т.д.; в том числе заимствование
Рим — всегда идет по ⓑ а.п. вьри/мѣ

Pl. Acc. гробы̀ (по а.п. ⓑ

Здесь мы видим совершенно ту же систему, которая отражена в Чудов. Новом Завете за исключением отдельных [redacted] основ, ну, и имеются исключения по отдельным формам. Но этого я касаться не буду сейчас. Они (штокавские системы) изучены еще недостаточно.

Чакавские системы точно соответствуют др-русской и современной русской.
Можно привести отдельные примеры из северно-южночакавского говора о. Брач. Краткосложные основы.

kȑst, — krstä̀; čȅp — čepä̀, vȍl (с удлинением перед сонантом) — volä̀; čȁs — časä̀ (любопытно, что čȁs отн-ся к ⓑ а.п., причем, и частотно) (явно вторично).
В то время как долгосложные показывают в Им. пад. новый акут: krı̃ž — krı̃žä̀; dı̃l — dı̃lä̀, grı̃xъ — grı̃ha, sı̃d — sı̃dä̀

То же в сев.-чак. говоре Novi.

XIX.

В словенском получилось следующее перераспределение а. типов: долготные имена а. п. (b) все почти полностью совпали с а. п. (a). Это видно из таблицы, которая была дана. Исключение представляют Им. и Вин. пад., где в долготных именах мы наблюдаем рефлекс нового акута, в то время как старая акутовая интонация сокращается. Только этими падежами эта группа имён различается. Потому что во всех остальных падежах проходит (или) просто долгое восходящее ударение, такое же, как в а. п. (a), или долгое нисходящее ударение, которое является для а. п. (a) нормальным рефлексом нового циркумфлекса. А в этой группе имён эта интонация явно возникла по аналогии.

Loc. pl. *kǫ́tě̃xъ (праславян.) – здесь должен быть новый акут, а в словен. kǫ̑tih – не восходящая, а нисходящая, как в каком-нибудь слове а. п. (a) rȃkih, где рефлекс нового циркумфлекса нормален, который возникает из акута перед долгим, т. е. в словен. наблюдается непонятное изменение нового акута в новый циркумфлекс. Его происхождение можно считать аналогическим, или, можно сказать, морфонологическое происхождение. (процесс частично по аналогии, но этот процесс охватывает так много разных форм, причем в совершенно разных позициях, что уже связи с морфологическими типами просто не наблюдается. Наблюдается замена его (нов. акута нов. циркумфлексом) в целом ряде морфонологических типах. Самые разные

Такие замены могут быть допустим, в уменьшительных именах, т. е. там, где имеется производное и где в этом производном регулярно происходит переход н. акутовой интонации в новоциркумфлексовую; то там же будет регулярно в образованиях от долготных имен а. п. ⓑ так же проводиться такая же замена. Так что это как бы машина, работающая с механическим результатом. От этой же а. п. имена на

?) ары, так же, как от а. п. ⓑ и а. п. ⓐ замену восходящего ударения на нисходящее. Аналогичное положение в именах на -bj, на -stvo – здесь будет происходить эта замена. В общем эта система замен охватывает сплошь всю систему словообразовательную и словоизменительную словенского языка. Регулярность её почти равна фонетической. Итак, все долготные имена а. п. ⓑ проводят такую регулярную замену, которая полностью объединяет их с а. п. ⓐ за исключением Им/Вин. пад.

Чтобы показать, что это происходит более или менее регулярно, можно провести значительную выборку имен, которые относятся к этой группе.

Мы уже брали кут, русск. кута́, [чакав.]

чакав. kut – kūtȁ,

gáj – gājȁ

штокав. hrȁst – hrásta (с перемещенн. ударением)

чакав. plȁšč plāšča̋

штокав. plȁšt plášta

русск. плащ плаща̀

словен. kǫ̑t – kǫ́ta

gȃj – gája

hrȃst – hrásta

krȃlj – králja

plȃšč – pláščа

чак. vrác̆, vrác̆a̋	словен. vrác̆ vrác̆a
рус. врач врачá	
штокав. vrȃč vráča	
чак. Rīm Rīmä̋	Rím, Ríma
штокав. Rȋm Rīma	

Отсюда нет магнит. записи

В самом словен. принадлежность этих слов к а. п. ⓑ определяется только формами Им./Вин. п., где будет долгота в отличие от краткости в а. п. ⓐ.

В многосложных словах то же:

словен. čepíh, klobúk – klobúka

чакав. klobūkä̋

рус. клобукá

штокав. klȍbūk, klobúka (перенесенное ударение)

В словен., кроме того, есть еще две группы имен, которые ведут себя по-разному.

I. При наличии предшествующего редуцированного перенос отсутствует (в болг. из односложных имен только „пёс" [не имеет переноса], а в словен. – регулярно и в односложных и в суффиксальных именах).

слов.	bə̀č,	bəc̆à	'сосуд'
	bə̀t,	bətà	'бот'
	bə̀z	bəzà	'бузина'
	də̀ž,	dəžjà	'дождь'
	kə̀l	kəlà (*)	'клык'
	lə̀b	ləbà	'лоб'
	pə̀s	pəsà, psà	'пёс'

слов.	sə̀l	slà 'посол'
	sən,	snà
	səs,	səsà 'грудь'
	ščə̀p,	ščəpà * 'щепоть'
	šə̀v,	šəvà, šva 'шов'
	kr̄st	kr̥stà (заимствование 'крещение')

в имен. п. Сюда же относится Tr̄st : Tr̥stà

Так же ведут себя образования с б в суффиксах

II. Большая группа имен с краткостным корнем, в которой перенос произошел, хотя и давно, но <u>позднее</u>, чем в долготных основах. В них отсутствует перенос в Род. и Мест. мн.

нет примеров

Лекция № 20

~~По прошлой тетради мы ряд~~

В конце прошлой лекции мы говорили о составе лексики словен. яз., относящейся к (в) праславянской а. п. Из долгосложного типа а. п. (в), который совпал с а. п. (а) во всех формах, кроме Им.-Вин. Я тогда привёл не полное собрание примеров, а выборочно, чтобы только показать, как рефлексируется. Видимо, нет смысла приводить более полный список примеров. Но (в) а. п. <u>краткосложные</u> основы, м. б., есть смысл записать те примеры, которые относятся к этому типу. Мы в прошлый раз записали несколько односложных имен на старый редуцированный, они имеют то свойство, что там сохраняется конечное ударение — нормативно и в части диалектов, а в других диалектах, где произошел перенос, это единственный случай, где перенесенное ударение не удлиняет [redacted] слог, т.е. при наличии ударения на корне — здесь краткое ударение.

Например, <u>bə̀z</u>, <u>bəzà</u> Род.; — в части диалектов и в нормативном языке можно это произнести и с перенесённым ударением, т.е. bə̀za, но это перенесенное ударение [не удлиняет слог] (хотя обычно в словен. внутреннее ударение долгое). Т.е., повторяю, эта группа слов с редуцированным в корне, не имела перетяжки ударения с конца (в Род. и др. пад.), а если эта перетяжка и происходила, то перетянутое ударение не удлиняло слог. Это слова типа: bə̀č, (bəčà;) bə̀t, kə̀t (kəlà, klà), pə̀s, də̀ž, kȓst, krstà, Tȓst, Trstà. и т. д.

А многосложные основы (масса с суффиксом -ьк- и -ьц) ведут себя так же. Например (из 17 записанных мною можно взять несколько): svę̣tə̀k – cvetkà, snubèc – snubcà ?)?) 'свет' hrbə̀t – hrbtà. и т. д. В общем это совершенно регулярное явление.

И наконец просто краткосложные имена, которые обнаруживают ряд отклонений. И ряд сложностей, связанных с трудностью установления первичной а. п., Мы записывали тот а. тип, который я считаю первоначальным. Но кроме таких форм, которые обычно указываются, в ряде случаев наблюдаются и другие варианты типа Мест. ед. v vǫ́ji па dǫ́bu па kǫ́nji (это так, как показывает эти формы Валявец – в транскрипции Плетершника). Подобные формы встречаются во множ. числе: Тв. мн. – с аналогичным же типом гласного, который как будто свидетельствует о первичном новом акуте, именно с рефлексом нового акута: s vǫ́li s kǫ́nji. Любопытно, что Валявец который приводит такую выборку форм, приводит именно случаи, которые явно непервоначальны, потому что должно быть первоначально *s vǫlmi, поскольку это й-основы, а kǫnj мог идти по i-основам. Как я уже говорил много раньше, что эта группа форм была использована Стангом для доказательства своего закона, т. е. в этих случаях Станг предполагал старый перенос на предшествующий гласный. Но дело в том, что все эти формы совершенно неоднородны: в Тв. мн. как будто бы рефлекс действительно нормальный, но приводится при этом только такого

рода примеры, которые не являются первоначальными, т. е. не относятся исконно к о-основам, а в Мест. ед. мы наблюдаем хотя и закрытое ẹ, свидетельствующее нам будто о новом акуте, в виде рефлекса мы явно наблюдаем не новый акут, а тот рефлекс нового циркумфлекса, который наблюдается в а. п. (a), т. е. иными словами: нормальная а. п. этих краткосложных основ подвергалась и подвергается сейчас очень большому влиянию а. п. (a) и той группы имен, которые полностью совпали с а. п. (a), т. е. долготных имен а. п. (b). Раскрытие некоторой неопределенности, которая имеется в рассмотренных фактах, возможно только при тщательном сборе всех примеров такого толка. Необходимо собрать эти варианты (   ), насколько они широко распространены и какие диалекты они охватывают. М. б. это какой-то диалектный тип (что вполне возможно, потому что в словен. явно разные типы распределения по диалектам наблюдаются в глагольной системе: в одних случаях мы видим варианты, распределяющиеся нам бы по закону Крижанича, а в то же время сосуществуют варианты а. п. (b), т. е. какой-нибудь — пример м. б. неверный, но он может дать характеристику состояния: postím — может быть или такой вариант с конечным ударением, или pẹstim. Наличие таких двух вариантов в словен. (не гарантирую, что именно

это слово, но такого рода слова имеются в виду) свидетельствуют как будто бы, что в самом словенском существует две группы диалектов – в одной шёл тип, близкий к восточноболгарскому распределению а в другой был тип Крижанича. Но это требует большой работы (в словаре Плетершника фиксируется и такое и такое ударение). К сожалению, я не успел провести эту работу по всему словен. диалектному материалу, который можно сейчас найти, так что не могу сказать об этом более конкретно. Если я приду к каким-то выводам, я потом сделаю дополнительное сообщение по этому материалу.

Какие же слова относятся к этой кратко́слогной части а. п. (в)? Их довольно много. И праславянских с такими соответствиями у меня 43 примера.

čȅр – čȅра род. (есть предположение, что это заимствование, но ... 'затычка,' но оно довольно широко распространено, так что, м. б., это и первично), по правописку Мест. ед. čȅри и čȅри (которые можно так расшифровать), так что почти всегда наличествует такой вариант в Мест. ед.

gnȅt, gnéta, hmȅlj – hmélja*, klȅn – kléna, mȅč – méča, bȍb – bóba, bȍk – bóka, bȍr – bóra (это слово только словенское, оно очень интересное – это имя-действие от глагола "бороться" 'борьба', в отличие от bȏr 'сосна', которое относится к подвижному типу).

* Открытый характер e указывает на перенесенное ударение. Эта лексема по всем юж.-слав. идет по (в) а. п.

bròč - bróča 'корень, из кот. краску делают', bròj - brója, dvòr - dvóra, glòg - glóga (и glǫ́ga – вариант с закрытым ǫ, свидетельств. о том, что там было неподвижное накоренное ударение, это соответствует русскому как будто бы, но во всяком случае, это говорит о том, что здесь неподвижная а. п. (болгарский, русское 'кизил'), gòj - gója (любопытно что а. п. (b): с точки зрения той акцентологической схемы, которую я принимаю, это производное от живу с а. п. неверного а. типа. Я думаю, что в словен. языке а. п. (b) сохраняется в краткосложных в большей степени, чем в других языках), gòzd - gózda 'лес', gròb - gróba, gròzd - grózda (в штокавском здесь не совсем понятное спорадическое вторичное удлинение), gvòzd - gvózda, klòp - klópa 'клещ', kòl - kóla, kònj - kónja, kòš - kóša, kròj - krója, kròv - króva, mòl - móla, nòž - nóža, pòd - póda, pòp - pópa, pòst - pósta, ròb - róba (rǫ́ba – вторичный вариант с закрытым ǫ), ròj - rója, ròv - róva, skòt - skóta, slòj - slója, slòn - slóna, smòk - smóka, snòp - snópa, sòm - sóma, stòl - stóla; stròk - stróka 'стручок' (этот слово вошло в этот тип явно по аналогии, с кратким "ǫ" пишется, хотя здесь явно был носовой, следовательно, долгий и он д. б. дать ǫ, видимо был перестроен по аналогии с др. словами на =o=), stròm - stróma, stròp - strópa, vòl - vóla, ócet - ócta.

Аналогично ведут себя и многосложные такого же типа hobot, otròk - otróka, sokòl - sokóla, živòt - živóta (образования с суфф. =ov, =ok).

Таким образом, в этой группе сплошная каша,

позволено [употреблять] любое ударение. Для образца это а. п., для показа её акцентной кривой берется вòв

Sg. N. вòв	Pl. N. вóві
G. вóва	G. вовọ́в – это основной, первичный вариант, но есть и вóвов – с явно оттянутым ударением, т. к. гласной открытой.
D. вóви	D. вóвом
Acc. вòв	Acc. вóве
Instr. вóвом	Instr. вовтí, вóві – вариант, но в ряде слов может быть тип *вọ́ві** (напр. кọ́пјі)
Loc. вóви*	Loc. вовéћ – это, видимо первичное, но возможно и вóвіћ – это обычное оттянутое ***

* но наряду с этим в Loc. Sg. есть вариант вọ̀ви, т.е. такой же тип ударения, как в именах, восходящих к а. п. (a).

** Есть ли такой вариант *вọ́ві именно у этого слова, я не знаю, словари и грамматики не позаботились, чтобы отметить это. Во всяком случае, Правописание не даёт такого варианта. Кстати, в Правописе не отмечают какое они имеют в виду ударение – такое ó или ọ́.

*** В некоторых словах, но опять-таки не в этом, типа кọ́пј и т.д. мы встречаем здесь закрытое "о". Есть ли в этом слове *вọ́веђ – установить трудно. Чтобы это установить, нужно просмотреть много диалектного материала. Кое-что записано Илешевичем, Вальяцем, но всё очень мало. [redacted]

Так что всё же за основу сравнения я принимаю тот ряд форм, где Род. мн. вовọ́в, [Instr. вовтí], Loc. вовéћ. Т.е. наличие наконечного удар.

в Род. и Мест. мн. и оттянутого в других падежах.

<u>В словинском</u> наречии кашубского языка мы видим ту же самую картину, что и в словен. Но если в словен. вторичная оттяжка приводит к тому, что краткосложные имена начинают смешиваться с долгосложными и с а. п. ⓐ – с рефлексами а. п. ⓐ, то в словинском процесс шел к полному размежеванию форм долгосложных имен, которые совпали с а. п. ⓐ, (т. е. слова типа bík, dřéx, klúc, króue, sóuą, šěřt vouşä мн. ч.), а краткосложные исконной ⓑ а. п. (к ним относилась большая группа имен) совпали с а. п. ⓒ (bẽc̑s – besú Мест.; bóuв – bobjëx, Вин. bobóu̯, dróu̯zd – drozdóu̯, dvór – dvorö̯, göu̯zz – gozzí Вин., vòct – voctú Мест.).

Схематически это можно представить так:

Праславян. а. п.

a | в | c

долгосл. | кратсл.

В словин.

Неподвижн. а. тип

Подвижн. а. тип.

Отличие долгосложных исконной ⓑ а. п. только по долготе гласного корня: тип ⓐ стал краткосложным, а ⓑ сохраняет долготу, поэтому они довольно хорошо отличимы даже в самом словенском.

В общем по составу лексем словин. почти полностью совпадает с словен.

"гроб" "могила", "хмель" "кош" "козел" "лев" "нож" "паук" (вторично сюда вошёл), который восходит к вариант

типа русского павок, павие́ (диал.) – м.б. ранняя морфология. замена, м.б. в общем параллельно с литерат. паук – паука́
"рой" "ров" "серп" "смок [=дракон]" сноп стог, (вторично) щур, тхорь осёл орел осот и др. и vȍst, vostí Loc. 'усус'. [и в словенском это пропущено: – явно перенесенное ударение].

Напомню как изменялась эта акцентная кривая. Эта кривая кратносложных исконной (в) а. п. в словинском полностью совпадает со словенским, кроме Мест. ед. (в котором конечное ударение сохраняется, а в словенском оттянутое ударение), Род. мн. (-о̑ц), Дат. мн. (-ѐт, в словен. ударение оттянутое), Тв. мн. (-mі̏), Мест. мн. (ѐх). Собственно совпадают со словен. Род. мн., Тв. мн., Мест. мн.

. . . . . падежи можно считать под влиянием подвижного типа. Но, как мы потом увидим, никаких нет строгих аргументов, чтобы думать, что в этом падеже было конечное ударение в подвижном типе, если не принимать [во внимание] словенского.

В сущности этот процесс трактуется так: в словинском ударение сохраняется на новых интонациях: на новом акуте, на интонациях типа нового акута, новый акут краткости, потому что считается здесь перенос с ъ.

О словен?

Эта парадигма конечноударенная, но в этих случаях (Род и Дат мн) ударение перетянуто: в Им., Род. (с конца), Дат. (с конца), т. е. в тех случаях, когда мы наблюдаем обычные краткостные ~~[illegible]~~ окончания, ударение [с них] перетянуто. Ударение не перетянуто с долготного окончания Мест. ед., которое и сейчас сохраняет долготный характер, и по-видимому, имело восходящее ударение. В Тв. мн. мы знаем, что в словен. было восходящее ударение — далее во всей западной области и юго-западн. Здесь (   ) в а. п. (c) было восходящее ударение, объясняемое переносом с ъ. В а. п. (b) мы не знаем, какое было ударение. Оно собственно совпадает с ударением а.п. (c) и факт этого совпадения тоже может быть вторичным, потому что первично они могли различаться. Но в общем-то, по-видимому, на долгих внутренних слогах если было к-то ударение, оно было ~~долготным~~ восходящим. Значит, здесь (   ) было восходящее ударение.

Что касается . . . .   можно думать, м. б., оно перетянулось раньше, а потом по аналогии выравнялось с а. п. (c), ведь оно здесь было перетянуто на -о- и имело восходящий характер. Этот падеж (Род мн. -ов) — это уже явная аналогия, т. к. из него выносят ĭ-основы. Но в распределении его всё сохр-сь, как в словенском. По-видимому, здесь тоже было восходящее ударение.

Я уже показывал раньше: строгой гарантии, что в а. п. (b) ударение было таким же как в а. п. (c) мы не имеем. Беднянский говор как раз показывает в а. п. (b) нисходящее долгое ударение. в отличие от а. п. (c), где рефлекс нового акута. Единственный как будто случай, но весьма характерный. Беднянский показывает другое нисх. долг. уд. Чем это объясняется мне это не совсем ясно. Вторичный это процесс, или сохранение какой-то архаики. Потому что вообще-то говоры посавские обычно приводятся как пример диалектов, сохраняющих новый акут. А если внимательно рассмотреть посавский материал, то там, во-первых, нов. акут этот сохраняется в части диалектов только и, во-вторых, только после краткости, а после долгот он переходит в новый циркумфлекс. М.б. здесь в беднянском говоре тоже ч-то подобное произошло.

XXI. 29. IV. 1975 г.

Лекция №21.

Имена сред. рода а. п. (b)

Прежде чем непосредственно приступить к их сравнению мы должны вспомнить те источники, из которых возникла эта группа имен по теории В. М. Иллич-Свитыча. Это, по-видимому, важно и вот почему. Чем больше я занимаюсь этой группой, тем мне меньше ясно становится соотношение в этой группе имен. Дело в том, что та кристальная ясность, которая существовала в классической акцентологии, сейчас всё время нарушается новым материалом, который во многом препятствует традиционной реконструкции а. кривой этих имён. А классическая реконструкция их очень проста: считалось, что вино́ (*vīno) имело конечное ударение в един. числе во всех формах, а во множ. числе проходила перетяжка ударения неясного свойства vīna — появляется начал-но долгота в Им. Вин. пад. и во всех остальных падежах. Такое соотношение в этой группе имен рассматривалось как непосредственное продолжение индоевропейского состояния, хотя новый акут — это далеко не первичная интонация. То же самое предполагалось и для краткосложного типа selò, sèla. Это как будто бы совершенно точно соответствует обратному состоянию в а. п. (c): mę̑so — męsà (ее), mõje — mojà. Какие-то остатки какого-то распределения ударений мы встречаем в др.-греч. И то, что так по кон-

традиционному принципу распределялись ед. и мн. ч. как будто это является общим местом всех акцентологических теорий относящихся к сред. роду с очень давнего времени — с его прошлого века.

То, что мы наблюдаем при сравнении славянских языков как будто бы препятствует реконструкции именно этого типа (   ). Этот-то тип у нас сохраняется (   ), а реконструкции такого вот типа (   ) эти факты препятствуют, как бы их мы интерпретировали. Можно предположить, что Им. и Вин. мн. — не является индоевропейским наследием, а как оттяжка по закону Стана. (с долгот, ну, и там др.). Если даже предположить, как предполагает Стан, что эти долготы вторичные, и здесь выравнивание, то м. предполагать, что в Им. и Вин. тоже произошло выравнивание по каким-нибудь Мест. и Тв: selěxъ, sely — где конечная долгота была исконной. И что такое выравнивание могло быть показывает наличие конечных ударений для слова, допустим vino — для долготных имен в штокавском и конечноударный тип сохраняется в западнохорватских диалектах и для этой группы слов с краткостью. Если рассматривать это, исходя из закона Крижанича, и опираясь на западнохорватские диалекты и на болгарские памятники, то мы наблюдаем такое следующее. В сред.-бол. это распределение будет выглядеть так: вѝно — вѝна (мн.).

Но краткост. се́ло — села̀ (мн.) — в вост.-бол.

диалектах происходит оттяжка в ед. ч., а во мн. ч. сохраняется такое распределение [по долготе/краткости корня]. Т. е. это распределение как будто по закону Крижанича.

Этому соответствует положение в диалекте Крижанича: в Мест. мн.: лйцех но селйх

аналогично в Им. мн. лйца но рега́ рleса́

Хотя есть несколько неясных отклонений, вариантов, например, въ сёлех (в „Политике") – но это неясно, насколько точно это передано. Но на три примера в „Политике" и в „Грамматике" . . . . .

В общем, принцип распределения ясен.

Что мы будем восстанавливать для праславянского? М. б. восстанавливать vína и sèla или vína и selá. Такая ( ) реконструкция, кстати, предполагает полнуную окситонезу во всей а. п., это дополнительно распределено в зависимости от долготы, а если принять Станговскую реконструкцию, то оба будут дополнительно распределены по типу окончаний.

Обе эти реконструкции опираются на достаточно небольшом материале. Я сомневаюсь в обеих реконструкциях и Станговской и своей, потому что сам-то тип этих имен сложился совершенно необычным образом. Об этом я хочу сказать. Как сложилась эта группа имён с точки зрения её праиндоевропейских истоков? То, что было показано В. М. Иллич-Свитычем.

Иллич-Свитыч о формировании а. п. типа (в) имен сред. рода. Если посмотрим на эту группу имен с точки морфологической: имена ж. р. – это просто имена жен. р., а если посмотрим на имена муж. рода, то тут уже начинается какая-то ненормальность. Как показано было В. М. Иллич-Свитычем – все хорошо реконструированные имена а. п. (в) муж. р. восходят к именам сред. рода. Он приводит следующие примеры: *dvòrъ || др.-инд. dvā́ram – сред. рода (также в греч., латин. ср. р.);

pòdъ || греч. πέδον ср. р.

tь́rnъ || tṛ́ṇam (список этих имен можно найти в кн. Иллич-Свитыча „Именная акцентуация в балтийском и славянском" стр. 123 и след.)

Таким образом из категории сред. рода выпали и перешли в муж. род все бывшие баритонированные и краткосложные имена сред. рода, т. е. те, которые должны были бы дать окситонезу. Но тип-то существует. Откуда же эти слова, входящие в него? Получается такая странность – он возник совсем иным способом, чем имена а. п. (в) жен. и муж. Туда входит масса производных имен, которые сохранили свой род, поскольку данную родовую характеристику требовал суффикс. Но, с другой стороны, туда входит несколько непроизводных имен: però, gnězdò, jędrò, ętrò, silò, gъrnò, dъnò, *vortò, *jętrò, *plutje (значок * отмечает имена, которые употребляются только во мн. ч. Иначе, т. е. *vórta, *jętra,

jętra, plitja). Все эти слова, рассмотренные Иллич-Свитычем, восходят, по-видимому, не к баритонированным именам сред. р., а к и-е окситонированным именам. Правда, т.к. это..... здесь и в других и-е языках тоже должен соответствовать баритонированный тип, т.е. в соответствии с а. кривой, которую реконструировала традиционная акцентология.

2) [Ответ на вопрос об акцентном типе мн. ч. ср. *vorto, *jętro и т.п.: в литов. vařtai – II-я а.п., т.е. баритонированная, греч. ἔντερα – тоже баритонированное. Это соотношение нормальное со всех точек зрения. Мы можем это рассматривать как Pl.-tantum с ещё с и-е времени с ударением на корневом, в котором ударение оттянуто по закону Иллич-Свитыча на конечный слог, а потом оно было оттянуто и получился новый акут. Эта гипотеза допускает слишком много переходов. А иначе мы должны предполагать возникновение нов. акута каким-то иным способом].

А этот-то тип ( ) соответствует окситонезе. Все имена в балто-славянском, которым в др.-инд. и др.-греч. соответствует окситонеза, предстают у нас в качестве подвижных, т.е. а. тип (c). В данном случае получается такая чепуха: это не переходит в а. тип , а сохраняет своё конечное ударение.

Между тем переход в подвижный тип, (по-видимому) существовал в именах сред. рода, потому что (эта гипотеза Ил.-Св. построена на еще более шатких основаниях, т. к. почти во всех приводимых им случаях строго нельзя доказать старую интонацию; слова типа „мясо", которые относятся к подвижной а. п. оказывается тоже соответствуют окситонированному типу и-е языков, вот это уже ненормальность. И для того, чтобы понять и объяснить эту ненормальность Ил.-Св. предполагает, что m̃ęso — имело первоначальный акут, но при конечном ударении. Ил.-Св. предполагает перераспределение: все имена с акутированным слогом и с конечным ударением в славян. языках переходят в подвижный тип — все имена сред. рода, а с неакутированным корнем сохраняют конечное (неподвижное) ударение (те случаи, которые я привёл). Иллич-Свитыч считает, что так объясняются следующие имена: m̃ęso, jaję jẫro vẽno pĩvo zolto tẽsto lę̃do sẽno (имена подв. типа, первоначально окситонированные, и перешедшие в подв. тип, потому что имели акутовую интонацию корня) или с долготой первоначальной — добалтославянской. если мы будем стоять на том, что существовали интонации безударного слога, то в этом случае можно предполагать на корне — акут, [а ударение — на конце]. А если мы будем стоять на точке зрения....

(не продолжил)

Как будто бы в подвижном типе должен был находится такой долготный класс основ, но в действительности это отнюдь-таки не так. И вот тут возникает... в этот же подвижной тип входит ряд йотированных имен, кратностных: mȍčė dȍčė pȍčė vȇtje (это долготный тип, неясный). Иллич-Свитыч считает, что эта группа имен происходит от баритонированных йотированных основ, т. е. тех, которые должны были бы дать окситонированный класс. Но ввиду того, что тут был сред. род (они не перешли в муж. род. из-за йотированности) [они стали подвижными типом].

далее магнит. не работал

В др.-рус. памятниках встречаются какие-т. варианты с конечным ударение (во мн. ч.) — эти примеры собраны Колесовым. Они говорят о том, что переход ударения к началу слова был достаточно поздним.

Сравнительная таблица акцентуации имен сред. рода а. п. (в) в славян. языках

	русск.	с-х. штох.	чакав.	словен.
Sg.				
N.-A.	село́ вино́	сѐло ви́но	selȍ vīnȍ	sélo víno
G.	села́ вина́	сѐла ви́на	*selȁ vīnȁ	séla vína [1]
D.	селу́ вину́	сѐлу ви́ну	*selȕ vīnȕ	sélu vínu
Instr.	село́м вино́м	сѐлом ви́ном	*selón [2] *vīnón	sélom vínom
Loc.	селе́ вине́	сѐлу ви́ну	*selȕ *vīnȕ	sélu vínu

В ед. ч. реконструкция ясная, т. к. явно реконструируется во всех формах окситонеза.

(1) Оттянутое ударение, о котором свидетельствует открытый характер е̨.

(2) Долгое ударение, т. к. механически удлиняется.

	русск.	штокав.	чакав.	словен.
Pl.				(sȩ̂la)[5]
N.A.	сёла ви́на	сё̏ла ви́на(3)	sȅla vĩna(4)	sȩ́la vîna
G.	сёл ви́н	сё̄ла̄(6) ви́на̄	sȇl (sél) vín	sȩ́l (sȩ̂l) vîn
D.	сёлам винам	сё̏лима ви́нима	[seldon] * vínȭn	sȩ́lom (sȩ̂lom) vînom
Inst.	сёлами винами	— " —	sȅdli (sedlȉ) víni	sȩ́li (sȩ̂li) vîni
Loc.	сёлах ви́нах	— " —	sȅdlīh (sedlíh)[7] * vínih	sȩ́lih (sȩ̂lih) vînih

(3) Этот материал не отражает закона Крижанича, наоборот. Распределение здесь не очень четкое, но краткосложный тип обычно всё же с накоренным ударением сёла, а долготный — с наконечным ви́на.

(4) Эта оттяжка, как показывает чакавский материал, старая, т. к. результатом её является новый акут.

(5) Эта словенская форма явно вторичная, под влиянием долгосложных основ. Долгосложный тип полностью совпал с а. п. (а), т. е. рефлекс нового акута заменен на нов. циркумфлекс. Все формы в Им.-Вин. мн., кроме штокавской, идут по реконструкции Стонга. Диалект Крижанича, бокар. [illegible] — показывают иное состояние (при территориальном и хронологическом расхождении).

В словен. — картина сложная. М.б., там распределение идет по зонам < sę̂la / sę̀la.

⑥ Здесь в штокав. Р. мн. — рефлекс нового акута, удлинённого.

⑦ В чакав. sedlìh (Loc. pl.) — сохраняется нов. акут, конечное ударение, но перетяжки не происходит. В то время как в долготных — ударение на корне.

В словен. двусложные основы ⓑ а.п. перешли в а. тип ⓐ, кроме čréslo, žrélo, которые перешли в краткосложный тип.

Сама эта таблица больше свидетельствует в пользу Станга. Если бы А. Белич собрал весь материал в чакав. говоре Novi, то он мог бы дать последний стык чакавский (Крижанича) отношений и штокавских. Но, м.б., вся эта система была перестроена под этот тип отношений?